

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

Л. В. Зубова
Ю. В. Меньшикова

**МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Учебник
для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2014

УДК 811.161.1'336
ББК 81.2Рус-2-923
М79

Авторы:

Л. В. Зубова — «Словообразование»;
Ю. В. Меньшикова — «Морфемика»

Морфемика и словообразование современного русского языка : Учебник / Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфемика и словообразование современного русского языка». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-8465-1405-8

Авторы учебника по курсу «Морфемика и словообразование русского языка» стремились дать в нем максимально полное описание принципов морфемного анализа слов в русском языке, уделяя особое внимание спорным вопросам морфемной интерпретации. Особенностью данного учебника можно назвать наличие обширного описания формо- и словообразовательных структур русских слов и возможностей аналогического членения.

В соответствующем разделе рассмотрены основные способы словообразования и их функционирование в системе современного русского языка.

Пособие является частью учебно-методического комплекса, предназначенного для студентов филологических факультетов высших учебных заведений Российской Федерации, в который также входят хрестоматия и сборник упражнений по морфемике и словообразованию.

УДК 811.161.1'336
ББК 81.2Рус-2-923

ФОНД РУССКИЙ МИР

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ISBN 978-5-8465-1405-8

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый учебник «Морфемика и словообразование современного русского языка» является частью учебно-методического комплекса по морфемике и словообразованию современного русского языка, составленного на Филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Учебник состоит из двух разделов — «Морфемика» и «Словообразование». В состав комплекса входят также сборник упражнений и хрестоматия, содержащая фрагменты научных работ, как необходимых для понимания материалов учебника, так и дополняющих его.

В учебнике отражены как общепринятые концепции соответствующих разделов языкознания, так и дискуссионные вопросы, обсуждаемые лингвистами. Во многих случаях приводятся синонимические термины, которые фигурируют в разных лингвистических работах.

В качестве иллюстративного материала представлены тексты из классической русской литературы, а также из прозы и поэзии последних лет. Большинство примеров приводится впервые.

После изложения теоретического материала даются примеры подробного словообразовательного анализа слов различной структуры.

В разделе «Морфемика» излагаются принципы морфемного анализа и обсуждаются дискуссионные вопросы, связанные с членением слова на морфемы, а также со статусом, значением и классификацией вычленяемых элементов. Особенностью учебника является подробное описание этапов морфемного анализа с привлечением обширного фактического материала современного русского языка.

Еще одной важной особенностью стало наличие разделов, посвященных словообразовательной стилистике и неологии, в которых описываются типы узуальных неологизмов, способы незуального словообразования, а также возможности словообразовательной стилистики. В разделах по словообразовательной стилистике и неологии учащиеся могут не только получить сведения о многообразии словообразовательных ресурсов языка, но и подробно ознакомиться с особенностями использования этих средств в художественных текстах и в современной разговорной речи.

В предлагаемом учебнике более подробно, чем в уже существующих учебных пособиях, представлены сведения о морфемных и словообразовательных словарях с иллюстрациями в виде словарных статей.

Учебник предназначен для студентов филологических специальностей вузов и может использоваться как в комплексе со сборником упражнений и хрестоматией, так и независимо от них.

МОРФЕМИКА

Раздел 1

МОРФЕМИКА КАК НАУКА

Морфемика — это раздел языкознания, в котором изучается структура слов и форм слов языка, организованная минимальными значимыми языковыми единицами — **морфемами**. Так как структура слова и функции ее компонентов также являются объектом грамматики и словообразования, морфемика тесно связана с теми аспектами теории частей речи и словообразования, в которых изучаются способы выражения морфологических и словообразовательных значений.

В задачи морфемики как раздела языкознания входит определение функции морфемы как единицы языка, установление специфики семантики морфемы как минимальной значимой единицы, разработка классификации морфем, процедуры вычленения морфем и принципов отождествления. Решение этих задач позволяет получить описание особенностей морфемного уровня языка и расширить на этой основе знания о свойствах единиц более высоких уровней, и прежде всего о свойствах слова, являющегося основным объектом лингвистического анализа.

Морфемика как самостоятельная дисциплина сформировалась относительно недавно, многие положения, важные для этой отрасли научного знания, сформировались в рамках словообразовательного анализа и морфологии. Одним из следствий этого стало недостаточно четкое разграничение целей, задач и объектов словообразовательного и собственно морфемного анализа. Задачей словообразования является всестороннее изучение способов пополнения словарного состава языка. Словообразовательные единицы многообразны, а словообразовательные процессы имеют межуровневый характер. Основным объектом словообразовательного анализа являются структурно неэлементарные части производного слова, в состав которых входят минимальные значимые единицы — морфемы.

Точно так же морфемы используются грамматикой как основное средство формообразовательной системы языка. Вместе с тем морфема — языковая единица, репрезентирующая самостоятельный языковой уровень, предполагающий свои собственные принципы и методы анализа, к которым прежде всего относится собственно морфемный анализ, отражающий все структурные возможности системы языка. Заложенный в морфемной структуре потенциал предопределяет возможность наличия у морфем только самого общего значения, устанавливаемого путем парадигматического отождествления, которое во многих случаях не дает возможности определить инвариантную семантику вычленяемых элементов.

Становление морфематики как самостоятельной отрасли научного знания осуществлялось в два этапа, на первом из которых морфемный анализ рассматривался как одна из стадий словообразовательного анализа. На следующем этапе морфематика была признана независимой лингвистической дисциплиной со своей методикой, объектом и набором задач. Термин «морфематика» начал широко употребляться после выхода «Грамматики современного русского литературного русского языка» (1970 г.).

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ: СИСТЕМА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИЯ В ЯЗЫКЕ, ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ЯЗЫКОВЫЕ УРОВНИ

Современный лингвистический анализ невозможен без понятий **система** и **структура**. Термин «система» употребляется для описания различных явлений (ср.: *Солнечная система* и *система химических элементов*) и используется разными науками, требующими большей или меньшей формализации этого понятия. Язык с течением времени меняется, поэтому системное описание языка должно быть как синхроническим — отражающим состояние языка в определенный момент его развития, так и диахроническим — демонстрирующим тенденции и правила изменения системы.

Назначение языка определяет функциональный характер его системы. Функциональность означает, что как устройство всей системы в целом, так и назначение всех ее составляющих связано с определенным целевым назначением (функцией), именно поэтому с обсуждения функций языка начинается любой учебник по языкознанию, а анализ функций языковых единиц составляет основу описания на отдельном лингвистическом уровне. Благодаря своим функциональным свойствам язык, являясь средством общения и передачи информации, способен развиваться в соответствии с изменениями в речемыслительной деятельности общества.

Общепринятых определений применительно к языку, позволяющих строго разграничить термины «система» и «структура», на данный момент не существует, неслучайно многие исследователи употребляют их как синонимичные. Однако современное языкознание стремится разграничить эти понятия, что представляется вполне логичным. «Структура» понимается как результат отражения отношений между элементами, выделенными с помощью определенного метода, а «система» — как единство взаимосвязанных и взаимозависимых элементов и их структурных отношений. Подобное понимание «структуры» и «системы» имеет общий характер и может быть применено к различным системным объектам.

Для анализа системы языка используют ряд взаимосвязанных понятий, основными являются понятия языковая функция, языковые уровни, языковые и неязыковые единицы, знаковые и незнаковые языковые единицы, форма и содержание знаковых единиц.

Языковые единицы, их типы и правила функционирования самих единиц, а также их классов и подклассов определяют особенности языкового уровня. Уровневый анализ — это метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней), особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. Основными уровнями считаются фонемный, морфемный, словесный (лексический) и синтаксический.

Установление состава языковых единиц связано с определением их функций, языковая единица каждого уровня обладает в сравнении с единицами других уровней специфическим набором функций. Так, например, основной функцией фонемы как языковой единицы является конститутивная, а слова — номинативная. Фонема и морфема отличаются как незначащая и значащая единицы. Качественно новые языковые функции позволяют квалифицировать фонему, морфему и слово как самостоятельные языковые единицы, в то время как общая (номинативная) функция у слова и словосочетания делает вопрос о статусе словосочетания как языковой единицы спорным, хотя в грамматике словосочетание традиционно рассматривается как один из самостоятельных объектов синтаксиса. Однако этого оказывается недостаточно для получения словосочетанием статуса языковой единицы; языковой единицей на синтаксическом уровне является предложение, выполняющее новую — коммуникативную — функцию. С другой стороны, фонема как незначащая единица противопоставляется всем остальным единицам языка, а однозначное наличие специфической функции фонемы доказывает, что языковая единица может быть не знаком. Роль незнаковых средств в языке не ограничивается фонологиче-

ским уровнем: например, ударение может использоваться в качестве формообразующего средства (ср.: *дóма* — *домá*).

Языковые единицы того или иного уровня могут вступать в парадигматические и синтагматические отношения только с единицами своего уровня. Между единицами разных уровней существуют иерархические связи, подразумевающие такие отношения между единицами разных уровней, при которых одни языковые единицы являются частью других. Фонемы группируются и сочетаются в языке с фонемами, морфемы — с морфемами, слова — со словами, а предложения — с предложениями. В то же время предложения включают в свой состав слова, слова включают морфемы, фонемы являются звуковой оболочкой морфем. Представление о единице более высокого уровня не выводится из определения единицы более низкого уровня. Например, слово представляет собой не просто совокупность морфем, а упорядоченную структуру, отношения в которой задаются не только свойствами составляющих морфем, но и правилами построения слова.

Концепция уровневой организации языка, зародившаяся в американской дескриптивной лингвистике, хорошо наложились на традиционное для языкознания выделение таких дисциплин, как фонетика, морфология в узком понимании (то есть морфемика), лексикология и синтаксис. Системный подход к анализу языка дополнил представление о традиционных разделах языкознания новыми принципами описания как самих уровней, так и отношений между различными уровнями.

ПОНЯТИЕ МОРФЕМЫ

Термин **морфема** как объединяющее понятие для корней и аффиксов ввел в семидесятых годах XIX века И. А. Бодуэн де Куртенэ. Впервые он упоминает этот термин в «Подробной программе лекций в 1877—1876 учебном году»¹. Определение этого термина появилось позже, в начале 1880-х годов в работе «Некоторые отделы „сравнительной грамматики“ славянских языков», где морфема была охарактеризована как неделимая морфологическая единица языка². Как и многие другие идеи Бодуэна, предложенная им концепция морфемы с особой актуальностью зазвучала практически сто лет спустя, в последней трети XX века, когда вопрос о проблемах, связанных с семантикой морфемы, оказался в центре научных дискуссий. Бодуэн определяет морфему как «не разложи-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 116.

² Там же. С. 121.

мый морфологический элемент языкового мышления»¹, закладывая тем самым представление об особых типах значения, которыми может обладать морфема. В свете этих дискуссий представляются существенными как идея Бодуэна о морфологической функции, и содержательной неделимости (то есть минимальности) морфемы, так и о характере выражаемого ею значения.

Каноническое представление о морфеме сложилось в тридцатых-сороковых годах XX века прежде всего благодаря работам американских дескриптивистов (Л. Блумфилда, Ч. Хоккета, Ю. Найда и др.).

В XX веке понятие морфемы стало одним из центральных понятий языкознания. Классическое представление о морфеме связано с ее определением как минимальной значимой единицы языка (минимального знака). Наличие значения отличает морфему от фонемы, а неделимость (минимальность) отличает морфему от других значимых единиц языка — слова и предложения.

Сегментация слов на морфемы основывается на возможности выделения значимых частей слова, то есть морфемное членение — это членение плана содержания. Между словами и формами слов наблюдается частичное совпадение и частичное различие в значении и материальном облике. Например, формы *домиком* и *домику*, обозначающие строение, отличаются конечными сегментами, с которыми связано различие в значении этих форм. Привлечение рядов форм *столиком* — *столику*, *пакетиком* — *пакетику* и т. п. позволяет установить, что эти же сегменты определяют такую же разницу в значении, связанную со значением падежа. Сравнение слова *дому* и *домику*, *пакетиком* — *пакетику* позволяет установить, что сегмент *-ик-* во всех этих словах обозначает предмет небольшого размера. Таким образом вычленяется сегмент *-ик-* со значением уменьшительности. Дальнейшее деление оставшегося сегмента *-дом-* на значимые единицы оказывается невозможным, зато этот сегмент с помощью аналогичной процедуры вычленяется в других словах (например, *домище*, *домишко*), обозначающих строение. Сегменты *-ик-*, *-у* и *-ом* тоже далее неделимы. Вычлененные минимальные значимые единицы являются морфемами.

Как и другие языковые единицы, морфема — это абстрактная единица, которая в речи представлена различными вариантами, они называются **алломорфами** морфемы. Варьирование морфемы связано с изменением материального выражения морфемы из-за изменения дистрибуции. Например, глагольная приставка *над-* представлена следующими материальными вариантами — алломорфами */nad-/* (*над-резать*), */nat-/* (*над-пилить*), */nada-/*

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 290—291.

(*надо-рвать*), /nadó-/ (*надо-рван*). Примером варьирования значения этой приставки являются ее значения в словах *надстроить* (значение ‘прибавление сверху к чему-то, уже имеющемуся’) и *надрезать* (значение ‘проникновение на небольшое расстояние от поверхности чего-либо’). Использование суффиксальных алломорфов *-j-* и *-ij-* (орфографически *-ий*) связано с наличием/отсутствием гласной после этого словообразовательного суффикса: /sabáč-ij/ (собачий), но /sabáč-j-iva/ (собачьего), /sabáč-j-a/ (собачья).

При реализации слов в устной и письменной речи морфема и ее алломорфы выступают в виде своих конкретных представителей — **морфов**. Понятия **морф** — **алломорф** — **морфема** соотносятся так же, как понятия **звук (фон)** — **аллофон** — **фонема**.

Для теории морфемы важна общелингвистическая идея об отсутствии обязательного однозначного соответствия между планом содержания и планом выражения (означаемым и означающим), основанная на теории ассиметричного дуализма лингвистических знаков С. Карцевского. Основываясь на этой теории, в дальнейшем Н. Д. Арутюнова выделила пять типов синтагматических отношений между элементами этих двух планов:

1. «Отношения 1 : 1, то есть одной единице содержания соответствует один элемент выражения, одна морфема. Ср. англ. boy-s, где -s, передает только одно значение множественного числа»; например, флексии в словах *теб-я*, *дв-ух* выражают только падежные значения;
2. Отношения 2 (и более) : 1, то есть нескольким элементам содержания соответствует одна неделимая единица выражения; например, материально разные флексии выражают значение родительного падежа множественного числа *отц-ов*, *дяд-ей*;
3. Отношения 1 : 2 (или более), то есть одной единице содержания соответствует несколько единиц выражения, например, значение третьего лица единственного числа повелительного наклонения выражается частицей и глагольной флексией *пусть ид-ет*;
4. Смешанные отношения, когда один элемент содержания выражен самостоятельной морфемой и в то же время имеет совместную манифестацию с другой единицей содержания; например, в форме сравнительной степени *хуже* компаративное значение выражено и суффиксом и супплетивной основой (ср.: *плохой* — *хуже*);
5. Отношения 0 : 1, то есть элемент выражения не соотнесен с элементом содержания, например, суффикс *-иц-* в *лис-иц-а*, являющийся в других словах показателем женского рода, дублирует значение женского рода, выраженное флексией (ср.: *лис* — *лис-а*)¹.

¹ Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка // Арутюнова Н. Д. Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 75.

Перечисленные типы отношений показывают, что за понятием «значимая двусторонняя единица» стоят сложные взаимоотношения между планом выражения и планом содержания.

Введение термина «морфема» положило начало новым направлениям в языкознании, общим для которых стал отказ от представления о слове как об исходной единице морфологического описания. Появились исследования, в которых исходной единицей описания системы языка является морфема. Существующие подходы не отрицают, а дополняют друг друга: описания системы языка, в которых основной единицей считается слово, которое затем делится на морфемы, и описания, в которых исходной единицей является морфема, а слово рассматривается как последовательность морфем, используются для решения различных лингвистических проблем.

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ МОРФЕМНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

При анализе структуры слов не все сегменты соответствуют каноническим представлениям о семантике знаковых единиц. Сегменты такого рода относятся к разным типам и должны интерпретироваться по-разному. Разнообразные типы вычленяемых сегментов слова с неоднозначной семантикой, статус которых неоднократно обсуждался ведущими языковедами, охватывает явления, связанные с изменением линейного состава основы. Если ограничиться анализом словообразовательной структуры слова, то эти явления можно описать как наращения основы. Элементы, возникающие на стыках основы и аффикса: *-л-*, *-в-*, *-ан-* и т. п. (влад*-л-*-ец; пе*-в-*-ец, америк*-ан-*-ский и др.). Эти сегменты являются следствием особой дистрибуции словообразующих аффиксов, и соответственно являются не самостоятельными морфемами, а частью аффиксальных алломорфов. Наращения основы при формообразовании требуют более детального анализа. Например, в формах *матери*, *матерью* и т. д. сегмент *ер* в современном языке полностью лишен какого-либо значения, поскольку в стилистически окрашенной речи может использоваться и в именительном падеже (*матерь*), поэтому формирует исторически сформировавшийся алломорф корня, в то время как сегмент *ен* при формообразовании слов типа *имя* (ср.: *им-ен-и*, *им-ен-ем* и т. д.) участвует в выражении морфологического значения падежа и числа, поэтому должен быть отнесен к основообразующим суффиксам. Такое же значение имеют так называемые тематические гласные в формах инфинитива (*пис-а-ть*; *вид-е-ть*), выполняющие морфологически значимую классифицирующую функцию, на которую первым обратил внимание Ю. С. Маслов.

Также подвергается сомнению наличие значения у элементов, используемых при образовании слов с помощью сложения. Традиционно эти элементы назывались соединительными гласными (термин Н. С. Трубецкого), так как в сложных словах чаще всего употребляются гласные *о* и *е*, возникшие из древних тематических суффиксов. Однако в современном языке при сложении используются не только гласные, но и сочетания гласных с согласными (*дв-ух-летие*, *четыре-ех-стенки*), поэтому сложилась традиция использовать для соединительных морфем термин интерфикс. По мнению Н. М. Шанского, В. В. Лопатина, И. С. Улуканова и др., соединительные гласные выражают «идею соединения» и относятся к словообразовательным морфемам¹. Подобное значение не типично для внутрисловных структур, не случайно З. Оливериус называл значение, передаваемое соединительными гласными, реляционным, выражающим «синтаксическую связь лексических элементов»².

По-разному трактуются суффиксы в словах типа *игол-к-а*, *ел-к-а* и т. п., в которых вычленимый элемент *-к-* утратил уменьшительно-ласкательное значение (ср.: *игл-а* — *игол-к-а*, *ель* — *ел-к-а*). В. Н. Немченко считает, что эти сегменты не представляют самостоятельных морфем³, а Е. А. Земская рассматривает слова с подобными сегментами как производные, образованные с помощью суффикса со значением стилистической окраски (значением разговорности). Эти примеры в очередной раз демонстрируют, что морфема может отражать многообразный круг значений, не замыкающийся на классическую формо- и словообразовательную семантику.

Чтобы разрешить споры, возникающие в связи с многообразием значений морфем, следует признать справедливым мнение Ю. С. Маслова, который писал, что в большинстве дискуссионных случаев «речь идет о единицах — носителях парадигматической информации (например, показателях деklinационных или конъюгационных разрядов, вроде [-*о*] в *несешь* или [-*и*] в *стоишь*), о единицах — показателях связи (например, о подлинных интерфиксах, или соединительных морфемах в сложных словах) и т. п., словом, о морфемах, — правда, специфических, лежащих, так сказать, на периферии понятия морфемы»⁴. Альтернативой этому пути явля-

¹ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959; Лопатин В. В., Улуканов И. С. О некоторых принципах морфемного анализа слов // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1963, вып. 3.

² Оливериус З. Роль структурного параллелизма при идентификации морфем и определении их типов, *Ceskoslovenska rusistika*, 1968, 2. С. 77.

³ Немченко В. Н. Современный русский язык: словообразование. М., 1984. С. 42.

⁴ Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // ВЯ, 1968, № 4. С. 75—76.

ется разработка классификаций минимальных знаковых единиц и подбор разнообразных терминов, описывающих явления, так или иначе связанные с морфемным уровнем (**морфоид, структема** и т. п.), что, однако, оставит открытым вопрос об уровневой принадлежности этих единиц.

ВИДЫ МОРФЕМ

Корни и аффиксы

По значению и по функции в составе слова морфемы делятся на **корни** и **аффиксы**. Корень считается обязательным элементом слова, носителем основного лексического значения. Значение аффиксов является либо собственно слово- или формообразовательным, либо аналогическим по отношению к аффиксам, выделяемым в структурно однотипных словах. Например, в слове *мучи-тель-н-ый* флексия несет формообразовательное значение, суффикс *-н-* — словообразовательное, а значение суффикса *-тель* определяется только благодаря структурной аналогии со словами типа *разруши-тель* и *разруши-тель-н-ый*, *наблюда-тель* и *наблюдатель-н-ый*.

Однако различие в значении корней и аффиксов слова представляет собой тенденцию, а не общее правило. Например, в слове *дом-ик* значение уменьшительного суффикса столь же важно для общего значения слова (*домик* — ‘небольшое строение’), как и корневое значение, а значение корня в местоимении-существительном *эт-о* является абстрактным. Корень в слове *мест-о* и суффикс *-лиц-* в словах *гнезди-лиц-е*, *учи-лиц-е*, *храни-лиц-е* передают одно и то же значение.

Более универсальным отличием аффиксов от корней является закрытость и ограниченность класса аффиксальных морфем. Аффиксов в языке значительно меньше, чем корней, причем любой корень сочетается с ограниченным количеством аффиксов, в то время как большинство аффиксов сочетается с очень широким кругом корней. Регулярность использования в определенных формо- и словообразовательных моделях — важная системная характеристика аффиксов, из-за которой возникают споры относительно правомерности выделения уникальных аффиксов. Специфической особенностью корня является способность к автономному функционированию: слово может состоять из одного корня, но не может состоять исключительно из аффиксов.

Рассмотренные свойства корней и аффиксов сказываются на их способности выступать в качестве нулевой морфемы. Как известно, выделение знаков с нулевым планом выражения является одним из важных семиотических принципов, подразумевающих,

что отсутствие материально выраженного содержания оказывается значимым в тех случаях, когда это содержание является ожидаемым (например, отсутствие запрещающих знаков на дороге означает разрешение свободного движения). В русском языке в качестве примера нулевых аффиксов можно привести показатели именительного падежа единственного числа у существительных мужского рода 1-го склонения (*стол-∅*), мужского рода в прошедшем времени глаголов (*вез-∅*), императива 2-го лица единственного числа (*сядь-∅*), словообразовательные суффиксы отаггективных (*синь-∅*) и отглагольных (*бег-∅*) существительных и др. Особенно распространены нулевые аффиксы при формообразовании, когда они являются компонентами регулярной ограниченной системы (парадигмы), один из элементов которой легко оказывается значимым нулем.

Напротив, нулевой корень — явление редкое во всех языках мира, а нулевой способ выражения корня всегда связан с алломорфизмом. Например, единственный нулевой корень в русском языке, выделяемый в глаголе *вынуть* (*вы-* — приставка, *-ну-* — суффикс) в однокоренных словах представлен материальными сегментами (например, *-ним-* в *вы-ним-а-ть*).

Типы аффиксов

Традиционная классификация аффиксов, отраженная в «Русской грамматике», включает следующие виды аффиксов:

- флексии (синонимичный термин — окончания),
- префиксы (синонимичный термин — приставки),
- суффиксы,
- постфиксы,
- интерфиксы.

Эта классификация используется в дальнейшем изложении, однако требует комментариев, поскольку не все традиционные для русистики термины употребляются в научной литературе однозначно, а в привычной классификации есть определенная доля нелогичности. Прежде всего это связано с терминами **префикс** ('прикрепленный спереди') и **постфикс** ('прикрепленный сзади'). Эти термины могут использоваться для строгой позиционной классификации аффиксов, в которой все предкорневые морфемы называются префиксами, а посткорневые — постфиксами. Ввести термины с таким значением предлагал еще Бодуэн де Куртонэ, однако в русистике как антоним к **префиксу** закрепился термин **суффикс** ('прикрепленный снизу'), а термин **постфикс** стал использоваться для обозначения морфемы (суффикса), следующего после флексии (например, *-ся* в *раз-бег-а-ют-ся*).

Флексия — это словоизменяющий аффикс, регулярно выражающий морфологические (значения морфологических категорий) и реляционные (отношения слова к другим словам в предложении) значения. Отличительной чертой флексии является способность выражать морфологические значения кумулятивно. Например, флексия *-ую* в *большую* выражает одновременно значения падежа, рода и числа.

Кроме позиционного деления аффиксы классифицируют по функции. Различают **формообразующие** и **словообразующие** аффиксы. Все флексии относятся к формообразующим (словоизменяющим) аффиксам, а суффиксы и постфиксы могут быть как формо-, так и словообразующими. Префиксы в русском языке для формообразования не используются. Формообразующие аффиксы являются носителями морфологического значения и служат для образования форм слова. Например, суффикс прошедшего времени (*-л-*): *смотре-л*, *чита-л-и*, *потепле-л-о*; суффикс повелительного наклонения (*-и-*): *смотри-и*, *подтян-и-сь*; суффиксы компаратива (*-ее*, *-ей*, *-е*): *смел-ее*, *звонч-е*, *громч-е*, постфикс форм страдательного залога (*-ся*) *читать-ся* и др.

Словообразующие аффиксы (префиксы, суффиксы и постфиксы) являются носителями словообразовательного значения и используются для образования производных слов (например, *производить* → *производ-ств-о*, *ехать* → *пере-ехать*, *умывать* → *умывать-ся*).

По определению «Русской грамматики» аффиксы, выступающие только между двумя простыми основами в составе сложной основы, называются **интерфиксами** (соединительными морфемами). Такие аффиксы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены. Например, сложное слово *пар-о-ход* содержит интерфикс *-о-*. В отечественном языкознании существует и другое понимание этого термина. Е. А. Земская¹ называет интерфиксами сегменты, возникающие как при соединении основ, так и при соединении основ и аффиксов (например, сегмент *-ан-* в *американский*), относя интерфиксы к асемантическим элементам в структуре слова.

Аффиксы, встречающиеся в единичных случаях, то есть используемые для образования только одного слова, называются **унификсами** (например: *почт-амт*, *стекл-ярус* и некоторые другие). Многие унификсы являются заимствованными, что препятствует их продуктивности в русском языке.

¹ Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Земская Е. А. Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

Раздел 2

СТРУКТУРА РУССКОГО СЛОВА

Морфемный анализ не может быть осуществлен вне языковой единицы более высокого уровня, в составе которой функционируют единицы морфемного уровня — то есть вне слова. Морфемы и комплексы морфем являются компонентами структуры слова, которая определяет отношения между входящими в состав слова компонентами. Иначе говоря, упорядоченность структуры слова диктуется свойствами слова в большей мере, чем свойствами составляющих слово морфем. Система отношений внутри слова многоаспектна и связана как минимум с тремя типами структур: **формообразовательной, словообразовательной и собственно морфемной**. Эта система частично определяется свойствами двух первых, но не выводима из них полностью. Упорядоченность структуры слова проявляется в функционально-семантических и формальных свойствах ее компонентов (комплексов морфем и отдельных морфем как минимальных компонентов структуры).

Собственно морфемная структура отражает системный состав слова и включает все значимые и вычлняемые элементы, даже если их семантическая и функциональная нагруженность является спорной или неясной. Такой взгляд на системную организацию слова находит свое подтверждение в понимании задач и объема морфологии как науки. При широком понимании морфологии в сфере внимания оказывается не только морфемика и формообразование, но и словообразование, что позволяет получить максимально полное описание устройства слова, иначе говоря — описание его структуры, включающей элементы и комплексы элементов, которые обладают различными функциями.

Примером упорядоченности формальной организации структур русского слова является порядок расположения формо- и словообразовательных элементов по отношению к корню: словообразовательные элементы могут предшествовать корню и обычно располагаются ближе к корню, чем формообразовательные. Следует отметить, что расположение словообразовательных элементов рядом с корнем является тенденцией, а не правилом, поскольку морфема *-ся*, например, в словах *умываться*, *обниматься* является словообразовательной, хотя располагается после окончания. Нестандартность ситуации отражает традиция называть эту морфему постфиксом, а не суффиксом.

Не все языковые единицы одного уровня имеют одинаковую структурную организацию. Например, для создания простого предложения используется достаточно большое количество структурных

схем. Аналогичным образом своими особенностями структурной организации обладают слова разных частей речи, и даже в рамках одной части речи одноподобная структурированность не является обязательной. Например, несклоняемые существительные типа *жабо*, *кофе*, *филе* либо считаются лишенными флексий, либо рассматриваются как слова, в парадигму которых входят формы с двенадцатью нулевыми омонимичными окончаниями, при любом подходе отличаются по структуре от остальных склоняемых существительных.

Структурные изменения регулярно происходят при переходе слов из одной части речи в другую. Например, при адвербиализации падежных форм существительных флексия существительного превращается в суффикс (*Встретимся дом-а*), теряя статус формообразующего аффикса, при этом вопрос о том, становится ли этот элемент словообразующим суффиксом, остается открытым. Единственное, что не вызывает сомнений, — это то, что слово сохраняет морфемную членимость, точно так же, как сохраняется членимость производных служебных слов и междометий (например, предлог *во-круг*: *вокруг дома*; междометие *господ-и*). Непроизводные предлоги и междометия (*а, но; при, без; ах* и т. д.) очевидным образом одноморфемны, но интерпретация статуса образующей их морфемы различна.

Предлоги в составе предложно-падежных конструкций участвуют в оформлении морфологического значения падежа, а следовательно выражают значение, которое свойственно формообразующим аффиксам. С другой стороны, большинство производных предлогов имеют соответствия среди словообразовательных префиксов, которые в ряде словообразовательных моделей мотивируются этими предлогами (например, *под-московный* ← *под Москвой*). Следовательно, по значению производные предлоги близки аффиксам, что затрудняет определение статуса составляющей их морфемы, так как слово не может состоять только из аффикса. Утверждение, что производные предлоги, как и другие производные служебные слова, имеют корень, тоже вызывает сомнения, связанные со спецификой значения. Тем не менее, как было показано в разделе, посвященном корням и аффиксам, значение не является надежным критерием их разграничения. Поэтому можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с периферийным уровневым явлением, связанным с наличием у корневой морфемы производных служебных слов такого значения, которое определяет пограничное положение этих слов между словесным (лексическим) и морфемным уровнем. Пограничное положение позволяет некоторым производным служебным словам (прежде всего предлогам и частицам) и превращаться в словообразовательные суффиксы (*при-* в *при-брежный*, *не-* в *не-кто* и т. п.), и участвовать в выраже-

нии формообразовательных значений (например, значение накло-
нения: *читал бы*, предложное значение: *в углу* и т. п.).

Многие непроеизводные междометия допустимо рассматривать как корневые морфемы, что может быть подвергнуто критике в связи со спецификой междометия как части речи, так как не все исследователи считают междометия словами — их рассматривают как знаки, служащие для выражения эмоционально-волевых реакций¹. Не вдаваясь в проблемы, связанные со статусом междометий, стоит обратить внимание на вполне продуктивное отмеждометное слово-образование, при котором корнями знаменательных слов являются корни первообразных междометий (*ахать*, *охать*).

СТРУКТУРА СЛОВА И ФОРМА

Наукой о форме является **морфология**, что следует из этимологического значения составляющих этого термина (от *греч.* *μορφή* — форма, *λόγος* — слово, учение), в рамках лингвистики морфология — это наука о форме слова. Несмотря на кажущуюся прозрачность толкования составных частей термина, определение морфологии требует обсуждения, прежде всего потому, что термины **форма** и **морфология** используются в языкознании в разных значениях.

Целесообразно начать с рассмотрения термина «форма», так как он многозначен и не каждое его понимание полностью соответствует тому значению, которое вкладывается в современном языкознании в понятие «морфологическая форма». Понятия «форма» и «содержание» используются как характеристики свойств знака, в частности знака языкового, для которого формой выражения («планом выражения» или «означающим» в соответствии с терминологией разных лингвистических школ) является последовательность фонем, образующих значимую единицу. При таком понимании термина формой обладают любые языковые знаки (фонемы, морфемы, слова, предложения), вне зависимости от их структурных и грамматических.

Термин **морфологическая форма** (**грамматическая форма**, а чаще — просто **форма**) используется для описания модификаций слов и возникающих морфологических (грамматических) значений, например: *столы* — форма именительного падежа, множественного числа; *стол* — форма именительного падежа, единственного числа; *более быстрый* — форма сравнительной степени прилагательного, *быстрый* — форма положительной степени; *будет читать* — фор-

¹ *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1986. С. 611.

ма глагола будущего времени, *читал* — форма глагола прошедшего; *люди* — форма именительного падежа, множественного числа существительного *человек*; *человеку* — форма дательного падежа, множественного числа существительного *человек*. Приведенные примеры демонстрируют, что морфологические (грамматические) формы, являясь представителями одного слова (лексемы), с точки зрения плана содержания обладают одним и тем же лексическим значением и разным морфологическим (грамматическим), что находит отражение в их плане выражения. Изменение плана выражения может быть связано с изменениями в составе морфологической формы (*стол* — *столы*; *человек* — *человеку*) и с изменением типа морфологической формы (*читал*, *быстрый* — синтетические формы; *будет читать*, *более быстрый* — аналитические формы; *человек*, *люди* — супплетивные формы).

Отдельное слово в определенной морфологической форме называется **словомформой**, набор словоформ изменяемого слова составляет его парадигму. По сложившейся традиции термины «словомформа» и «форма» могут употребляться как синонимы, что ведет к образованию еще одного значения термина «форма» (ср. возможные употребления термина: *форма «столы»*, *словомформа «столы»*, *форма множественного числа*).

Одним из аспектов описания морфологических форм является описание их формообразовательной структуры, то есть выделение формообразующей основы и форматива (например, словомформа *столами* состоит из формообразующей основы *стол-* и форматива *-ами*). Со времен Ф. Ф. Фортунатова сложилась еще одна традиция — грамматические формы слов делятся на формы словоизменения (формообразовательные в современном понимании) и формы словообразования. По Ф. Ф. Фортунатову, формы словоизменения делятся на формы, указывающие на отношения между подлежащим и сказуемым (это глагольные формы времени, наклонения и лица), и формы, указывающие на отношения предмета мысли к другим предметам (это формы именного склонения). Формы словообразования Ф. Ф. Фортунатов тоже делил на две категории: формы, обозначающие различие в одном и том же признаке (*белый* → *беленький*), и формы, образованные от одной основы, но относящиеся к разным словам (*белый* → *белые*, *белый* → *белить*). Таким образом, формообразовательные структуры тоже могут описываться в лингвистике через понятие «форма».

Неизменяемые слова не имеют формообразовательной структуры, однако даже производные неизменяемые слова (типа *пальто*, *иногда*, *беж*), в которых нет и формообразовательной структуры, не могут считаться бесформенными, поскольку структурированность — это только один из способов создания формы. Это рас-

суждение подводит к такому пониманию формы, в соответствии с которым форма является способом организации элементов системы, а следовательно и структурированные, и неструктурированные объекты обладают формой. Неизменяемые непроеизводные слова, не имея формообразовательной и словообразовательной структуры, остаются системно организованными — они представляют собой единицы морфемного уровня.

Возвращаясь к проблеме понимания морфологии как науки о внутренней форме слова, можно констатировать, что задачей морфологии является изучение способа системной организации слов, которая связана с структурированными и неструктурированными формами, объединенными таким свойством, как морфемная организация, частным случаем которой является одноморфемность состава слова. Поэтому, строго говоря, основа морфологии — это морфемика, раздел языкознания, изучающий аспекты внутреннего устройства слова. В узком смысле морфология понимается как наука, изучающая исключительно формообразование с опорой на частеречные свойства слов (именно поэтому распространено учебническое заблуждение, что задачей морфологии является описание разноуровневых свойств частей речи). При широком понимании морфология — это наука, описывающая все типы словесных структур и их свойства, а разделами морфологии являются формообразование, словообразование и морфемика, обобщающая сведения о разных способах внутренней организации слова.

СТРУКТУРА СЛОВА И ЭТАПЫ МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Разные типы словесных структур, формирующие морфемный состав слова, являются результатом реализации поэтапного формального и содержательного сопоставления словоформ и выявления как сходных, так и различных компонентов.

Иначе говоря, для установления структуры слова необходимо осуществить несколько достаточно автономных процедур, для описания которых в лингвистике существуют свои основания, методы и системы терминов. Результатом применения этих процедур являются разные типы членения слова, получаемые путем сопоставления различных групп словоформ.

Первая разновидность структурного анализа слова основана на рассмотрении **формообразовательного процесса**, в результате которого была получена словоформа. На этом этапе используется круг словоформ, объединенных тем, что они являются формами одного и того же слова (лексемы). Так, сопоставляя словоформу *желез-*

ном со словоформами *железный, железного, железному, железная, железную* и т. д., можно выделить общую часть приведенных словоформ *железн-* и компонент *-ом*, отличающий анализируемую словоформу от всех остальных словоформ парадигмы. Первый выделенный сегмент является формообразующей основой слова, от которой образуются все формы этого прилагательного.

Вторая разновидность структурного анализа слова связана с выявлением его **словообразовательной структуры**. К сопоставлению в данном случае привлекаются однокоренные словоформы, связанные отношениями словообразовательной производности и построенные по существующим в языке словообразовательным образцам и моделям. Например, для описания словообразовательной структуры прилагательного *железный* необходимо соотнести его с однокоренным словом *железо*, являющимся более простым и в формальном, и в семантическом отношении. В результате этого сопоставления вычлениется их общая часть *желез-*, представляющая собой производящую основу, и специфический сегмент *-н-*, который выполняет функции словообразовательного средства. Такому же членению поддаются и другие относительные прилагательные с суффиксом *-н-* (*каменный, деревянный, бумажный* и т. п.).

Морфемная структура отражает слово- и формообразовательные процессы, поскольку членимая словоформа прежде всего сопоставляется со словоформами из одной парадигмы и со словами из общего словообразовательного гнезда. Однако морфемный анализ обладает дополнительной спецификой, которая связана с кругом сопоставляемых словоформ. Для морфемного членения зачастую необходимо привлекать неоднокоренные слова и цепочки слов из других словообразовательных гнезд. Так, например, для вычленения суффикса *-ин-* в существительном *буженина* необходимо задействовать в анализе неоднокоренные слова *конина, свинина*. Чтобы описать морфемную структуру прилагательных *царистский* и *снобистский*, недостаточно сопоставить их с другими членами парадигмы и однокоренными словами: слов **царист* и **снобист* не существует, поэтому без привлечения одноструктурных неоднокоренных словоформ типа *русистский* (< *русист*), *фашистский* (< *фашист*) невозможно провести морфемную границу внутри сегмента *-истск-*. Только собственно морфемный анализ позволяет вычленивать два суффикса (*сноб-ист-ск-ий, цар-ист-ск-ий*), которые в словообразовательной структуре этих слов выступают как единый словообразовательный формант, хотя и сохраняют морфемную членность.

В словообразовательном гнезде слова *горячность* нет однокоренных слов, позволяющих провести словообразовательную границу внутри сегмента *-ност-*; это становится возможным после при-

влечения одноструктурных слов типа *пороч-н-ость* (< *пороч-н-ый*), *цинич-н-ость* (< *цинич-н-ый*).

По мнению С. И. Богданова, «морфемная структура <...> полностью процессами порождения членимой словоформы не объяснима и во многом является результатом отражения различных этапов порождения других словоформ»¹. Наличие членимости вне связи с объективно существующими словообразовательными процессами можно трактовать и по-иному: З. Оливерийс² предлагает сопоставлять членимое слово не только с реально существующими словами, но и с искусственно конструируемыми, представляющими собой «пропущенное словообразовательное звено», что позволяет вычленивать минимальные значимые единицы языка и учесть возможности системы. Например, суффиксы *-тель* и *-н-* в словах *очарова-тель-н-ый*, *ласка-тель-н-ый* можно выделить, если привлечь к анализу отсутствующие, но возможные слова **очарова-тель*, *ласка-тель*, одноструктурные со словами *возмути-тель*, *мореплава-тель* и под., и содержащие суффикс *-тель* со значением деятеля, от которых с помощью суффикса *-н-* образуются прилагательные *возмути-тель-н-ый*, *мореплава-тель-н-ый*.

Подходы З. Оливерийса и С. И. Богданова разными методами демонстрируют, что очень существенным для анализа морфемной структуры слова является **принцип членения по аналогии**, при котором учитываются как существующие формо- и словообразовательные связи слова, так и системные представления о морфемном инвентаре языка и возможностях системы в целом.

Различие трех рассмотренных типов словесных структур достаточно очевидно: слово членится по-разному в зависимости от того, является ли оно объектом анализа формообразовательного, словообразовательного или собственно морфемного. Формообразовательная структура создается противопоставлением формообразующей основы и формата, словообразовательная — противопоставлением производящей (мотивирующей) основы и словообразовательного форманта. И в том, и в другом случае анализ структуры слова имеет дело с комплексными функциональными единицами, в состав которых входят морфемы. Одноморфемность единиц формо- и словообразования представляет собой частный случай реализации этих неэлементарных единиц. Собственно морфемный анализ устанавливает набор минимальных значимых единиц, входящих в слово, — морфем. Морфема как минимальная значимая грамматическая единица оказывается недостаточной для

¹ Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997. С. 21.

² Оливерийс З. Ф. Морфемы русского языка: Частотный словарь. Прага, 1976.

описания систем формообразования и словообразования, однако без этого понятия невозможен анализ основ, формативов и формантов, используемых при построении слова. Даже если представление о словообразовательной структуре слова связывать с установлением всех деривационных шагов создания слова, собственно морфемный анализ все равно будет иметь свою специфику. В рамках словообразовательного анализа останется нерешенным вопрос о вычленении суффикса в уже упоминавшемся слове *буженина* и разделении суффиксов типа *-ник-*, *-тельств-*, *-тельн-* и т. п.

По емкому определению В. Б. Касевича, «морфемика — это тот аспект языка и языкознания, который обеспечивает „алфавит“ морфологии и словообразования, т. е. набор элементарных значащих единиц, которые, комбинируясь по определенным правилам, дают все многообразие основ и дериваторов/форматоров. Морфемы, таким образом, не непосредственный строительный материал для слов, из них формируются структуры, которые в свою очередь служат непосредственно составляющими для слова»¹.

Раздел 3

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ КАК ЭТАП МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Формообразование и словоизменение

В истории русистики понятия **словоизменения** и **словообразования** последовательно различаются с момента появления работ Ф. Ф. Фортунатова². В концепции Ф. Ф. Фортунатова их различие основано прежде всего на формальном признаке: сфера словоизменения ограничивается анализом флексий слов.

В работах Л. В. Щербы и В. В. Виноградова начал использоваться другой термин — **формообразование**, а противопоставление «словоизменение — словообразование» сменила оппозиция «формообразование — словообразование». Л. В. Щерба³ понимал «формообразование» весьма широко, относя к нему не только все словоизменительные процессы, но и видообразование (*делать* — *сделать*), а также некоторые регулярные образования, меняющие лексическое значение слова (*добрый* — *предобрый*).

¹ Касевич В. Б. О разных способах членения слова // Морфемика: Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц: Межвуз. сб. / Под ред. С. И. Богданова, А. С. Герда. СПб., 1997. С. 107—116.

² Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды. Т. I. М., 1956. С. 155.

³ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Избр. работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 18—20.

В. В. Виноградов вывел словообразование за рамки морфологии, рассматривая морфологию как науку о формообразовании, а словообразование как самостоятельную лингвистическую дисциплину¹. Однако границы формообразования, по В. В. Виноградову, тоже оказываются достаточно широкими — к формообразованию относится, например, образование слов, имеющих в парадигме только одну форму (*щец, дровец*), или сочетаний типа *возьму и скажу*, квалифицируемых как форма глагола *сказать* с частицей *возьму и*.

Концепции Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, с одной стороны, оказали положительное влияние на развитие морфологии, так как расширили представление о возможном круге форм одного слова, которое до этого ограничивалось фортуатовскими представлениями о словоизменении, связанном с набором флексий. С другой стороны, слишком широкий и разнородный круг явлений, попадающих под определение «формообразование», не способствовал укреплению этого термина.

Развитие теории словообразования во второй половине XX века способствовало пониманию сущности словообразовательных процессов и ограничению понимания системы форм отдельного слова. Таким образом понимание «формообразование» сузилось, однако не свелось к понятию «словоизменение», но вопрос о соотношении и целесообразности использования обоих терминов до сих пор остается открытым.

Существует авторитетная точка зрения А. В. Бондарко, в соответствии с которой решение «заключается в освобождении понятия формообразования от ограничения его формами одного слова»². Однако, не отрицая правомерности такого подхода прежде всего из-за многогранности такого понятия, как слово, необходимо отметить, что при описании форм одного слова до сих пор ощущается нехватка классифицирующих терминов для явлений разного рода, поэтому трудно согласиться с таким расширением границ формообразования.

Если не углубляться в вопрос о связи словообразовательных свойств слова и особенностей формальной организации, задаваемых его частеречной принадлежностью, можно констатировать, что словообразование и образование форм слова в русском языке в большинстве случаев противопоставлены с достаточной степенью

¹ Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975.

² Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и вопросы морфологических категорий // Вопросы языкознания. М., 1974. С. 4.

очевидности. Например, в парах типа *читал — читала*; *пиши — пишете*; *нога — ноги* и *хлеб — хлебница*; *бежать — перебежать*; *стол — столовый* в первом случае мы имеем дело с образованием форм слова, а во втором — с образованием новых производных слов (то есть со словообразованием).

Поскольку существуют различные типы и способы образования форм слова, в лингвистике для этих процессов используется ряд терминов, из которых до сих пор наиболее распространенным и понятным является термин «словоизменение». Классическим примером словоизменения в русском языке является изменение существительных по падежам и числам, при котором слово (лексема), сохраняя свое лексическое значение, представлено рядом форм с различным морфологическим (грамматическим) значением: *дом, дома, дом, дому, домом, доме* в единственном числе и *дома, домов, дома, домам, домами, домах* во множественном числе. Система форм, противопоставленных по падежу, называется склонением. Приведенный пример демонстрирует склонение существительного *дом* в единственном и множественном числе. При узком понимании склонения образование форм числа к склонению не относится и описывается как изменение по числам. Иначе говоря, русские существительные склоняются по падежам и изменяются по числам. Такое понимание склонения согласуется с традициями описательных грамматик языков, в которых нет падежного словоизменения, и изменения форм имени не принято описывать как склонение. Примером являются английский и французский языки, в которых нет падежной системы, но есть изменение существительных по числам.

При широком понимании под склонением понимается все именное словоизменение. Хотя последние русские академические грамматики рассматривают склонение как изменение по падежам, широкое понимание склонения применительно к русскому языку и другим флективным языкам имеет определенные основания: морфологические значения разных категорий выражаются с помощью одной морфемы — окончания. Так, например, при склонении существительных выражаются и падежные, и числовые значения (-у в *дом-у* имеет значение дательного падежа, единственного числа), а окончания прилагательных в именительном падеже объединяют значения падежа, числа и рода (-ая в *красн-ая* имеет значение именительного падежа, единственного числа, женского рода).

Описание парадигмы глагола прежде всего связано со спряжением. Этот термин тоже может пониматься по-разному. В узком смысле спряжение — это изменение глагола по лицам и числам, показателями которых являются личные окончания форм настоящего и будущего простого времени изъявительного наклонения (например, *чита-ю, чита-ешь, чита-ет, чита-ем, чита-ете, чита-ют*).

Независимо от понимания терминов «склонение» и «спряжение», то, что изменение имен по падежам, а глаголов по лицам и числам относится к словоизменению, не вызывает сомнений. Однако существуют и другие морфологические категории, с которыми связано изменение слов разных частей речи. Так, например, глагольная парадигма значительно сложнее именной, что частично отражается при широком подходе к пониманию спряжения, хотя даже при таком подходе не все многообразие форм глагола в современном понимании этой части речи оказывается охваченным. При широком понимании спряжения в него включаются формы, связанные с морфологическими категориями наклонения и времени. Сомнения в правильности широкого понимания спряжения связаны с тем, что объектом сопоставления являются группы форм, связанных единством основы и морфологическими отношениями только внутри группы, что отличает отношения между формами с одной основой, противопоставленными по лицу и числу у глагола. Иначе говоря, трудно согласиться, что с точки зрения формы глагол изменяется по временам или наклонениям, поскольку нет единого основания для сравнения рядов соответствующих морфологических форм наклонений (ср.: *замерзну, замерзнешь* и т. д.; *замерз бы, замерзла бы* и т. д.; *замерзни, замерзните, пусть замерзнет*) и времен (*читаю, читаешь* и т. д.; *читал, читала* и т. д.; *буду читать, будешь читать* и т. д.). Еще сложнее говорить об изменении, а соответственно и о «словоизменении» при сопоставлении личных форм глагола типа *читаю* или *прочитал* с неличными формами, к которым относятся инфинитив (*читать, прочитать*), причастия (*читающий, прочитавший, читаемый, прочитанный*) и деепричастия (*читаю, прочитав*). Целесообразно в этих случаях использовать термин «формообразование», хотя в истории русистики он использовался в разных значениях, что подробнее будет рассмотрено позже.

Возвращаясь к вопросу о терминах, связанных с разными случаями образования морфологических форм слова, следует признать, что общим термином должен быть термин «формообразование», который распространяется и на описания склонения, изменения имен по числам и родам, а глаголов по лицам и числам. Особенности формального строения противопоставленных форм в перечисленных случаях позволяют использовать для них особый термин — «словоизменение». К словоизменению также относятся и другие случаи образования морфологических форм, при которых в противопоставленных лексически тождественных формах используется одна формообразующая основа. Это, например, изменение форм прошедшего времени и сослагательного наклонения по числам и родам (*читал, читала, читало, читали; читал бы,*

читала бы, читало бы, читали бы) и императива второго лица по числам (*читай, читайте*).

Формообразование в отличие от словоизменения предполагает дополнительное изменение морфемного состава формообразующей основы (например, глагольные основы настоящего/будущего и прошедшего времени различны: *замерзну, замерз*), также может использовать несинтетические способы образования форм (*красивый, более красивый*). Морфологическая функция вспомогательных слов в составе аналитических форм аналогична функции формообразующих аффиксов, входящих в синтетические формы, ср.: простые (синтетические) формы степени наречий *изящнее, красивее* и сложные (аналитические) формы *более изящно, более красиво*. В ряде случаев образование форм связано с двумя способами формообразования: аналитическим и синтетическим. Например, в форме сложного будущего времени используется вспомогательный глагол *быть* (например, *буд-у учить, буд-ешь учить, буд-ет учить, буд-ем учить, буд-ете учить, буд-ут учить*), основа которого передает значение будущего времени, а личные окончания (формообразующие морфемы) — значение наклонения, лица и числа.

При супплетивном формообразовании происходит образование форм одного слова от разных корней. Образование супплетивных форм — результат исторических процессов развития фонетической и грамматической систем языка. В современном русском языке супплетивные основы встречаются у отдельных имен существительных в формах единственного и множественного числа: *человек — люди, ребенок — дети*; у некоторых имен прилагательных в формах степеней сравнения: *хороший — лучше, лучший; плохой — хуже, худший; маленький — меньше, меньший*, а также в краткой и полной формах: *большой — велик* (по размеру); у единичных глаголов в формах прошедшего времени: *иду — шел*; в падежных формах личных местоимений: *я — меня, мне; мы — нас, нам; он, оно — его, ему; она — ей, её; они — им, их*; в формах сравнительной степени отдельных наречий: *много — больше, мало — меньше* и др. Некоторые лингвисты относят к супплетивизму однокоренные единицы, различающиеся своими основами: например, *куриц-а — кур-ы, судн-о — суд-а¹, козленок-ø — козлят-а, армянин-ø — армян-е, друг-ø — друз/ж/-а², стул — стул/ж/-а, Христос-ø — Христ-а, врем-я — времен-и, дочь-ø — дочер-и, полдень-ø — полудн-я* и т. п.³ При таком подходе супплетивизм разнокоренных форм рассматривается как полный, а однокоренных, отличающихся внешним обликом основы, — как

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947. С. 153.

² Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 311—312.

³ Бульгина Т. В., Крылов С. А. Склонение // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 457.

частичный. «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет частичный супплетивизм как явление, при котором парциальные основы однокоренных слов характеризуются наличием/отсутствием основообразующих аффиксов или нерегулярных чередований, то есть основной супплетивизм описывается через описание изменений морфемного состава основы и чередований. На этой же позиции строится описание основного супплетивизма в этом пособии.

Основным способом формообразования в русском языке является формообразование с помощью формообразующих морфем, которое чаще всего сопровождается изменениями фонетического облика слов. Фонетические преобразования связаны с фонемными чередованиями в морфемах, входящих в состав основы, а также с переносами ударения. Например, в русском языке невозможно употребление звонкого шумного согласного в абсолютном конце слова, поэтому в формах, заканчивающихся шумным согласным, часто происходит чередование звонких и глухих (или глухих и звонких), ср.: *роз-а* /rɔz-a/ — *роз* /rɔs/; *дуб* /dub/ — *дуб-а* /duba/; *груб* /grub/ — *груб-а* /gruba/. Твердые согласные чередуются с мягкими перед гласными /i/ и /e/: *coced-a* /sas'eda/ — *coced-u* /sas'edi/, *вод-а* /vada/ — *воде* /vade/. Чередования гласных при формообразовании определяются ударностью/безударностью гласного, например: *вод-а* /vada/ — *вод-ы* /vody/ (чередование /a/ — /o/); *дел-о* /d'ela/ — *дела* /d'ila/ (чередование /e/ — /i/); *пят-ь* /p'at'/ — *пят-и* /p'iti/ (чередование /a/ — /i/); *тепл-ый* /t'opl'ij/ — *тепл-е* /t'ipl'ei/ (чередование /o/ — /i/) и др.

В некоторых случаях вопрос о том, какие словоформы следует считать формами одного слова (лексемы) и относить к формообразованию, не просто решить однозначно. В русском языке эта проблема касается прежде всего видообразования. Образование глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида и глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида традиционно рассматривают как образование новых производных лексем. Словообразовательный характер этого процесса не вызывает сомнений при образовании глаголов с новым лексическим значением (например, при образовании приставочных глаголов совершенного вида от бесприставочных глаголов однонаправленного движения: *побежать*, *забежать*, *перебежать* от глагола несовершенного вида *бежать*). Иная ситуация возникает при образовании видовых пар, члены которых тождественные по лексическому значению и противопоставленные по видовой принадлежности: *делать* — *сделать*, *решать* — *решить*. Если бы все глаголы в русском языке имели видовые пары, то граница между формо- и словообразованием могла бы быть связана с образованием видовых пар (формообразование)

и образованием глаголов противоположного вида с новым лексическим значением (словообразование). Однако у многих глаголов нет видовой пары, причем это может касаться и глаголов совершенного вида (*побежать, хлынуть*), и глаголов несовершенного вида (*сожалеть, перестреливаться*), что собственно и служит причиной отнесения видообразования к словообразовательным процессам. И при парности, и при непарности глаголов разного вида видообразование связано с изменением морфологического (грамматического) значения, что вроде бы противоречит классическому определению словообразования как процесса создания новых номинаций. Но такая же ситуация возникает и в некоторых других случаях, например, при образовании существительных с изменением рода (*учитель — учительница*), что никогда не трактуется иначе, чем словообразовательный процесс. В теории морфологических категорий рассмотренные процессы описывают с помощью понятия «классифицирующая категория», хотя в современной лингвистике нет единства мнений относительно того, является ли русский вид категорией классифицирующей (подобной роду существительных) или словоизменительной (как категория падежа).

Некоторые ученые относят к формообразованию регулярные способы словообразования, в русском языке это образование прилагательных, называемых «формами субъективной оценки» или «степенями качества», которые модифицируют значение положительной степени (*беловатый* от *белый*, *синеватый* от *синий*, *розоватый* от *розовый* и т. п.). Формы субъективной оценки выражают «смягчение, усиление или уменьшение качества»¹, не связаны с морфологической категорией и относятся к сфере словообразования.

Еще одним дискуссионным вопросом, связанным со слово- и формообразованием, является вопрос о формах типа *снега, воды, красoty* и т. п., которые имеют соответствия среди существительных *singularia tantum* (ср.: *снег, вода, красота*), но в связи с изменением значения не могут считаться формами множественного числа этих лексем. В этих случаях можно говорить об использовании в словообразовании возможностей формообразования или об особом способе словообразования, использующем морфологические средства.

При дальнейшем изложении термин «формообразование» будет использоваться при описании всех случаев образования форм изменяемых слов. Средства формообразования будут подразделяться на основные (аффиксы) и дополнительные (переносы ударения и чередования). Словоизменение рассматривается как частный случай формообразования, к нему относится склонение, изменение имен по числам и спряжение глаголов.

¹ *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947. С. 242—243.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

При формообразовательном анализе членимая словоформа последовательно сопоставляется со всеми остальными членами парадигмы.

Термин «парадигма» использовался еще в античных грамматиках для обозначения образца, отражающего изменение слова по формам. Для описания образцов словоизменения (склонения и спряжения) со времен латинских и греческих грамматик используются таблицы, отражающие особенности каждой отдельной модели. В одной части таблицы перечисляются морфологические (грамматические) значения, а в другой — средства их выражения (во флективных языках это прежде всего формообразующие основы и формативы). Вот так, например, выглядит таблица с морфологической парадигмой слова *один* в последней русской академической грамматике.

Таблица 1. Морфологическая парадигма слова *один*

Единственное число			
	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	<i>один</i>	<i>одн-о</i>	<i>одн-а</i>
Р.	<i>одн-ого</i>		<i>одн-ой</i>
Д.	<i>одн-ому</i>		<i>одн-ой</i>
В.	<i>один</i>	<i>одн-о</i>	<i>одн-у</i>
	и		
	<i>одн-ого</i>		
Тв.	<i>одн-им</i>		<i>одн-ой (-ою)</i>
Пр.	<i>(об) одн-ом</i>		<i>(об) одн-ой</i>
Множественное число			
И.	<i>одн-и</i>		
Р.	<i>одн-их</i>		
Д.	<i>одн-им</i>		
В.	<i>одн-и</i>		
	и		
	<i>одн-их</i>		
Тв.	<i>одн-ими</i>		
Пр.	<i>(об) одн-их</i>		

Парадигма этого слова состоит из нескольких подпарадигм («частных парадигм»¹): подпарадигмы единственного и подпарадигмы множественного числа. Слово *один* имеет «полную парадигму», поэтому все клетки таблицы заполнены. У слов с неполными парадигмами может отсутствовать одна из подпарадигм (например, существительные *pluralia tantum* не имеют подпарадигмы единственного числа) или какие-либо клетки не будут заполнены. Например, глаголы *убедить*, *победить* не имеют форм 1-го лица единственного числа, а местоимение *себя* не имеет формы именительного падежа. В исключительных случаях встречаются парадигмы с одним-единственным членом (например, форма *дровец*). Комплексный характер формативов проявляется разными способами. Так, например, формы косвенных падежей и множественного числа слова *один* образуются и с помощью сегментных средств (различных флексий), и за счет переноса ударения с основы на окончание и чередований гласного /i/ с нулем звука в составе основы. Таким образом, в состав комплексного форматива могут входить не только морфемы, но и чередование фонем, ударение, то есть средства фонетического уровня.

Кроме материально выраженных аффиксов, в состав формата могут входить нулевые морфемы, то есть морфемы с фонетически не выраженным означающим (планом выражения). Нулевые аффиксы активно используются в формообразовании; например, нулевыми являются показатели именительного падежа единственного числа у существительных мужского рода 1-го склонения (*слон-∅*), мужского рода в прошедшем времени глаголов (*мерз-∅*), императива 2-го лица единственного числа (*ляг-∅*). По мнению Ю. С. Маслова, форматив прошедшего времени глагола включает, наряду с аффиксами, значимое отсутствие частицы *бы* (ср.: *любил* — форма прошедшего времени и *любил бы* — форма сослагательного наклонения)².

Границы между формативами и формообразующими основами представляют собой один из типов морфемных границ, отражающих формообразовательную структуру слова. Как и форматив, формообразующая основа представляет собой комплексную единицу, которая может обладать различной морфемной структурой. Формообразующая основа может состоять из одного корня (*вод-а*, *син-ий*) или из корня и словообразовательных аффиксов (*водиц-а*, *синеньк-ий*). За формообразующей основой закреплена функция

¹ Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 455.

² Маслов Ю. С. Понятие основы и форматива в дериватологии и парадигматике // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд. 1972. № 1. С. 7—13.

передачи лексического значения, поскольку она содержит корень, являющийся выразителем основного лексического значения, и словообразовательные аффиксы. Однако это не единственная функция основы, поскольку облик многих основ связан с частеречным значением: например, *пиши-* (ср.: *пиши*, *пиши-те*) — это глагольная основа, а *золот-* (*золот-о*, *золот-ой*) — именная. Частеречное значение отличает ряд корневых основ от корней (например, *вод-* — корневая основа существительного *вода* — не может быть в том же значении формообразующей основой слова другой части речи: ср.: *водн-ый*, *водник-ø*, *наводня-ют* и т. д.).

СРЕДСТВА СЛОВО- И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Формо- и словообразующие основы, форманты и формативы состоят из морфем, являющихся основным средством организации структуры слова. Морфема — необходимая и достаточная единица для описания собственно морфемной структуры слова. Предметом размышлений при анализе морфемной структуры слова могут быть вопросы, связанные с планом выражения и планом содержания тех или иных вычленяемых единиц, их соответствия определению морфемы как минимальной значимой единицы языка, границам алломорфного варьирования, проблемам морфемной сегментации, явлениям, происходящим на стыках морфем и т. п. При решении всех этих вопросов объектом анализа являются морфемы и только морфемы.

Анализ формо- и словообразовательной структуры слова связан с более широким кругом явлений, поскольку состав морфем (корней и аффиксов), участвующих в этих процессах, лишь частично описывает системные закономерности, задействованные в организации этих словесных структур. Переносы ударения и чередования фонем являются важной составляющей процессов формо- и словообразования, элементами комплекса средств, формирующих соответствующие структуры слова. Ю. С. Маслов в качестве отдельного типа морфем выделял морфемы-операции (суперсегментные морфемы), к которым относил грамматически значимые сдвиги ударения и чередования фонем.

Если чередования фонем при собственно морфемном описании находят свое отражение в алломорфизме, то с вопросом о связи ударения и морфологической структуры слова дело обстоит несколько сложнее. Эта связь выражается в участии ударения в оформлении грамматических и словообразовательных значений, а также в правилах постановки ударения на той или иной морфеме или элементе структуры слова (основе, форманте, формативе),

в соответствии с которыми различают наосновное и ненаосновное, корневое, префиксальное, суффиксальное и флексийное ударение.

Классическим примером использования ударения как грамматического средства является образование форм единственного и множественного числа существительных типа *ко́локол — колоколá, бедá — беды́*. Акцентная характеристика при словоизменении всегда является значимым показателем — как при переносах ударения, так и при его сохранении на одном месте у всех форм, входящих в парадигму.

Акцентуация производных и непроизводных слов существенно различается. Для производных слов существует хотя и сложная, но формализуемая система правил расстановки ударений. Для непроизводных слов «схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются <...> особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик»¹.

Типы соотношений ударных/безударных формообразующих основ и формативов служат основанием для выделения акцентных типов. По определению «Русской грамматики», акцентным типом называется «общая схема размещения ударения в словоформах определенного множества слов, относящихся к данной части речи»². Выделяются акцентные типы с неподвижным ударением на основе во всех словоформах (*знак-ø, знак-а, знак-у, знак-ø, знак-ом, (о) знак-е; знак-и, знак-ов, знак-ам, знак-и, знак-ами, (о) знак-ах*), с неподвижным ударением на формативе во всех словоформах (*стол-ø³, стол-а, стол-у, стол-ø, стол-ом, (о) стол-е; стол-ы, стол-ов, стол-ам, стол-ы, стол-ами, (о) стол-ах*) и с комбинациями основного и флективного расположения ударения (например, *город, города, городу, город, городом, (о) город-е; город-а, город-ов, город-ам, город-а, город-ами, (о) город-ах*). В некоторых словоформах при словоизменении ударение перемещается в пределах основы (ср.: *óзер-о, óзер-у и озёр-а, озёр-ам*). Каждый акцентный тип характеризуется по крайней мере одной акцентной характеристикой, отличающей его от других типов. Так, например, у слов *остров* и *голубь* местом ударения различаются только словоформы именительного падежа множественного числа (ср.: *остров-á — голуб-и*

¹ Зализняк А. А. Акцентная система современного русского литературного языка // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 387.

² Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980.

³ Для существительных с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа условно устанавливается ударение на флексии.

и *óстров-ø — гóлубь-ø, óстров-а — гóлуб-я...*, *остров-óв — голуб-éй, остров-ám — голуб-я́м...*).

Формы слов с разным морфемным составом объединяются по признаку наличия в них неконечного или конечного ударения. В приведенных ниже примерах первая словоформа имеет неконечное ударение, а вторая — конечное: *дорог-а — ступн-я, дорог-и — ступн-и, дорог-е — ступн-е, дорог-у — ступн-ю, дорог-ой — ступн-éй, о дорог-е — о ступн-е; дорог-и — ступн-и, дорог — ступн-ей, дорог-ам — ступн-ям, дорог-ами — ступн-ями, о дорог-ах — о ступн-ях; гуля-ю — берег-у, гуля-ешь — береж-éшь, гуля-ют — берег-ут, гуляй — берег-и, гулял-а — берегл-а, гулял-о — берегл-о, гулял-и — берегл-и*. Отношение ударения к основе и формативу является значимой характеристикой формообразовательной структуры: формы с ударением на основе противопоставляются формам с ударением на формативе, в связи с чем выделяют основное и неосновное ударение.

Особый интерес представляют акцентные свойства той или иной морфемы. Так, например, словообразовательный суффикс существительного со значением деятеля *-тель* всегда безударный (*учи-тель, писá-тель*), а глагольный суффикс *-ва* всегда ударный (*обве-ва́-ть, продле-ва́-ть*). Морфемы, на которых сохраняется ударение при всех формо- и словообразовательных процессах в рамках парадигмы и словообразовательного гнезда, называются **самоударными**. Самоударные морфемы используются как при слово- (например, *-ист* в *актив-íст, парашют-íст*), так и при формообразовании (*-ти* в инфинитиве глаголов). Существуют также морфемы, относительно которых ударение должно располагаться в той части слова, которая находится перед ними — левоударные, и морфемы, требующие постановки ударения в следующей за ними части — правоударные. Примером левоударной морфемы является первичный суффикс *-ыва-/-ива-* (*расскáз-ыва-ть, хáж-ива-ть*), правосторонней — префикс *су-* (*су-гáнок, су-рéпка*). «В пределах одного слова акцентные свойства морфем могут противоречить друг другу, в этом случае вводятся особые правила для разрешения акцентного „конфликта“»¹.

Изменение фонемного состава морфемы в языкознании называется **чередованием фонем**. Чередования фонем происходят как при формо-, так и при словообразовании. Результатом чередований на морфемном уровне является появление алломорфов морфемы, на уровне слово- и формообразования эти явления ведут к измене-

¹ *Касевич В. Б.* Акцентология // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

нию фонемного состава морфем основ, формативов и формантов. Например, при образовании форм единственного и множественного числа именительного падежа существительного *нога* в корневой основе чередуются фонемы /a/ и /o/ (/nag-á/ — /nóg'-i/), а в окончании предложного падежа единственного числа слов *стол* и *гений* (o /stal'-é/, o /gén'i-i/) чередуются гласные /e/ и /i/. В этих примерах появление алломорфов связано с особенностями устройства звуковой системы русского языка, в которой чередования ударной фонемы /a/ с безударной /o/ (аканье) и ударной фонемы /e/ с безударной /i/ (иканье) относится к процессам, происходящим в речи носителей современного языка автоматически. Чередования этого типа обычно называют живыми или автоматическими чередованиям фонем. Термин «чередование» иногда применяется и к тем случаям изменения звукового состава морфемы, которые не связаны с изменением фонемного состава. Прежде всего это касается ударных и безударных фонем, возникающих при образовании форм слова (/rút'-ø/ — /rut'-óm/). Так как ударные и безударные гласные являются аллофонами одной фонемы, строго говоря, в этой ситуации следует говорить не о чередовании, а о переносе ударения.

Не все чередования можно объяснить фонетическими закономерностями, действующими в системе современного языка. Ряд чередований можно объяснить только опираясь на факты истории развития фонетической системы языка. Например, чередование согласных /g/ и /ž/ в формах глагола *мочь* (/mag-ú/ — /móž-ыš/) отражает один из общеславянских языковых процессов — первую палатализацию, при которой в определенных фонетических позициях заднеязычные переходили в шипящие. Исторические чередования, называемые также традиционными, обычно отражены на письме.

Решение вопроса о типе чередования (живое или историческое) не всегда является однозначным. Например, непросто решить вопрос о степени автоматичности чередований фонем с нулем звука, которое обычно объясняется как следствие артикуляторных трудностей — а следовательно, как живое. Действительно, в случае образования прилагательного *местный* /m'esnyj/ от существительного *место* /m'está/ выпадение /t/ является следствием трудности реализации групп согласных. При чередовании гласных с нулем звука возможно такое же объяснение (действительно, сложно произнести *лб вместо лоб при отсутствии гласного в формах с вокалическим окончанием — лба, лбу и т. д.). Однако возможность отсутствия беглых гласных при сохранении тех же фонетических условий (например, *льстеца* от *льстец* на фоне *братца* от *братец* или *катером* от *катер* на фоне *ветром* от *ветер*) свидетельствует о том, что «беглые гласные» являются следствием падения реду-

цированных, а не особенностью современного устройства фонетической системы, а следовательно, должны рассматриваться как историческое чередование.

Для анализа структурных особенностей слова противопоставление живых и исторических чередований не столь существенно, поскольку и те, и другие в равной мере связаны с формированием формообразовательных и словообразовательных структур. Степень регулярности чередования может быть различной: некоторые чередования обязательны для определенных парадигм или словообразовательных типов, другие — менее регулярны, вплоть до очень редких случаев (ср. чередование /п/ — /š/ при образовании существительного *кармашек* от *карман*), причем степень регулярности чередований при формообразовании выше, чем при словообразовании.

Раздел 4

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главные особенности формообразования существительных

Формообразующие основы существительных и глаголов отличаются не только как носители различных частеречных значений, но и организацией плана выражения. Именные основы оканчиваются на согласную, в то время как глагольные основы могут иметь на конце как гласную, так и согласную, ср.: *сестр-а*, *стол-ом*, *окн-о*, *музе/j/-а* и *чита/j/-у*, *толкну-ть*, *говор-ит*. Требование консонантности последней фонемы именной формообразующей основы может нарушаться только в неизменяемых заимствованиях и сложносокращенных словах (*боа*, *радио*, *СПбГУ*, *США*). Однако эти существительные немногочисленны, а главное — в силу неизменяемости не способны сочетаться с именными флексиями. Неслучайно, что склоняемость развивается исключительно у аббревиатур, оканчивающихся на согласную, например, *из ВАКа*, *по ГОСТу*, *во ВГИКе*, *у ТЮЗа*.

Минимальные формообразующие основы непрямых имен существительных включают одну морфему — корень — и состоят из сочетаний «согласный — гласный — согласный» (*дом-е*, *лес-ом*) или «гласный — согласный» (*ум-а*, *ос-а*). В производных формообразующих основах существительных, кроме корня, может содержаться несколько словообразующих аффиксов (*мечт-а-тель-н-ость-ь*, *пере-рас-пре-дел-ени/j/-е*).

Формативы существительных включают в свой состав флексии (окончания), которые могут состоять из гласного (*пирог-и*) или сочетаний «гласный — согласный» (*мам-ой*) и «гласный — согласный — гласный» (*пирог-ами*). Во флексиях невозможны сочетания согласных.

Важной особенностью формообразования существительных в русском языке является синкретизм выражения морфологических значений — одни и те же грамматические средства могут передавать несколько значений. Для анализа этого явления необходимо рассмотреть морфологические значения форм существительных подробнее.

Полная парадигма существительного включает двенадцать форм числа и падежа. В этой парадигме выделяются две частные подпарадигмы: парадигма единственного и парадигма множественного числа, каждая из которых включает по шесть падежных форм. Все формы, входящие в парадигму, обладают собственными словоизменительными значениями числа и падежа. Основными средствами выражения этих значений являются окончания, которые часто называют падежно-числовыми, хотя значение этих окончаний, как будет показано ниже, не ограничивается словоизменительным. В выражении значений числа и падежа участвуют также фонемные чередования, ударение и некоторые типы модификации формообразующей основы. Все эти средства будут подробно рассмотрены ниже. Возвращаясь к вопросу о морфологических значениях флексий существительного, следует отметить, что во многих случаях они не ограничиваются словоизменительными, так как участвуют в выражении классифицирующих грамматических значений. Иначе говоря, с их помощью может оформляться распределение по родам в единственном числе и по одушевленности/неодушевленности.

Классическое описание категории рода существительных в грамматике строится на перечислении правил определения рода по окончанию в именительном падеже единственного числа. Как известно, большинство склоняемых существительных с окончанием *-а(-я)* относится к женскому роду (*стен-а, вол-я, сестр-а*), с окончанием *-о(-е)* — к среднему роду (*пол-е, окн-о, письм-о*), с нулевым окончанием на твердый согласный и /-j-/ основы — к мужскому роду (*стол-ø, дом-ø, нож-ø*), а с нулевым окончанием на мягкий согласный основы — к женскому (*ночь-ø, тень-ø*) или мужскому роду (*пень-ø, день-ø*).

В то же время к существительным с окончанием *-а(-я)* в именительном падеже единственного числа относятся как слова женского рода (*жен-а, свеч-а*), так и некоторые слова мужского рода (*юнош-а, тарикашк-а*), а окончание *-о(-е)* может characterizo-

вать слова не только среднего (*окн-о, пол-е*), но и мужского рода (*подмастерь-е, домишк-о*).

Для существительных с нулевым окончанием в именительном падеже твердость последнего согласного основы служит показателем мужского рода. Таким образом, в частных случаях фонемный состав финали основы является показателем морфологического значения. Иная ситуация у существительных с нулевым окончанием в именительном падеже и основой на мягкий согласный, так как они могут относиться как к мужскому (*пень-ø*), так и к женскому роду (*любовь-ø*). Для установления родовой принадлежности в этих случаях необходимо обратиться к противопоставлению существительных мужского и женского рода в любом косвенном падеже единственного числа. Например, *пень — пн-ём* и *любовь — любовь-ю, пень — пн-я* и *любовь — любв-и* и т. д. Следовательно, морфологическое значение рода у существительных с мягкой основой и нулевым окончанием может быть установлено только с помощью сопоставления форм именительного и одного из косвенных падежей.

Похожая ситуация возникает при выражения другого классифицирующего морфологического значения существительного — значения одушевленности/неодушевленности. Это значение передается специфическим соотношением форм в склонении существительного. Это соотношение последовательно проявляется во множественном числе: во множественном числе форма винительного падежа одушевленных существительных совпадает с формой родительного падежа (*нет родственник-ов, родственниц-ø, животн-ых* и *вижу родственник-ов, родственниц-ø, животн-ых*), а форма неодушевленных существительных — с формой именительного падежа (*это ящик-и, коробк-и, брёвн-а* и *вижу ящик-и, коробк-и, брёвн-а*). В единственном числе одушевленность/неодушевленность с помощью такого же соответствия форм выражена только у слов мужского рода I склонения (*нет племянник-а* и *вижу племянник-а; это ящик-ø* и *вижу ящик-ø*). В формах женского и среднего рода в единственном числе одушевленность/неодушевленность не выражена.

Таким образом, в форме *дверь-ю* с помощью окончания выражается значение женского рода, единственного числа, творительного падежа; в форме *окн-ом* по окончанию можно определить число и падеж, а род охарактеризовать только как неженский. Определение одушевленности/неодушевленности по форме оказывается возможным у ограниченного круга форм, относительно которых, к тому же, необходимо знать принадлежность к падежу, что выводит за рамки анализа отдельной словоформы.

Кроме того, что одна флексия может передавать несколько морфологических значений, существует и другая особенность

формообразовательной системы флективных языков — одно и то же значение может передаваться абсолютно разными по составу фонем сегментами. Например, основная масса существительных мужского рода I субстантивного склонения и существительные II склонения имеют в именительном падеже множественного числа флексию *-и(-ы)* — *пн-и, слон-ы, сестр-ы*, а существительные среднего рода I склонения имеют флексию *-а(-я)* — *окн-а*. В зависимости от типа склонения и вида основы значение творительного падежа единственного числа может быть выражено субстантивными флексиями *-ом (дом-ом), -ой (ног-ой), -/j/ю (лошадь-/j/ю)*. И подобное многообразие способов выражения одного значения несколькими флексиями является свойством всего субстантивного формообразования.

Возникает вопрос, каким образом следует трактовать это явление, если известно, что за типом склонения в современном русском языке не закреплено никаких значений. Во-первых, можно рассматривать все способы выражения одного морфологического значения или синкретичного комплекса значений как проявление алломорфизма. Такая трактовка вызывает сомнения, поскольку план выражения алломорфов одной морфемы оказывается чересчур разнообразным, хотя и объяснимым через правила алломорфного варьирования. Признание внешне различных единиц представителями одной морфемы связано с пониманием термина «морфема». Если главным для объединения инвариантов в одну морфему считать тождество функции, то можно говорить об окончаниях множественного числа *-и(-ы)* и *-а*, а также обо всех подобных случаях как об алломорфах, хотя в русистике более распространена другая точка зрения, в соответствии с которой при отсутствии формального сходства между сегментами с одинаковым морфологическим значением говорят о разных синонимичных морфемах, и, следовательно, данные флексии не считаются алломорфами. Эта трактовка, в свою очередь, зависит от понимания синонимии. Обычно в языке синонимичные единицы выполняют разные функции, например, используются как стилистические средства. Обсуждаемая синонимия флексий с одинаковым морфологическим значением не связана с функциональными особенностями синонимичных единиц, речь идет о смысловой тождественности морфем, выполняющих абсолютно идентичные языковые функции.

В то же время существуют флексии, использование которых укладывается в классическое представление о функциях синонимичных единиц. По сложившейся традиции их употребление описывается через понятие «вариативность». Например, у существительных женского рода II склонения в творительном падеже наряду с окончаниями */-oj/* и */-ij/* (орфографически *-оï/-ëï/-еï*) возмож-

ны окончания /-oju/ и /-iju/ (орфографически -ою(-ею)), которое является устаревшим, хотя продолжает употребляться в книжной, особенно в поэтической, речи: *травой* — *травою*, *землёй* — *землёю*, *молнией* — *молниею*. К стилистически значимой и полностью устоявшейся вариативности относятся также нейтральные и разговорные варианты слов женского рода множественного числа с окончанием /-at'i/ (орфографически -ями) или /-mi/ (орфографически -ми): *дочерьями* (нейтральное) — *дочерьми* (разговорное); *дверьями* (нейтральное) — *дверьми* (разговорное).

От формализованного правила употребления окончания -а в формах множественного числа среднего рода (*окн-а*) в противоположность окончанию -и(-ы) в I и II склонениях (*пн-и*, *слон-ы*), следует отличать случаи колебаний в образовании форм именительного падежа множественного числа типа *профессор-ы* — *профессор-á*. Соотношение вариантных форм такого типа достаточно разнообразно. В редких случаях эти формы оказываются практически эквивалентными (*год-ы* — *год-а*). Обычно вариативные окончания -и(-ы) и -а стилистически маркированы: *школьные учителя* (нейтральное) — *учители поколения* (книжное, торжественное); *корректоры* (общелитературное) — *корратора* (профессиональное).

Особый случай представляет освоение окончаниями множественного числа словообразовательных функций: флексии -ы и -а используются для образования форм разных слов — лексических корневых омонимов *цветы* — *цвета*.

При описании субстантивного формообразования как вариативные рассматриваются также формы существительных мужского рода I склонения родительного падежа с окончаниями -а(-я) и -у(-ю). Выбор окончания -у(-ю) связан со значением партитивности у вещественных существительных (ср.: *чашка чаю* — *сорт чая*; *килограмм сыру* — *изготовление сыра*) и неопределенной множественности у собирательных и отвлеченных существительных (*мало народу*, *много шуму*).

Аналогичная ситуация складывается при употреблении ряда существительных мужского рода I склонения, у которых предложный падеж может оформляться с помощью флексии -у (*о порт-е*, но *в порт-у*).

В истории грамматики не раз звучали предложения признать формы родительного падежа с партитивным и предложного падежа с местным значением самостоятельными падежами (второй родительный, второй предложный), препятствием чему является прежде всего ограниченность круга существительных, способных образовывать такие формы и принимать такие значения. Конечно, наличие у форм на -у(-ю) и в родительном, и в предложном падеже

и плана содержания, и плана выражения отличает их от стилистически маркированных синонимичных вариантов типа *-ой* — *-ою* (*травой* — *травою*). В то же время формы родительного падежа на *-у(-ю)* практически всегда могут быть заменены формами с флексией *-а(-я)* с тем же количественным значением, и многие частотные существительные в предложном падеже с местным значением образуются с помощью окончания *-е*, например: *в доме, в столе*. Соответственно, вопрос о самостоятельности окончаний второго родительного и второго предложного решить однозначно сложно.

Еще одной яркой особенностью именного формообразования в целом и субстантивного в частности является омонимия флексий. Например, флексия *-а* внутри субстантивного склонения может обозначать единственное число именительного падежа (*сестр-а пришла*), единственное число родительного падежа (*нет стол-а*), единственное число винительного падежа (*вижу слон-а*), множественное число именительного падежа (*дом-а строятся*). Эта же флексия задействована при образовании других именных частей речи: местоимений единственного числа именительного падежа (*он-а пришла*), единственного числа родительного падежа (*нет теб-я*), единственного числа винительного падежа (*вижу теб-я и себ-я*); прилагательных единственного числа именительного падежа женского рода (*мамин-а шляпа*), единственного числа родительного падежа мужского рода (*нет отцов-а дома*), единственного числа родительного падежа среднего рода (*нет отцов-а плеча*), единственного числа винительного падежа мужского рода (*вижу мужнин-а коня*); кратких прилагательных единственного числа женского рода (*она красив-а*); числительных именительного падежа мужского рода (*дв-а плюс три*), родительного падежа (*нет сорок-а рублей*), дательного падежа (*послать сорок-а друзьям*), творительного падежа (*поддержан сорок-а участниками*), предложного падежа (*вспоминаем о девяност-а днях*), винительного падежа (*вижу дв-а стола*). Таким образом, только в именном формообразовании *-а* передает 19 морфологических значений, к которым можно прибавить значение единственного числа женского рода у форм глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении (*читал-а, читал-а бы*). Эта флексия связана с самым большим количеством омонимов. Анализ только субстантивного склонения позволяет на первый взгляд найти и окончания с одним значением в парадигме существительного, например: *-ам* — показатель существительного множественного числа дательного падежа (*отдать сёстр-ам*) или *-ем* — показатель единственного числа творительного падежа (*доволен пол-ем*). Однако если обратиться к фонемному составу флексий, *-ем* окажется омонимична показателю дательного падежа множественного числа *-ям* (*обратиться к земл-ям*). Кроме того, *-ем* ис-

пользуется при образовании форм и других именных частей речи: местоимений единственного числа творительного падежа (*к-ем*); прилагательных единственного числа творительного падежа (*т-ем путем*) и множественного числа дательного падежа (*вс-ем людям*). Среди флексий существительных только *-ов* используется исключительно в субстантивном склонении для родительного и винительного падежей единственного числа (*вижу отцов, нет отцов*).

Дополнительные средства образования форм числа и падежа существительных

Деление средств выражения грамматических значений на основные и дополнительные является условным и связано со степенью распространенности. Так, например, упоминавшееся в предшествующем разделе противопоставление мягких и твердых основ при формировании родовой принадлежности существительных с нулевым окончанием в единственном числе для мужского рода не менее значимо, чем использование нулевого окончания. Однако это противопоставление никак не участвует в выражении родового значения у существительных другого типа, поэтому рассматривается как дополнительное. Для всех форм существительных основным средством выражения формообразовательных значений являются окончания, а дополнительными — различные изменения в основе и переносы ударения.

Дополнительные средства образования форм числа существительных

В зависимости от совпадения/несовпадения фонемного состава основ единственного и множественного числа формы существительных делятся на две группы. К одной группе относятся формы, у которых фонемный состав основы в единственном и множественном числе совпадает; к другой — формы с разным составом основы в подпарадигмах числа. Различия в основах не влияют на системы падежных флексий ни в единственном, ни во множественном числе.

Часть явлений, ведущих к видоизменению основы во множественном числе, может быть описана с помощью понятия «чередования фонем», следствием которых является появление алломорфов морфем, входящих в основу.

К живым чередованиям фонем при образовании форм множественного числа относятся чередования парных по звонкости/глухости согласных (*дуб-ø (ду/р/)* — *дуб-ы, рог-ø (ро/к/)* — *рог-а*) и чередования гласных, связанные с изменением места ударения (*дóм-ø — дом-á (д/а/ма)*).

Существительные с основой на *к, г, х* в именительном падеже единственного числа отличаются от других существительных с основой на парную по твердости/мягкости согласную мягкостью этой согласной основы и флексией *-и*: *мальчик-ø — мальчик-и, сапог-ø — сапог-и, мух-а — мух-и*.

Историческими являются чередования */к/ — /č/*: *крюк, крюка, крюку, крюком, (о) крюке; крючья, крючьев, крючьями, (о) крючьях; /х/ — /š/*: *ухо, уха, уху, (об) ухе; уши, ушей, ушам, ушами, (об) ушах; /г/ — /з/*: *друг — друзья, друзей, друзьям, друзьями, (о) друзьях*. Как чередование, связанное с морфологической (не с фонетической) позицией, следует рассматривать чередование твердых и мягких в основах слов *колени, сосед, чѣрт (колени — колени, сосед — сосед-и, чѣрт — черт-и)*, так как у существительных с твердой основой в единственном числе во множественном числе в современном языке используется окончание *-ы (стол-ы)*.

При изменении по числам может также возникать чередование гласных с нулем звука (гласные называют «беглыми»): *лев-ø — льв-ы, ветер-ø — ветр-а*. Вопрос об этом типе чередований подробно рассматривался в разделе, посвященном средствам формообразования.

Кроме чередований фонем, модификации основ единственного и множественного числа могут быть связаны с линейными изменениями основы, которые по традиции называются наращением или усечением основы в зависимости от типа изменения. Эти термины вполне подходят для анализа комплексных единиц слово- и формообразования — основ, однако для описания морфемного состава слова неприменимы.

При образовании форм числа возможны несколько типов линейной модификации основ.

1. Ряд существительных мужского и среднего рода образуют формы множественного числа от основы на */j/*, в то время как в основе единственного числа */j/* отсутствует. Этот способ образования форм множественного числа используется во многих частотных словах (*брат — брат/j/-а, зять — зять/j/-а, ком — ком/j/-а, стул — стул/j/-а, дерев-о — дерев/j/-а*), использование разных основ является важным компонентом формирования морфологического значения числа, однако статус сегмента */j/* определить трудно. Несмотря на то, что морфологическое значение сегмента очевидно, квалифицировать его как самостоятельную словоизменяющую морфему мешает то, что это значение уже выражено флексией. С другой стороны, вычленимость */j/* вполне очевидна, к тому же без этого сегмента значение множественного числа окажется невыраженным. Можно осмыслить формообразование в этой группе слов через понятие агглютинации, при которой за каждым формообразу-

ющим элементом закреплено собственное значение. В этом случае можно рассматривать /j/ как аффикс со значением множественного числа, а за флексией оставить падежные значения. Тем не менее останется открытым вопрос, на каком основании морфологические значения оформляются подобным образом именно в этих словах. При любом подходе к трактовке семантики и статуса этого элемента очевидно, что использовать основу множественного числа для этих слов без /o/ невозможно. Поэтому предложение Л. Л. Буланина¹ рассматривать сегменты подобного рода как основообразующие суффиксы представляется вполне обоснованным.

Также обращает на себя внимание и тот факт, что в некоторых случаях отсутствие /j/ оказывается значимым для образования слов и их лексических значений, причем как в плане наличия, так и отсутствия /j/. Имеют разные значения словоформы *мужья* и *мужи*, *корни* и *коренья*, что свидетельствует о разных значениях слов *муж* и *корень* (ср.: *муж* — *мужья*, *корень* — *корни* и *муж* — *мужи*, *корень* — *коренья*), а использование/неиспользование /j/ в приведенных примерах очевидным образом связано не только с формообразованием.

2. В основах существительных со значением «невзрослости» основы множественного и единственного числа различаются сегментами, представленными и в формах единственного, и в формах множественного числа:

- в основе существительных мужского рода в единственном числе есть сегмент *-онок-(-ёнок-)*, а в основе множественного числа — сегмент *-ат-(-ят-)*: *гусёнок* — *гусята*, *волчонок* — *волчата*;
- в основе существительных мужского рода в единственном числе есть сегмент *-онок-(-ёнок-)*, а в основе множественного числа — сегмент *-енят-*: *бесенок* — *бесенята*, *черенок* — *черенята*;
- в основе существительных мужского рода в единственном числе есть сегмент *-ок-*, а в основе множественного числа — сегмент *-ат-(-ят-)*: *щенок* — *щенята* (возможна также форма *щенки*).

Анализ образования форм единственного и множественного числа существительных со значением «невзрослости» представляется более очевидным, чем аналогичный процесс с использованием сегмента /j/, рассмотренный в предшествующем пункте, где обсуждалось, что основной проблемой при трактовке этого сегмента как формообразовательного аффикса является дублирование информации о множественном числе в этом сегменте и во флексии. В рассматриваемом случае вопрос о значении связан не только с формообразованием, так как и сегменты, входящие в основы единственного числа, и сегменты из форм множественного числа

¹ Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.

принимают участие в формировании словообразовательного значения «невзрослости». Одним из подтверждений этого является использование при формообразовании одной основы в тех случаях, когда значение «невзрослости» нивелируется. Так, например, используется основа единственного числа при образовании форм множественного числа в именах собственных, образованных от названий детенышей: *Среди православных лагерей уже есть свои престижные «Артеки» и «Орленки»* (из газет).

Обсуждаемая проблема также связана с вопросами о равноправии форм слова и традиции строить словообразовательные цепочки на так называемой «основной» или «исходной» форме слова. Слово как совокупность форм ничем не отличается от морфемы как совокупности алломорфов или фонемы как совокупности аллофонов, а следовательно представление любого варианта как основного неприемлемо. В отношении форм слова идея существования основного варианта слова поддерживается практикой составления словарей, в которых принято в заголовке статьи указывать слово в определенной форме. Однако это лишь словарная форма, которая, кстати говоря, в мировой лексикографической практике оказывается различной. Поэтому и при словообразовании, вопреки распространенному методу использования так называемых исходных форм, целесообразно учитывать разные формообразующие основы, если они у слова имеются.

Возвращаясь к анализируемой группе слов, можно констатировать, что для форм единственного и множественного числа используются разные суффиксы, которые выполняют и словообразующую, и формообразующую (основообразующую) функции. Морфемный анализ форм *щенок* и *щенята* позволяет определить минимальные сегменты для единственного (-ок-) и для множественного (-ят-), а членение по аналогии — провести границу внутри сегментов -он/ок-(-ён/ок-) и -ен/ят. Вопрос о семантике единиц -он-(-ён) и -ен-, как и во многих других случаях членения является дискуссионным.

Кроме рассмотренной группы существительных, разные основы при образовании форм единственного и множественного числа используются при формообразовании еще ряда слов. К ним относятся:

- существительные с сегментом -анин-(-янин-) в основе единственного числа и сегментом -ан-(-ян-) в основе множественного числа: *крестьянин — крестьяне, армянин — армяне* (исключение: *семьянин — семьянины*);
- несколько существительных с сегментом -ин- в основе единственного числа и нулевым сегментом в основе множественного числа: *боярин — бояре, болгарин — болгаре, господин — господа, татарин — татары, барин — बारे* (вариантная форма — *бары*);

- существительное с сегментом *-ок-* в основе единственного числа и нулевым в основе множественного числа: *цветок* — *цветы*;
- существительное с сегментом *-н-* в основе единственного числа и нулевым в основе множественного числа: *судно* — *суда*;
- существительное с сегментом *-иц-* в основе единственного числа и нулевым в основе множественного числа: *курица* — *куры*;
- существительное с сегментом *-ин-* в основе единственного числа и сегментом *-ев-* в основе множественного числа: *хозяин* — *хозяев*.

В продолжение темы о связях формо- и словообразующих элементов можно привести перенесение основных функций аффикса *-ес* в сферу словообразования. В современном языке только для слова *чудо* формы с *-ес* используются при образовании множественного числа (*чудеса, чудес, чудеса, чудесам, чудесами, (о) чудесах*). Слова *телеса, словеса*, являющиеся устаревшими формами множественного числа слов *тело* и *слово*, в современном языке представляют собой отдельные слова *pluralia tantum*, выступающие как экспрессивные синонимы существительных *тело* и *слово*. Самостоятельным является и слово *небеса*, которое употребляется в поэтической речи в том же значении, что и слово *небо*. Во всех приведенных примерах *-ес* следует рассматривать как словообразовательный суффикс, что подтверждает возможность преобразования формообразовательных средств в словообразовательные. Интересно, что подобное изменение функций распространяется не только на суффиксы, но и на окончания, которые считаются типичными носителями словоизменительных значений. Например, флексия множественного числа, присоединяясь к существительным *singularia tantum*, порождает новое существительное *pluralia tantum* с собственным значением, а не соотносительные формы числа (например, существительные *воды, вина, масла* связаны с представлениями о сортах веществ, а не о веществах, ср.: соотносительные вещественные существительные *singularia tantum* — *вода, вино, масло*).

Круг примеров, демонстрирующих словообразовательные возможности формообразующих элементов, можно расширить за счет существительных *pluralia tantum*, образованных на основе омонимичных форм множественного числа: *часы* ('промежутки времени', множественное число для слова *час*) — *часы* ('механизм').

Дополнительные средства образования форм падежа существительных

Образование падежных форм регулярно сопровождается переносами ударения и чередованием фонем, и хотя существуют слова, при склонении которых используются разные флексии (*ступня, ступни, ступне, ступню, ступнёй, (о) ступне; ступни, ступней*,

ступням, ступни, ступнями, (о) ступнях), бóльшая часть падежных парадигм характеризуется подвижным типом ударения и чередованиями, в первую очередь живыми фонетическими. Можно утверждать, что для падежного формообразования принадлежность к определенному акцентному типу и живые чередования фонем являются неотъемлемой частью большинства формативов.

К живым фонетическим чередованиям согласных при склонении относятся:

- чередования парных твердых и мягких (/máma/ *ма́ма* — /mam'i/ *маме*);
- чередования мягких и твердых (/čísóvn'i/ *часовни* — /čísóvin/ *часовен*);
- чередования парных глухих и звонких (/dúp/ *дуб* — /dúba/ *дуба*);
- чередования парных звонких и глухих (/pǝz'by/ *просьбы* — /pǝs'p/ *просьб*);
- чередования с нулем звука, возникающие в результате выпадения интервокального йота (/máj/ *май* — /mái/ *мая*).

Живые чередования гласных связаны с подвижностью русского ударения, в результате переносов ударения происходят следующие фонетические чередования: /o/ — /a/ (/stól/ *стол* — /stála/ *стола*); /e/ — /i/ (/rub'éš/ *рубеш* — /rub'izá/ *рубеша*); /o/ — /i/ (/s'óstry/ *сёстры* — /s'ist'ór/ *сестёр*); /a/ — /i/ (/m'áč/ *мяч* — /m'ičóm/ *мячом*); /o/ — /ы/ (/šólk/ *шёлк* — /šылkú/ (*о*) *шелку*); /e/ — /ы/ (/šést/ *шест* — /šыstá/ *шеста*).

При склонении слова *господь* происходит чередование мягкого согласного на конце основы именительного падежа с парным твердым в основах косвенных падежей единственного числа: *господь*, но *господ-а*, *господ-у* (формы множественного числа не образуются).

Исторические чередования гласных — это чередования беглых гласных с нулем звука. Беглые гласные встречаются как в именительном, так и в косвенных падежах: гласные фонемы обычно находятся в составе форм, не имеющих вокалических окончаний, выпадение звука возможно при наличии гласных во флективной части: *лев* — *льва*. В результате возникают как чередования гласных с нулем звука (*лев* — *льва*), так и чередования нуля с гласными (*ковёр* — *ковра*), в которых принимают участие все гласные фонемы русского языка, кроме /u:/ /kav'ór/ *ковёр* — /kavrá/ *ковра* (/o/ — -ø); /v'in'éc/ *венец* — /v'incá/ *венца* (/e/ — -ø); /d'át'il/ *дятел* /i/ — /d'átla/ *дятла* (/i/ — -ø); /lápat'/ *лапоть* — /lápt'i/ *лаптя* (/a/ — -ø); /s't'éržyn'/ *стержень* — /s't'éržn'á/ *стержня* (/ы/ — -ø); /s'óstram/ *сёстрам* — /s'st'ór/ *сестёр* (-ø — /o/); /kól'ca/ *кольца* — /kal'éc/ *колец* (-ø — /e/); /v'ódra/ *ведра* — /v'ód'ir/ *ведер* (-ø — /i/); /s't'ókla/ *стёкла* — /s't'ókyl/ *стёкол* (-ø — /a/); /p'óгыški/ *пёрышки* — /p'óгыšyk/ *пёрышек* (-ø — /ы/).

Интересным примером возможного участия беглых гласных в формировании нового слова другого лексико-грамматического разряда является имя собственное *Любовь*, склонение которого отличается от склонения нарицательного существительного *любовь* отсутствием чередования гласной с нулем звука в родительном, дательном, и предложном падежах: *любви*, но *Любови*.

Линейная модификация основ при образовании падежных форм происходит значительно реже, чем при изменении существительных по числам, и не отличается регулярностью. Немногочисленные случаи модификаций в составе падежных основ воспринимаются как исключения и не могут служить моделью при формообразовании новых слов, что отличает функциональную нагруженность различающихся сегментов падежных основ и основ, используемых для образования форм числа. Так, например, несмотря на отсутствие слова *плутонянин* в каком-либо словаре, достаточно очевидно, что это слово может быть использовано для именованя жителей Плутона, если бы они там обнаружились, при этом в формах множественного числа была бы использована основа с сегментом *-ян-*. Сегменты, специфические для форм падежа, не только не обладают словообразовательным потенциалом, они не могут быть использованы и как модели формообразования. К линейным модификациям формообразующей основы при изменении по падежам относятся:

- разные основы именительного и косвенного падежей в слове *Христос* (*христос-* и *христ-*), включающие разные алломорфы корня;
- разные основы именительного и косвенного падежей в словах *мать* и *дочь* (*мать-*, *дочь-* и *матер-*, *дочер-*). В поэтической речи основы косвенных падежей встречаются и в именительном падеже: *дочьер*, *матерер*, включающие разные алломорфы корней;
- разные основы в именительном падеже единственного числа и во всех остальных формах слов на *-мя* (*знамя-* и *знамен-*, *имя-* и *имен-* и т. д.). Последний из рассмотренных случаев охватывает все русские существительные на *-мя*, сегмент *-ен* является обязательным элементом всех форм, кроме формы единственного числа именительного падежа, а следовательно должен рассматриваться как основообразующий суффикс.

ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА

Формы, образующие парадигму глагола, делятся на три группы:

- предикативные (личные, спрягаемые) формы, обладающие морфологическими значениями вида, залога и склонения;

в изъявительном наклонении значениями времени; в настоящем и будущем времени — значениями лица и числа, а в прошедшем времени и сослагательном наклонении — значением рода; в повелительном наклонении — формами числа;

- инфинитив (неопределенная форма), обладающая морфологическими значениями вида и залога;
- причастия и деепричастия (атрибутивные формы): причастия обладают морфологическим значением залога, вида, времени и рядом адъективных категорий; деепричастия обладают морфологическими значениями залога и вида.

Для формообразования перечисленных репрезентаций глагола используется сложная система с четкой структурной иерархией, целый набор формообразующих основ и разнообразные формообразующие аффиксы. В разных формах глагола выделяются свои основы, различные по составу, но все они группируются вокруг двух основных формообразующих основ: основы прошедшего времени и основы настоящего/будущего времени, которую условно называют основной настоящего времени. Основа прошедшего времени в большинстве случаев оканчивается на гласную, а основа настоящего времени — на согласную. Тип соотношения этих двух основ определяет отнесенность глагола к тому или иному словоизменительному классу. Существовала традиция считать основу инфинитива¹ и основу настоящего времени основами, из которых выводятся все остальные глагольные формы, и составлять перечень классов с учетом их соотношения. Однако в ряде случаев формы прошедшего времени и инфинитива не совпадают, при этом в дальнейшем формообразовании последовательно используется основа прошедшего времени, а не инфинитива (например, *высохнуть — высохла — высохший, вымокнуть — вымокла — вымокший*), в связи с чем большинство современных грамматик опирается на противопоставление основ настоящего и прошедшего времени. Этот принцип используется, например, в последней русской академической грамматике («Русская грамматика», 1980). В то же время широко известная классификация А. А. Зализняка² основывается на противопоставлении основ настоящего времени и инфинитива, что прежде всего связано с тем, что описание словоизменения в этой классификации имеет форму словаря, в котором инфинитив находится в заголовке словарной статьи.

Основу настоящего времени принято определять по форме 3-го лица множественного числа, поскольку в этой форме

¹ См., например, Грамматика русского языка. М., 1952. С. 533.

² Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980.

реже всего происходят чередования. Основа настоящего времени большинства глаголов оканчивается на согласные /j/, *н*, *т* и *д*: *чита/j/-ут*, *моkn-ут*, *мет-ут* и *вед-ут*). Исключение составляют глаголы «архаического спряжения», в некоторых формах которых основа настоящего времени оканчивается на гласный; ср. *я е-м*, *ты е-шь*; *я да-м*, *ты да-шь*, но *мы ед-им*, *мы дад-им*. Кроме того, регулярное выпадение интервокального йота в формах 1-го лица множественного числа, 3-го лица единственного числа и в обеих формах 2-го лица глаголов типа *читать*, *жалеть*, *рисовать*, относящихся к продуктивным классам, значительно ослабляет эту тенденцию (ср.: /čítáj-u/ *читаю* — /čítá-iš/ *читаешь*, /čítá-it/ *читает*, /čítá-im/ *читаем*, /čítá-it'i/ *читаете*, /čítáj-ut/ *читают*).

Основу прошедшего времени выделяют из форм женского рода прошедшего времени путем отсечения суффикса *-л* и окончания: *чита-л-а*, *зая-л-а*, *тащи-л-а*, *зависе-л-а*, *ду-ла*, *тая-л-а*. Почти все основы прошедшего времени оканчиваются на гласный (*чита-ла*, *писал-а*, *рисова-ла*, *дела-ла*).

К основам присоединяются флексии, выбор которых определяется типом спряжения.

Соотношения основ и формообразовательные классы глагола

Глаголы с однотипным соотношением основ настоящего и прошедшего времени объединяются в классы, среди которых различаются продуктивные и непродуктивные.

Обычно выделяют пять продуктивных классов, к которым относится большинство русских глаголов:

1-й продуктивный класс с суффиксом /-j-/ в основе настоящего времени и нулевым суффиксом в основе прошедшего времени (*работа-ют* — *работа-л-а*). В составе основ находится так называемый тематический гласный *а*;

2-й продуктивный класс с суффиксом /-j-/ в основе настоящего времени и нулевым суффиксом в основе прошедшего времени (*уме-ют* — *уме-ла*). В составе основ тематический гласный *е*;

3-й продуктивный класс с суффиксом *-y/j/-* в основе первого и третьего лица единственного числа настоящего времени, суффиксом *-y-* в других формах настоящего времени и суффиксом *-ова-/-ева-* в прошедшем времени (*рис-y/j/-у*, *рис-у-ешь*, *рис-у-ет*, *рис-у-ем*, *рис-у-ете*, *рис-y/j/-ут* — *рисова-ла*; *ноч-y/j/-ут* — *ноч-ева-ла*);

4-й продуктивный класс с суффиксом *-н-* в основе настоящего времени и суффиксом *-ну-* в основе прошедшего времени (*толк-н-ут* — *толк-ну-ла*);

5-й продуктивный класс с нулевым суффиксом в основе настоящего времени (при сохранении мягкости предшествующего согласного) и суффиксом *-и-* в основе прошедшего времени (*говор-ят — говор-и-ла*).

Такой состав и порядок перечисления продуктивных классов глагола принят в большинстве учебных пособий, хотя он может быть и иным, так как носит условный характер.

Отдельного упоминания требуют тематические гласные, входящие в глагольные основы. Как известно, их статус как морфем достаточно спорен, поскольку они не связаны со словообразованием и не выражают отдельного грамматического значения. Иногда их называют суффиксами инфинитива, однако они также используются в основах спрягаемых форм, как связанных, так и не связанных формообразовательными отношениями (тематический гласный может присутствовать и в основе настоящего времени, и в основе прошедшего времени, и в основе инфинитива). Осознавая особенности истории формирования этих частей глагольных основ, целесообразно рассматривать их как основообразующие суффиксы, подобные основообразующим суффиксам, участвующим в образовании падежных и числовых форм существительного, о которых говорилось в разделе, посвященном формообразованию существительных. В таком случае членение форм глаголов с тематическими гласными будет выглядеть следующим образом: *чит-а-/j-у/т, чит-а-л-а, чит-а-ть; уме-/j-у/т, ум-е-л-а, ум-е-ть*. В приведенных примерах *-а-* и *-е-* являются основообразующими суффиксами, */j/* — суффиксом настоящего времени, *-л-* — суффиксом прошедшего времени.

Суффикс прошедшего времени *-л-* присутствует практически во всех формах прошедшего времени, исключения единичны (например, форма мужского рода *замерз*, в которой суффикс прошедшего времени, как и окончание, является нулевым). В формах настоящего времени суффикс не всегда выражен материально, в случае его отсутствия констатируется наличие нулевого формообразующего суффикса настоящего времени (например, в пятом продуктивном классе глаголов).

Суффикс *-л-* в сослагательном наклонении утрачивает значение прошедшего времени и становится частью аналитической формы, в которой вместе с частицей *бы* выполняет функцию показателя наклонения. Соответственно, в формах прошедшего времени, в которых нет комплекса 'форма на *-л-* и частица *бы*', суффикс *-л-* является и показателем изъявительного наклонения. В формах настоящего времени формообразующие суффиксы основы, в том числе нулевые, совмещают значения времени и наклонения, опровергая этим мнение, что синкретизм значений свойственен только флек-

сиям. У формообразующих суффиксов настоящего и прошедшего времени есть еще одно отличие — суффиксы настоящего времени участвуют в образовании парциальных основ других форм глагола (например, *чита/ј-у/т* → *чита/ј/-ø*, *чита/ј-у/щ-ий*), а суффикс прошедшего времени — нет (*чита-л-а* → *чита-ви-ий*).

Глаголы, относящиеся к непродуктивным классам, характеризуются особым соотношением основных формообразующих основ. Не касаясь деталей, можно отметить, что для большинства глаголов, относящихся к непродуктивным классам, характерно наличие гласных в основе прошедшего времени и их отсутствие внутри основ в формах настоящего времени: *пряч-ут* — *прята-л-а*, *ищ-ут* — *иска-л-а*; *скаж-ут* — *сказа-л-а*, *кол-ют* — *коло-л-а*, *гор-ят* — *горе-л-а*; *рев-ут* — *реве-л-а*, *тон-ут* — *тону-л-а*. Особенностью некоторых непродуктивных глаголов является сохранение /j/ как показателя основы настоящего времени во всех личных формах: /gn'ij-ú/ *гни-ю*, /gn'ij-oš/ *гни-ёшь*, /gn'ij-ot/ *гни-ёт*, /gn'ij-om/ *гниём*, /gn'ij-ot'i/ *гни-ёте*, /gn'ij-ut/ *гниют*. Еще одна особенность глаголов непродуктивных классов — возможность нестандартных соотношений основ, большинство из которых встречаются лишь в нескольких глагольных формах: *мет-ут* — *ме-ла*, *раст-ут* — *рос-ла*; *мн-ут* — *мя-ла*, *мо/ј-у/т* — *мы-ла*. Возникающие соотношения несовпадающих основ оказываются разными. Например, в глаголе *мокнуть* (*моkn-ут* — *мок-ла*) происходит чередование нулевого суффикса в основе прошедшего времени с суффиксом *-н-* в основе настоящего времени, который в инфинитиве представлен своим алломорфом *-ну-*. Суффикс *-ну-* в этом глаголе является словообразовательным и обозначает процесс приобретения признака, названного мотивирующим прилагательным. Вопросы, появляющиеся после сделанного анализа, касаются статуса выделенных суффиксов. Можно ли утверждать, что нулевой суффикс в формах прошедшего времени продолжает выражать словообразовательное значение и является суффиксом-алломорфом или суффиксом-синонимом суффикса *-ну-*? Каким способом выражаются основообразующие значения? Может быть, имеет смысл считать, что словообразовательные суффиксы при основообразовании глаголов приобретают дополнительное формообразовательное значение? Для получения ответов на эти вопросы необходимо тщательное исследование процессов взаимодействия формо- и словообразовательных единиц, которое пока не проводилось.

Основы глаголов непродуктивных классов демонстрируют еще один интересный способ выражения формообразовательного значения: в некоторых глаголах основы настоящего и прошедшего времени представлены корневыми основами, в которые вхо-

дят алломорфы одного корня, выбор алломорфа очевидным образом связан морфологическим значением времени. Таковы, например, основы настоящего и прошедшего времени в глаголах *мыть* (*мо/ж/-ут — мы-ла*).

Максимальная непродуктивность свойственна изолированным глаголам. Изолированными глаголами называются глаголы, которые при образовании форм настоящего времени имеют свои особые наборы окончаний и несвойственные другим классам соотношения основ. Формы прошедшего времени изолированных глаголов вполне стандартны. К изолированным глаголам относятся как малоупотребительные книжные *зиздиться*, *зыбиться*, так и высокочастотные *быть*, *дать*. Полный список бесприставочных изолированных глаголов состоит из 12 единиц: *быть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *буд-* — *бы-*), *бежать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *бег-/беж-* — *бежа-*), *дать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *да/ж/-* — *да*), *есть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *е-* — *е-*), *ехать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *ед-* — *еха-*), *зиздиться* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *зизжд-* — *зизжди-*), *зыбиться* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *зыбл-* — *зыби-*), *идти* (супплетивные основы настоящего и прошедшего времени: *ид-* — *ш-/шѐ*), *надоесть* (соотношение основ настоящего/будущего и прошедшего времени: *надое-* — *надое-*), *создать* (соотношение основ настоящего/будущего и прошедшего времени: *создад-/созда-* — *созда-*), *хотеть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *хот-/хоч-* — *хоте-*), *читать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *чит-* — *чи-*). Формообразовательная уникальность многих изолированных глаголов проявляется также в составе флексий, что подробнее будет рассмотрено ниже.

Образование парциальных основ глагола

От основы настоящего времени образуются основы императива, деепричастий настоящего времени, действительных и страдательных причастий настоящего времени: *люб-ят* → *люб-и*, *люб-ят* → *люб-я*, *люб-ят* → *люб-ящ-ий*, *люб-ят* → *люб-им-ый*. Инфинитив, формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, а также деепричастия совершенного вида, действительные и страдательные причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени: *прочита-ла* → *прочита-ть*, *прочита-л-а* → *прочита-л-а* (*бы*), *прочита-ла* → *прочита-в*, *прочита-ла* → *прочита-вший*, *прочита-ла* → *прочита-нный*.

Некоторые действительные и страдательные причастия прошедшего времени используют при формообразовании основы настоящего времени. Например, от основы настоящего времени образованы страдательное причастие *заплет-енный* и действительное причастие *пряд-ший*.

В причастиях и деепричастиях глаголов с суффиксом *-ну-* иногда возможно сохранение суффикса, то есть образование причастия как от основы прошедшего времени, так и от основы инфинитива, что приводит к вариативности типа *умолк-ш-ий* / *умолкну-вший*, *подверг-шись* / *подвергну-вший*.

Для образования императива, сослагательного наклонения, инфинитива, причастий и деепричастий используется специфический набор формообразующих суффиксов. Основы, полученные присоединением формообразующих суффиксов к основным формообразующим основам, называются **парциальными**. К парциальным основам относят основы императива, инфинитива, причастий и деепричастий. Парциальная основа императива образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-ø-* или *-и-*: *сяд-ем* → *сяд-ø(ь)*; *сид-им* → *сид-и*.

Действительные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-ущ-/ -ющ-* для глаголов I спряжения и *-ащ-/ -ящ* для глаголов II спряжения: *жив-ем* → *жив-ущ-ий*; *сид-им* → *сид-ящ-ий*. Действительные причастия образуются практически от всех глаголов, кроме безличных (*светать*, *знобить* и т. п.) и многократных (*сиживать*, *хаживать* и т. п.).

Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени с помощью суффиксов *-вш-(-ш-)*, являющихся алломорфами. Суффикс *-вш-* присоединяется к основам на гласную, а *-ш-* — к основам на согласную (*игра-ла* → *игра-вш-ий*, *нес-ла* → *нес-ш-ий*). Глаголы с инфинитивом на *-сти* образуют действительные причастия прошедшего времени с помощью суффикса *-ш-* от основы настоящего времени, оканчивающейся на согласную: *отцветсти* — *отцвет-ут* → *отцвет-ш-ий*. Вариантные формы, образованные от основы настоящего времени, считаются разговорными: *отцвет-л* → *отцветё-вш-ий*.

Страдательные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени переходных глаголов несовершенного вида с помощью суффикса *-ем-* (под ударением *-ом-*) для глаголов I спряжения (*чита-ем-ый*, *вед-ом-ый*) и суффикса *-им-* для глаголов II спряжения (*люб-им-ый*, *цен-им-ый*). Некоторые глаголы, например глаголы с суффиксом несовершенного вида, образуют эти формы от основ прошедшего времени: *созда-ва-ть* — *созда-ва-л* — *созда/ж-у/т* — *созда-ва-/ж/-ем-ый*; *изуч-а-ть* — *изуч-а-/ж-у/т* — *изуч-а-/ж/-ем-ый*.

Страдательные причастия прошедшего времени образуются с помощью суффиксов *-нн-*, *-т-* и *-енн-*. Суффикс *-нн-* присоединяется к основам прошедшего времени с суффиксами *-а-*, *-я-* (*прочит-а-ть — прочит-а-нн-ый*); этот же суффикс выделяется в причастиях *вид-е-нн-ый* и *увид-е-нн-ый*. Суффикс *-т-* присоединяется к основам прошедшего времени со словообразовательным суффиксом *-ну-* (*ски-ну-ть — ски-ну-т-ый*), с мнимым полногласием (*запер-еть — запер-т-ый*) и к безсуффиксальным основам, оканчивающимся на корневой гласный (*нача-ть — нача-т-ый*). Суффикс *-енн-* присоединяется к основам настоящего и прошедшего времени на согласный (*испек — испеч-ённ-ый*, *обрет-ут — обрет-ённ-ый*). В связи с разнообразием суффиксов, выражающих это морфологическое значение, возникает вопрос, как — через алломорфизм или синонимию морфем — описывать это явление, который уже обсуждался в связи со сходными явлениями при формообразовании существительных. Суффиксы *-нн-/-енн-* соответствуют представлениям об использовании алломорфов и принципам алломорфного варьирования, суффикс *-т-* по отношению к рассмотренной паре целесообразно рассматривать как синонимичную морфему.

Для образования деепричастий несовершенного вида в большинстве случаев используется суффикс *-а(-я)*, который присоединяется к основе настоящего времени: *игра/ж-у/т → игра/ж-а/, нес-ут — нес-я*. Глаголы типа *создавать*, *познавать*, *одевать* образуют эти формы от основ прошедшего времени, сохраняющих суффикс *-ва-* с присоединением звука *-/j/-*; ср.: *созда-ва-ть — созда-ва-л — созда/ж-у/т — созда-ва-/ж-а/*). В данном случае отсутствие какой бы то ни было функциональной нагрузки у йота представляется очевидным, его появление обусловлено особенностями русской орфографии, в которой появление двух одинаковых букв рядом невозможно. Таким образом сегмент */ja/* является алломорфом формообразовательного суффикса *-а* после основ на *-ва*.

Глагол *быть* имеет деепричастие *будучи*, образованное с помощью устаревшего суффикса *-учи* (ср. устаревшие формы с тем же суффиксом: *ид-учи*, *гляд-ючи* используются в художественных произведениях в целях стилизации под народную речь).

Для образования деепричастий совершенного вида от основы прошедшего времени используются суффиксы *-в/-ши/-вши*, являющиеся алломорфами. Эти суффиксы присоединяются к основе прошедшего времени, от финали которой зависит выбор алломорфа. Алломорфы *-в* и *-вши* выступают после гласных; первый — в глаголах без постфикса *-ся*, второй — в глаголах с *-ся*: *столкну-ла(сь) → столкну-в, столкну-вши-сь*. Вариантные формы с *-вш-* от невозвратных глаголов являются просторечными: *нари-совавши, толкнувши*.

При формообразовании деепричастий использование основных формообразующих основ и суффиксов у глаголов разного вида не всегда последовательно. Так, например, ряд глаголов II спряжения могут образовывать деепричастия совершенного вида от основы настоящего времени с помощью суффикса *-а(-я)*: *наклон/п'а/-ла* — *наклон/ај/-ут* — *наклон/ај/-а*. Некоторые глаголы несовершенного вида образуют деепричастия (обычно с отрицанием) от основы прошедшего времени с помощью суффиксов *-в/-вши-*: *не е-в* или *не е-вши*. Во большинстве случаев возникают ряды вариантных форм деепричастий несовершенного вида: *буд-учи* — *бы-в* — *бы-вши*; *зна/ј/-а* — *зна-в* — *зна-вши*; *е-в* — *е-вши*. Все формы деепричастий несовершенного вида с суффиксом *-вши* являются просторечными, формы с суффиксом *-в* могут быть как разговорными (*зна-в*), так и общеупотребительными (*е-в*).

Основа инфинитива и основа прошедшего времени, как уже говорилось, у большинства глаголов совпадают (*дела-л-а* — *дела-ть*, *писа-л-а* — *писа-ть*, *рисова-ла* — *рисова-ть*, *пе-л-а* — *пе-ть*). Исключения составляют:

- глаголы с «мнимым полногласием»¹ (*умере-ть* — *умер-ла*, *запере-ть* — *запер-ла*);
- некоторые глаголы с суффиксом *-ну*² (*мерзну-ть* — *мерзн-ут* — *мерз-ла*; *мокну-ть* — *мокну-ут* — *мок-ла*; *сохну-ть* — *сохн-ут* — *сох-ла*);
- глаголы с основой инфинитива на согласный */s/*, чередующийся с согласными */t/*, */d/* (в основе настоящего времени) и нулем звука (в основе прошедшего времени) (*мес-ти* — *мет-ут* — *ме-ла*; *крас-ть* — *крад-ут* — *кра-ла*);
- глаголы с основой инфинитива на согласный */s/*, чередующийся с согласным */b/* в основах настоящего времени и прошедшего времени (*скрес-ти* — *скреб-ут* — *скреб-л-а*; *грес-ти* — *греб-ут* — *греб-л-а*³);
- глаголы типа *печь*, *беречь*, для которых вопрос о морфемном составе форм инфинитива имеет несколько решений. В качестве суффикса инфинитива можно выделить суффикс *-чь*, при этом основа инфинитива будет отличаться и от основы прошедшего,

¹ Истинное полногласие встречается только в корневых (или приставочных) морфемах.

² Это наиболее характерно для тех глаголов, которые обозначают становление признака. Если же этот суффикс выражает значение однократности действия, то он в прошедшем времени сохраняется, соотношение основ остается стандартным и глагол относится к продуктивной разновидности: *мигну-ть* — *мигн-ут* — *мигну-ла*, *шагну-ть* — *шагн-ут* — *шагну-ла*.

³ Особый случай — глагол *рас-ти*: */ras't'i/ расти* — */rós/ рос*, но */rasl-á/ росла*, */rasl-ó/ росло*, */rasl-í/ росли*.

и от основы настоящего времени (*пе-чь — пек-ут — пек-л-а*). «С учетом данных истории языка элемент *-чь* рассматривается как результат слияния *к* и *г* с инфинитивным суффиксом *-ть*. Таким путем вводится условная инфинитивная основа типа *пек-*, *берег-*, совпадающая со вполне реальной основой прошедшего времени (точнее — с единой основой прошедшего и настоящего времени: *пек-(ут)*, *берег-(ут)*»¹. И наконец, можно выделить нулевой суффикс, что позволит говорить о наличии в основе исторического чередования /*к/* — /*č/* (*печ-о(ь) — пек-ут — пек-л-а*).

Аффиксы глагольных формативов

Глагольные флексии используются для изменения форм глагола по лицам и числам в настоящем и будущем простом времени и по родам (в единственном числе) и числам в прошедшем времени. Таким образом, глагольные флексии, как и субстантивные, отличаются синкретизмом значения.

Выбор флексии определяется типом спряжения. В русском языке выделяют два спряжения — первое и второе, эти типы различаются личными окончаниями настоящего или будущего простого времени. Но так как с точки зрения изменения по лицам и числам формы настоящего и будущего простого времени идентичны, то при описании парадигм различать их не принято.

Глаголы I спряжения имеют окончания *-у(-ю)*, *-ешь*, *-ем*, *-ете*, *-ут(-ют)*: *чита-ю*, *чита-ешь*, *чита-ет*, *чита-ем*, *чита-ете*, *чита-ют*; глаголы II спряжения — окончания *-у(-ю)*, *-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ите*, *-ат(-ят)*: *спл-ю*, *спл-ишь*, *спл-ит*, *спл-им*, *спл-ите*, *спл-ят*.

Глаголы первых четырех продуктивных классов относятся к I спряжению, глаголы пятого продуктивного класса — ко II спряжению. Все глаголы непродуктивных классов относятся к I спряжению.

Бесприставочные глаголы *хотеть*, *бежать* и *читать*, а также префиксальные глаголы, от них образованные, относятся к разноспрягаемым, так как у них одна часть личных окончаний относится к I спряжению, а другая — ко II. Глагол *хотеть* в единственном числе имеет окончания I спряжения: *хоч-у*, *хоч-ешь*, *хоч-ет*, а во множественном — окончания II спряжения: *хот-им*, *хот-ите*, *хот-ят*. Глаголы *бежать* и *читать* изменяются по II спряжению во всех формах, кроме формы 3-го лица множественного числа: *бег-у*, *бег-ишь*; *чит-у*, *чит-ишь*, а форма третьего лица множественного числа соответствует I спряжению: *бег-ут*, *чит-ут*.

¹ Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997. С. 237.

Глаголы *есть, надоесть, дать, создать* имеют в единственном числе нехарактерную для современных спряжений систему окончаний (так называемое «архаическое спряжение» — древняя система флексий): окончание *-м* — в 1-м лице (*е-м, надое-м, да-м, созда-м*), окончание *-шь* во 2-м лице (*е-шь, надое-шь, да-шь, созда-шь*) и окончание *-ст* в 3-м лице (*е-ст, надое-ст, да-ст, созда-ст*).

Изолированные глаголы *быть* и *ехать*, отличающиеся необычным видом и соотношением формообразующих основ, не имеют особенностей в наборе личных окончаний, они последовательно изменяются по I спряжению: *буд-у, буд-ешь, буд-ет, буд-ем, буд-ете, буд-ут; ед-у, ед-ешь, ед-ет, ед-ем, ед-ете, ед-ут*. От глагола *быть* в современном русском языке сохранились редко употребительные формы настоящего времени с нулевыми окончаниями: *есть* и редко употребительное *суть*.

Как и при анализе субстантивных флексий, встает вопрос об алломорфизме или синонимии флексий, используемых для передачи одинаковых значений лица и числа, что прежде всего касается форм 3-го лица множественного числа: *чита-ют* (I спряжение) и *сп-ят* (II спряжение). Если обратиться к звуковой форме парадигм первого и второго спряжения, то этот вопрос в связи с икающей нормой оказывается неактуален для всех безударных окончаний первого склонения во 2-м и 3-м лице, однако та же звуковая форма позволяет увидеть большое разнообразие алломорфов падежных окончаний, возникающих из-за позиции по отношению к ударению и разных типов финалей формообразующей основы. Во всех формах, кроме первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа, количество алломорфов в I спряжении больше, чем во II: /-iṛ̌/, /-ыṛ̌/, /-óṛ̌/ для 2-го лица единственного числа в I спряжении (/načú-iṛ̌/ *ночу-ешь*, /p'íṛ̌-ыṛ̌/ *пиш-ешь*, /žuj-óṛ̌/ *жуёшь*) и /-iṛ̌/, /-ыṛ̌/ — во II (/tóč-iṛ̌/ *точ-ишь*, /m'il'č-iṛ̌/ *мельч-ишь*, /mnóž-ыṛ̌/ *множ-ишь*, /kruṛ̌-ыṛ̌/ *круш-ишь*); /-it/, /-ic/, /-ыт/, /-ыс/, /-ót/, /-ós/ для 3-го лица единственного числа в I спряжении (/t'ir'á-it/ *теря-ет*, /razv'ázыва-ic-ca/ *развязыва-ет-ся*, /p'íṛ̌-ыт/ *пиш-ет*, /v'áž-ыс-ca/ *вяж-ет-ся*, /žuj-ót/ *жу-ёт*, /raj-ós-ca/ *по-ёт-ся*) и /-it/, /-ic/, /-ыт/, /-ыс/ — во II (/b'él'-it/ *бел-ит*, /kr'ič'-it/ *крич-ит*, /smótr'-ic-ca/ *смотр-ится*, /gna-ic-ca/ *гно-ится*, /mnóž-ыт/ *множ-ит*, /kruṛ̌-ыт/ *круш-ит*, /nadúṛ̌-ыс-ca/ *надуш-ит-ся*, /ṛ̌yluš-ыс-ca/ *шелуш-ит-ся*); /-im/, /-ым/, /-óm/ (I спряжение: /mókni-im/ *мокн-ем*, /kl'uj-óm/ *клюю-ём*, /v'áž-ым/ *вяж-ем*) и /-im/, /-ым/ (II спряжение: /smótr'-im/ *смотр-им*, /smal'-ím/ *смол-им*, /mnóž-ым/ *множ-им*, /kruṛ̌-ым/ *круш-им*, во множественном числе 1-го лица; /-it'i/, /-ыт'i/, /-ót'i/ (I спряжение: /r'isú-it'i/ *пису-ете*, /máš-ыт'i/ *маш-ете*, /b'ir'-ót'i/ *бер-ёте*) и /-it'i/, /-ыт'i/ (II спряжение: /gna-it'i/ *гно-ите*, /nadúṛ̌-ыт'i/ *надуш-ите*) во множественном числе 2-го лица.

В 3-м лице за счет чередования /a/ — /i/ у глаголов II спряжения вариантов еще больше: /-at/, /-it/, /-ac/, /-ic/ — набор окончаний II спряжения (/nadúš-at'/ *надуш-ат*, /gnaj-át/ *гно-ят*, /strój-it/ *стро-ят*, /nadúš-ac-sý/ *надуш-ат-ся*, /gnaj-ác-ca/ *гно-ят-ся*, /stró-ic-ca/ *стро-ят-ся*) и /-ut/, /-uc/ — первого (/načúj-ut/ *ночу-ют*, /s't'ir'ig-út/ *стерег-ют*, /rastr'épl'-uc-ca/ *растрепл-ют-ся*, /razb'ig-úc-ca/ *разбег-ют-ся*).

Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения имеют флексии, передающие значения рода и числа, подобные флексиям кратких прилагательных и причастий, которые тоже выполняют предикативные функции. Эти флексии указывают на то, что процессуальный признак, названный глаголом, в единственном числе относится к существительному мужского рода (нулевое окончание: *читал-ø*); к существительному женского рода или лицу женского пола (окончание *a*: *читал-a*); существительному среднего рода (окончание *o*: *читал-o*); или ряду лиц или предметов, названных существительным (окончание *i*: *читал-i*). Окончание *o* в формах прошедшего времени безличных глаголов и личных глаголов в безличном употреблении не связано с морфологическим родом и служит показателем безличности (*знобил-o*). В этом случае следует говорить о появлении морфемы со значением безличности, омонимичной морфеме *-o* со значением среднего рода единственного числа.

Отдельную проблему составляет трактовка показателей инфинитива *-ть/-ти*, как и спорного сегмента *-чь*, который обсуждался в предшествующем разделе. В последней академической грамматике и ряде учебных пособий эти показатели называют «флексией (или окончанием) инфинитива». Такой подход связан с традиционным для русистики определением основы как части слова без окончания. Поскольку показатель инфинитива не входит в основу, то рассматривается как флексия. Однако в более точной формулировке основа — это часть слова без словоизменяемых морфем, а следовательно показатель инфинитива является суффиксом, а не флексией. К тому же флексии обладают рядом свойств (прежде всего синкретичностью значения), которым не обладают инфинитивные *-ть/-ти* и *-чь*.

Основной вид показателя инфинитива — вариант *-ть*, следующий за конечной гласной основы; ср.: *уме-ть*, *люби-ть*, *моло-ть*, *ду-ть*. Этот же вариант показателя инфинитива представлен и в некоторых глаголах с основой инфинитива на согласные *с* и *з*; ср.: *ес-ть*, *лез-ть*, *сес-ть*. В остальных глаголах с основой инфинитива на согласный выступает ударный вариант *-ти*; ср.: *нес-ти*, *мес-ти*, *рас-ти*, *цвес-ти* и т. п.

Аналогичная дискуссия связана с показателем страдательного залога у глаголов несовершенного вида *-ся* (например, *открывать-ся* — форма пассива для *открывать*). Этот сегмент тоже может рассматриваться как залоговое окончание, причем на более серьезных основаниях, так как залог относится к словоизменительным категориям. Однако если вернуться к определению флексии как аффикса с кумулятивным значением, участвующего в согласовательных процессах, *-ся* в формах глагола невозможно рассматривать как окончание.

В ряде случаев анализ осложняется словообразовательными возможностями этого аффикса, используемого также для образования новых глаголов с возвратным значением (*умывать* → *умывать-ся*). В некоторых случаях трудно различить возвратные глаголы действительного залога и формы страдательного залога невозвратных глаголов. Например, в предложении *Мост разводится* глагол *разводится* можно понимать и как процессуальный признак субъекта (свойство моста), и как форму страдательного залога, обозначающую действие, которое осуществляется над объектом (мостом). Ср.: *Этот мост теперь разводится* и *Мост разводится на два часа*. Интересно, что в последнем примере словообразовательное значение развивается на основе форм страдательного залога, хотя классические возвратные глаголы образованы от действительных форм, а *-ся* в них представляет собой энклитическую форму винительного падежа возвратного местоимения *себя*.

При образовании страдательного залога в некоторых случаях *-ся* присоединяется к глаголам совершенного вида, и в этих случаях обычно возникают дополнительные модальные значения (случайности, неожиданной удачи, неконтролируемости действия и т. п.): *Спасатели надеются, что самолет **найдется*** (вместо *Спасатели надеются, что самолет будет найден*).

Особенностью этого суффикса является его расположение в форме — после всех остальных суффиксов и флексий (*читаться, читаясь, читайся, читаются* и т. д.), в связи с чем этот суффикс часто называют постфиксом. Только страдательные причастия образуются с помощью особых основообразующих суффиксов, которые рассматривались в предшествующем разделе (например, страдательные причастия для глагола *читать* образуются от парциальных основ с суффиксами *-ем-* и *-нн-* *читаем-* и *читанн-*). Однако причастия страдательного залога могут быть образованы также с помощью причастных основ действительного залога и суффикса *-ся*. Например, *читающий-ся, читавший-ся* (образованы с помощью «действительных» суффиксов и «страдательного» суффикса *-ся*). При сравнении вариативных форм страдательных причастий настоящего времени типа *читаемый, читанный* и *читающийся, чи-*

тавший обращает на себе внимание то, что в причастиях без *-ся* значения настоящего времени и страдательного залога совмещены в одной морфеме, а в причастиях на *-ся* эти значения выражаются раздельно.

Как и в случае с другими формами на *-ся*, следует различать причастия страдательного залога и действительные причастия от возвратных глаголов. Ср., например: *Сломан разводившийся много лет мост* (причастие действительного залога от возвратного глагола) и *По мосту, разводившемся на несколько часов, возобновлено движение* (причастие страдательного залога).

Изложенная выше логика квалификации формообразующих аффиксов, не входящих в парциальную основу, распространяется и на образование синтетических форм повелительного наклонения. Показатели форм 2-го лица и форм совместного действия тоже рассматриваются некоторыми учеными и последней академической грамматикой как флексии, что не соответствует пониманию противопоставления свойств суффиксов и окончаний в русском языке. Императивный показатель правильнее считать его суффиксом, аналогичным показателям прошедшего времени, причастий, деепричастий и инфинитива.

Формы 2-го лица повелительного наклонения образуются при помощи суффикса *-и* и нулевого суффикса. Ударный суффикс *-и* присоединяется к безударным основам (*смотр-и́, пек-и́, напо-и́*) и к ударным основам, оканчивающимся на сочетание согласных (*кóнч-и, пры́гн-и*) и включающим в свой состав ударный префикс *вы-* (*в́ынес-и, в́ыкуп-и*). Нулевой суффикс присоединяется к остальным ударным основам (*читáй-ø, кинь-ø*).

Аффикс множественного числа повелительного наклонения является самой необычной из формообразующих морфем. В отличие от показателей инфинитива, залога и императива 2-го лица он может принимать участие в согласовании по числу с подлежащим в тех случаях, когда в предложении с императивом 2-го лица употребляется подлежащее (например, *Вот об этом вы и расскажите*). Если принять во внимание примеры такого рода и допустить участие *-те* в изменении по числу, придется признать существование нулевого показателя числа в формах без *-те*, тем более что подлежащее-местоимение в единственном числе тоже допускается (например, *Вот об этом ты и расскажи*). Оставив в стороне вопрос о целесообразности приписывания двух нулевых окончаний с разными значениями в формах типа *читай-ø*, рассмотрим вопрос о возможности приписывания показателям числа в синтетических формах императива статуса флексии. При решении этого вопроса придется учитывать, что в отличие от других русских флексий,

кумулятивно выражающих сразу несколько морфологических значений, аффикс *-те*, как и гипотетический нулевой суффикс, выражает только одно значение — значение числа, поэтому должен рассматриваться как суффикс. Уникальность этого суффикса для формообразовательной системы русского языка связана с агглютинативным способом его соединения с предшествующей морфемой. А. М. Пешковский давал ему следующую характеристику: «это не обычный для русского языка аффикс, а скорее „надставка“ агглютинативного типа»¹. Именно спецификой соединения морфем объясняется способность *-те* присоединяться к другим формам повелительного наклонения (*пойдём-те*), частицам (*давай-те пойдём*) и императивным междометиям (*полно-те, на-те*). Р. Якобсон первым отметил, что в этих формах «агглютинация выражается также и фонологически: <...> на стыке морфем в повелительном наклонении группа *t'+s* не изменяется. Напротив, в других глагольных формах группа *t/t'+s* превратилась в *s* с долгой смычкой. Ср. повелительное наклонение */zabut'sa/* ('забудься') — инфинитив */abutca/* ('обуться'), 3-е лицо множественного числа настоящего времени */skr'ibutca/* ('скребутся'); повелительное наклонение */v'it'sa/* ('виться') — инфинитив */v'itca/* ('виться'); повелительное наклонение */p'at'sa/* ('пяться') — 3-е лицо множественного числа настоящего времени */talp'atca/* ('толпятся')»².

При образовании форм совместного действия сегмент *-ем*, являющийся по происхождению окончанием изъявительного наклонения, в дополнение к значениям лица и числа приобретает императивное значение (например, *Вася, пойд-ем домой!*). Вариантные императивные формы совместного действия с суффиксом *-те* тоже образуются агглютинативно, формы типа *пойд-ем-те, возъм-ем-те* включают две формообразовательные морфемы, каждая из которых передает значение числа, что представляет собой уникальное явление в морфологической системе индоевропейских языков, на что обратил внимание еще Л. А. Булаховский³. Морфема *-ем* обладает необычным для современного русского языка значением двойственного числа (это совместное действие говорящего и собеседника), а сочетание морфем *-ем* и *-те* — значение множественного числа, о чем писал уже Ф. И. Буслаев⁴. Употребление в разговорной речи формы на *-ем* со значением множественного числа (*Эй, ребята, ну-ка спля-*

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 19.

² Якобсон Р. О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 210—221.

³ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка (исторический комментарий). Киев, 1953. С. 205.

⁴ Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 2. М., 1858. С. 186.

шем, / *Чтоб нас дедушка узнал!*) и форм на *-емте* не меняет сущности основной числовой оппозиции в формах совместного действия.

Формообразующие глагольные аффиксы *-те*, *-ся/-сь* также могут рассматриваться как постфиксы. Так, например, они определяются в последней академической грамматике на том основании, что располагаются после флексий, к которым, по определению этой же грамматики, относятся инфинитивные показатели и показатели императива 2-го лица единственного числа. Если эти показатели рассматривать как суффиксы, то позиция после флексии перестает быть общим основанием для выделения этих морфем как суффиксов особого рода, находящихся не после корня или другого суффикса, а после флексии, поэтому особого смысла в выделении отдельной группы глагольных постфиксов нет.

Дополнительные средства образования форм глаголов

Перенос ударения как средство выражения морфологического значения в формах глагола используется редко, так как в целом глагольное ударение отличается неподвижностью. Существует несколько акцентных типов, характеризующих образование неатрибутивных форм глагола, в которых реализуются следующие возможности расположения ударения:

- в инфинитиве и во всех изменяемых формах ударение на одном и том же слоге основы (*гуля-ть*, *гуля/ĵ-у/*, *гуля-ешь*, *гуля/ĵ-у/т*; *гуляй-ѳ*; *гуля-л-ѳ*, *гуля-ла*, *гуля-ло*, *гуля-ли*);
- в инфинитиве и в прошедшем времени ударение на последнем слоге основы, в настоящем/будущем времени и в повелительном наклонении — на флексии (*верн-у*, *верн-ѳшь*, *верн-ут*, *верн-и*, *верну-л-ѳ*, *верну-ла*, *верну-ло*, *верну-ли*);
- в инфинитиве и в прошедшем времени ударение на последнем слоге основы, в настоящем/будущем времени — на флексии в 1-м лице единственного числа и на основе в остальных формах; в повелительном наклонении ударение на флексии (*тян-у*; *тян-ешь*, *тян-ут*, *тян-и*, *тяну-л-ѳ*, *тяну-ла*, *тяну-ло*, *тяну-ли*);
- в инфинитиве ударение на суффиксе, во всех изменяемых формах ударение на флексии (кроме форм с нулевой флексией) (*нес-ти*, *нес-у*, *нес-ѳшь*, *нес-ут*, *нес-и*, *нёс-ѳ*, *нес-ла*, *нес-ло*, *нес-ли*).

Все глаголы на *-чь* и некоторые другие глаголы в инфинитиве имеют ударение, отличающееся от ударения в формах прошедшего времени, ср.: *нёчь*, но *пек-ла́*; *нача́-ть*, *нача-ла́*. Ряд глаголов характеризуется подвижным ударением (например, изолированный глагол *хотеть*: *хоч-у*, *хоч-ешь*, *хоч-ет*, *хот-им*, *хот-ите*, *хот-ят*; *хоте-л*, *хоте-ла*, *хоте-ло*, *хоте-ли*), однако такой роли, как в субстантивном словоизменении, эти переносы в глагольном формо-

образовании не имеют и не могут использоваться как самостоятельное средство выражения морфологического значения (ср.: роль ударения при выражении числового значения в существительных типа *дóм-а — дом-á*).

В атрибутивных формах глагола ударение также не используется как морфологическое средство (причастия распределяются по акцентным типам прилагательных, ударение в деепричастиях сохраняется как в формообразующей основе).

Чередования фонем, прежде всего согласных, в отличие от переносов ударения, активно участвуют в глагольном формообразовании. Живые чередования гласных возникают при подвижности ударения (например, чередование /o/ — /a/ в основе настоящего времени: /lavl' -ú/ *ловл-ю* — /l'óv' -iř/ *лов-ишь*; чередование /e/ — /i/ (/d'égř-ыř /*держ-ишь*/ — /d'igř-ú/ *держ-у*)), согласные чередуются перед флексиями (например, чередования парных твердых и мягких в основе настоящего времени /n'is-ú/ *нес-у* — /nos' -át/ *нос-ят*, /id-ú/ *ид-у* — /id' -óř/ *ид-ёшь*). Однако более значимыми для глагольного формообразования являются чередования исторические.

Исторические чередования могут использоваться как дополнительное средство:

- маркирования противопоставления основ настоящего/будущего и прошедшего времени ряда глаголов с помощью:
чередования согласных (*паш-ут — паха-ла; вязж-ут — вяза-ла; плач-ут — плака-ла; колебл-ют — колеба-ла, ищ-ут — иска-ла, пиш-ут — писала*);
чередования гласных с нулем звука (*бер-ут — бра-ла; умр-ут — умер-ла*);
чередования разных гласных (*сяд-ут — се-ла; мел-ют — мо-ло-ла*).
- образования форм лица и числа настоящего/будущего времени некоторых глаголов (чередования согласных) (*крут-ят — круч-у, освет-ят — освещ-у, ход-ят — хож-у, нос-ят — нош-у, воз-ят — возж-у; прост-ят — прощ-у, бороздят — борозжж-у; куп-ят — купл-ю, люб-ят — любл-ю, лом-ят — ломл-ю, лов-ят — ловл-ю, граф-ят — графл-ю*). Исторические чередования в глагольных формах настоящего времени очень распространены и регулярны, что позволяет рассматривать их как один из важных системообразующих факторов в парадигматике русского глагола¹.
- образования парциальных основ некоторых страдательных причастий (чередования согласных) (*испек-ла → испеч-ённый, поберег-ла → побережж-ённый*);

¹ Их также называют «стандартными чередованиями согласных» (Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980. С. 77—78).

- образования парциальных основ депричастий несовершенного вида с основой на заднеязычный (*толк-ут* → *толч-а*).

Исторические чередования в глагольных формах настоящего времени очень распространены и регулярны, что позволяет рассматривать их как один из важных системообразующих факторов формообразования русского глагола¹, отличающий глагольное формообразование от субстантивного, в процессе которого исторические изменения согласных основы хоть и возможны, но не типичны.

Образование некоторых парциальных глагольных основ невозможно без чередования твердых и мягких согласных, являющихся в этих случаях крайне важным морфологическим средством. При образовании деепричастий на *-а(-я)* парно-твердые согласные финалы основы чередуются с соответствующими мягкими: *бер-ут* → *бер-я*, *вед-ут* → *вед-я*, *вез-ут* → *вез-я*, *греб-ут* → *греб-я*, *мет-ут* → *мет-я*, *нес-ут* → *нес-я* и т. д. Еще ярче формообразовательная роль чередования твердых и мягких при образовании парциальной основы императива от ударных основ настоящего/будущего времени, оканчивающихся на парно-твердый согласный. В таких формах чередование твердых и мягких происходит регулярно и при нулевом окончании оказывается единственным материально выраженным показателем морфологического значения (например, *кин-ут* → *кинь*, *буд-ут* → *будь*, *встан-ут* → *встань*). Примеры такого рода наиболее наглядно демонстрируют суть явления, которое Ю. С. Маслов предлагал описывать через термин «морфемы-операции»². В русистике этот термин не принят, поэтому в этих случаях показатель императива считается нулевым в противоположность четко выделяемому показателю *-и* в формах типа *пиш-и*.

ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, МЕСТОИМЕНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОСТЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Подробный анализ формообразования существительных и глаголов в русском языке, которому были посвящены предшествующие разделы, позволил продемонстрировать особенности системы на примере двух главных противопоставленных друг другу классов слов. В этом разделе будут рассмотрены основные особенности формообразования других изменяемых частей речи.

¹ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980. С. 77—78.

² Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1977.

Формообразование прилагательных

Особенности формообразования объединяют собственно прилагательные (*красив-ый, больш-ой, желез-ный, столов-ый* и т. п.), местоименные прилагательные (*друг-ой, как-ой, тв-ой, котор-ый* и т. п.), порядковые числительные (*втор-ой, пят-ый* и т. п.), причастия настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залогов (*любящ-ий, читавш-ий, гоним-ый, сделан-ный, пережит-ой*). Формообразовательная основа непроемных адъективных слов совпадает с корнем (например, *син-ий*) или включает словообразовательные суффиксы (например, *желез-н-ый*), у причастий в основе содержатся формообразующие суффиксы. **Формативы** — это флексии, выражающие одновременно морфологические значения рода, числа и падежа, а во множественном числе — значение числа и падежа. Формативы прилагательных, в отличие от формативов существительных, не выражают никаких самостоятельных морфологических значений, кроме общего значения согласуемого слова. Именно с этим связана ограниченность состава адъективных флексий и унифицированность всех средств выражения морфологических значений в парадигме прилагательных.

Склонение прилагательных характеризуется неподвижностью ударения, вид флексии зависит от ее ударности/безударности. В именительном падеже мужского рода единственного числа ударная флексия — *-ой*, безударная — *-ый/-ий* (в зависимости от конечного гласного основы). Ударные и безударные адъективные окончания являются алломорфами. Как отметил А. Н. Гвоздев, написание *-ый/-ий* в безударных окончаниях прилагательных отражает «обычное произношение редуцированного на месте ударного *о* в заударном положении»¹. Большая часть прилагательных имеет ударение на основе, для причастий ударность флексии — явление редкое, к тому же во всех случаях имеются варианты формы с безударной флексией (например, *начат-ый* и *начат-ой*). Прилагательные мужского и среднего рода единственного числа, а также множественного числа имеют особые флексии во всех падежах, кроме винительного, формы которого омонимичны либо именительному, либо родительному падежу. У прилагательных с ударной основой на мягкий или непарный твердый шипящий совпадают по звучанию формы творительного и предложного падежа: ср. *син-им* /s'in'-im/, *свеж-им* /sv'éž-ym/ (творительный падеж) и *син-ем* /s'in'-im/, *свеж-ем* /sv'éž-ym/

¹ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1967. С. 240.

(предложный падеж). В женском роде только винительный падеж имеет особое окончание, тогда как флексии всех косвенных падежей совпадают. У форм творительного падежа в поэтической речи встречается и вариант *-ою*, *-ею*, ср.: *Выдь на Волгу: чей стон раздается / Над великою русской рекой?* (Н. Некрасов) и *Ценности, утверждаемые великой литературой, никак не зависят от нашего мнения о них* (из газет).

При формообразовании притяжательных прилагательных используются и адъективные окончания полных прилагательных, и окончания, характерные для существительных, в связи с чем этот тип склонения также называется **смешанным**. У притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов* типа *отцов* окончания именительного и (неодушевленного) винительного падежей омонимичны субстантивному, а у прилагательных мужского и среднего рода омонимичны субстантивному также окончания родительного и дательного падежей; остальные окончания у этих прилагательных — собственно адъективные (*отцов-ø* (дом), *отцов-о* (лицо), *отцов-а* (рука), *отцов-ы* (шаги), *отцов-а* (дома, лица), *отцов-ой* (руки), *отцов-ых* (шагов), *отцов-у*, (дому, лицу), *отцов-ой* (руке), *отцов-ым* (шагам), *отцов-у* (руку), *отцов-ым* (домом, лицом), *отцов-ой* (рукой), *отцов-ыми* (шагами), *отцов-ом* (дом-е, лиц-е), *отцов-ой* (руке), *отцов-ых* (шагах)).

Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ий* — */-j-/* типа *лис-ий* имеют флексии, омонимичные субстантивному, только в именительном и (неодушевленном) винительном падежах: *лис-ий* /l'is'-ij-ø/, *лись-я* /l'is'-j-i/, *лись-е* /l'is'-j-i/, *лись-и* /l'is'-j-i/. Остальные падежные флексии являются адъективными: *лись-его*, *лись-ему*, *лись-им*, *лись-ем* и т. п.

Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин* типа *папин* могут склоняться так же, как притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов*, то есть иметь в формах родительного и дательного падежей мужского и среднего рода окончания, омонимичные субстантивному: *Поставила кашу по старому бабушкину рецепту в подушки настаиваться* (разговорная речь); ...*Струйки сметаны с бабушкина ломтя стекали на живот и холодили* (П. Бажов). В современной речи в этих формах используются преимущественно адъективные флексии: *Постепенно все собираются к бабушкиному столу* (Б. Окуджава); *Ну, птицы! Проводите вы меня до бабушкиного дома?* (Е. Шварц).

Полные и краткие формы качественных прилагательных практически всегда образуются от одной и той же формообразующей основы (*красив-ый* — *красив-ø*, *бел-ый* — *бел-ø*), флексии кратких форм в единственном числе выражают два значения: рода и числа, а во множественном числе — только значение числа. Краткие фор-

мы прилагательных в именительном падеже единственного и множественного числа имеют флексии, омонимичные субстантивному: форма мужского рода имеет нулевую флексию, форма среднего рода — флексию *-o/-e*, форма женского рода — флексию *-a/-я*; формы множественного числа — флексию *-и/-ы*: *бел-ø*, *бел-о*, *бел-а*, *бел-ы*.

В формообразующих основах кратких форм с суффиксами *-н* и *-к* происходят исторические чередования гласных *-е* или *-о* в суффиксе форм мужского рода единственного числа с нулем звука в других формах: *горек-ø*, *горьк-а*, *горьк-а*, *горьк-и*; *легок-ø*, *легк-а*, *легк-о*, *легк-и*. В результате появляются алломорфы суффикса: *-н* и *-ен*. При образовании кратких форм мужского рода прилагательных с суффиксом *-енн* тоже возникает алломорфизм. Традиционный вид этих кратких основ предполагает усечение второго согласного суффикса в мужском роде единственного числа: *болезнен*, *легкомыслен*. В современной речи в этих формах допускается использование алломорфа суффикса *-енн* со вставкой между двумя *н* гласного *е*, что ведет к появлению вариантных форм мужского рода: *болезнен-ø* и *болезненен-ø*, *легкомыслен-ø* и *легкомысленен-ø*.

Как уже говорилось, ударение в полных формах в основном характеризуется неподвижностью и единообразием. Краткие прилагательные с многосложными основами обычно сохраняют ударение полных форм, ср.: *правдѝв-ый* — *правдѝв-ø*, *правдѝв-а*, *правдѝв-о*, *правдѝв-ы*. При двусложных и односложных формообразующих основах ударение в кратких и полных формах отличается. Наиболее распространены краткие прилагательные с ударением на флексии женского рода при сохранении ударения на основе во всех остальных формах, например: *цѣлѝй* — *цѣл-ø*, *цел-á*, *цѣл-о*, *цѣл-ы*. Также распространены типы с ударением либо на флексии, либо на основе во всех кратких формах (кроме формы с нулевым окончанием): *умнѝй* — *умѣн-ø*, *умн-á*, *умн-ó*, *умн-ы*; *красѝв-ый* — *красѝв-ø*, *красѝв-á*, *красѝв-о*, *красѝв-ы*.

Синтетические формы сравнительной степени, за незначительным исключением, являются неизменяемыми, их основы образуются с помощью суффиксальных алломорфов *-еe/-ей*, *-е* и *-ше*. Самыми распространенными являются формы с *-еe/-ей*: *светл-еe*, *остр-еe* и т. п. Алломорф *-е* присоединяется к основам на заднеязычный согласный и к некоторым непроизводным основам на *-т*, *-д*, вызывая чередование конечного согласного или сочетания *-ст* основы положительной степени с шипящими в основе компаратива: *легк-ий* — *легч-е*, *дорог-ой* — *дорож-е*, *тих-ий* — *тиш-е*, *сух-ой* — *суш-е*, *богат-ый* — *богач-е*, *тверд-ый* — *тверж-е*, *густ-ой* — *гуш-е* и др.

Суффикс *-ше* представлен только в нескольких прилагательных: *тонкий — тоньше, ранний — раньше*.

Ударение как морфологическое средство при образовании форм компаратива не используется, однако в ряде случаев существует связь между ударением в компаративе и ударением в краткой форме прилагательного: если ударение в краткой форме женского рода падает на флексии, то в сравнительной степени оно располагается на формообразующем суффиксе: *добр-á — добр-ée, жив-á — жив-ée, стройн-á — стройн-ée*; если же ударение в женском роде стоит на основе, то и в сравнительной степени оно сохраняется на основе: *красív-а — красív-ее, протівн-а — протівн-ее*.

Формообразование местоимений-существительных

Современная грамматика рассматривает местоимение как самостоятельную часть речи, хотя в процессе становления традиций отечественного языкознания высказывались и другие точки зрения — прежде всего представителями формально-грамматического направления, по мнению которых сходно оформленные группировки местоименных слов распределены по другим частям речи и могут относиться к существительным, прилагательным, числительным и наречиям. На данный момент принят несколько иной подход к этой части речи: местоименные прилагательные, числительные и наречия рассматривают в рамках соответствующих частей речи, а в эту категорию включают только слова с признаками существительных, выделяя местоимения-существительные как самостоятельную часть речи.

Местоимения-существительные составляют ограниченную неполняющуюся группу слов, указывающих на предмет в грамматическом смысле этого слова. Местоимения-существительные делятся на три группы: личные местоимения (*я, ты, мы, вы, он (она, оно, они)*); возвратное местоимение *себя*; местоимения *кто, что*; и образованные на их основе (*кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что, некто, нечто, никто, ничто, некого, нечего*).

Наиболее четко специфика местоименного значения в русистике была впервые определена А. М. Пешковским, который писал, что «местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) <...> обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит. <...> Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, что у них и основное значение — формальное и добавоч-

ное — формальное. Получается, так сказать, „форма на форме“¹. У личных местоимений грамматичность корня связана с выражением значения лица, что находит свое подтверждение в своеобразии выражения личного значения форм глагола в прошедшем времени и сослагательном наклонении, где это значение выражено местоимением, а не аффиксально (ср.: лицо в изъявительном наклонении определяется по флексиям, в повелительном — по суффиксам: *чита-ю*, *чита-ешь*, *чита-ет*, *чита-ем*, *чита-ете*, *чита-ют*; *читай-ø*, *читай-ø-те*; лицо в прошедшем времени и сослагательном наклонении определяется по местоимениям или по существительным, которые, не обладая данной категорией, уподобляются в этом отношении местоимениям 3-го лица).

Анализ формы личных местоимений-существительных позволяет выявить очередной парадокс — морфемная структура этих явным образом изменяемых слов настолько неочевидна, что существует даже мнение, согласно которому косвенные падежно-числовые формы местоимения 3-го лица (*его*, *ему*, *им*; *ее*, *ей*, *ей(ю)*; *их*, *им*, *ими*) следует рассматривать в современном языке как самостоятельно функционирующие флексии, что не только противоречит базовым для языкознания определениям морфемы и слова, но и представляется несовместимым с изложенной выше и вполне обоснованной трактовкой местоименных слов как единиц, отличающихся спецификой именно корневой семантики.

Между тем, если обратиться к фонемному составу форм личных местоимений, то вопрос об их структурной организации окажется вполне решаемым или, по крайней мере, допускающим определенное решение.

По семантике личные местоимения неоднородны: собственно личные местоимения 1-го и 2-го лица противопоставляются в русском языке несобственно личным местоимениям 3-го лица, являющимся по происхождению контаминацией указательных местоимений и сохраняющими до определенной степени это значение в современном языке. Это деление поддерживается также формальной организацией личных местоимений — как набором падежных окончаний, так и спецификой основ, что отражено в приведенных ниже таблицах.

В таблице 2 представлен образец склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица. Следует отметить, что существует иной принцип деления личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа на основу и флексию в косвенных падежах: *на-с*, *ва-с* в родительном и винительном падежах; *на-м*, *ва-м* — в дательном;

¹ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 163.

на-ми, ва-ми — в творительном; *на-с, ва-с* — в предложном¹. Однако консонантные окончания нехарактерны для имен, к тому же членение, представленное в таблице, демонстрирует определенное единство местоимений *я, ты* и *мы, вы*, при склонении которых в большинстве падежей используются продуктивные флексии субстантивного склонения. Отличительной особенностью склонения личных местоимений при таком подходе оказываются нулевая флексия в именительном падеже и флексия */-a/* в родительном и винительном падеже для местоимений *я, ты*, а также флексия */-as/*, характерная только для словоизменения личных местоимений множественного числа.

Таблица 2. Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица

	Личные местоимения 1-го и 2-го лица			
И.	я /j-á/	ты-ø /tʲib'-ø/	м-ы /m-ы'/	в-ы /v-ы'/
Р.	мен-я /m'in'-á/	теб-я /t'ib'-á/	н-ас /n-ás/	в-ас /v-ás/
Д.	мн-е /mn'-é/	теб-е /t'ib'-é/	н-ам /n-ám/	в-ам /v-ám/
В.	мен-я /m'in'-á/	теб-я /t'ib'-á/	н-ас /n-ás/	в-ас /v-ás/
Тв.	мн-ой (мн-ою) /mn-ój/ (/mn-óju/)	тоб-ой (тоб-ою) /tab-ój/ (/tab-óju/)	н-ами /n-ámi/	в-ами /v-ámi/
Пр.	мн-е /mn'-é/	теб-е /t'ib'-é/	н-ас /n-ás/	в-ас /v-ás/

Таблица 3. Склонение личного местоимения 3-го лица

	Личное местоимение 3-го лица		
	единственное число		множественное число
И.	он-ø, он-о /ón-ø/, /an-ó/	он-а /an-á/	он-и /n'-í/
Р.	его /j-ivó/	еѐ /j-ijó/	их /ø-íx/

¹ См., например, учебник Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова «Современный русский язык» (ч. II. М., 1981, с. 151).

	Личное местоимение 3-го лица		
	единственное число		множественное число
Д.	ему /j-ímú/	ей /j-éj/	им /ø-ím/
В.	его /j-ivó/	её /j-ijó/	их /ø-íx/
Тв.	им /ø-ím/	ей (ею) /j-éj/(/j-éju/)	ими /ø-ím'í/
Пр.	нем /n'-óm/	ней /n'-éj/	них /n'-íx/

Местоимение 3-го лица *он* (*он, она, оно, они*) изменяется по смешанному склонению (парадигма представлена в табл. 3), в котором используются падежные флексии существительных и прилагательных. Супплетивизм основ при склонении этого местоимения связан с происхождением падежных форм от разных слов: основа именительного падежа восходит к указательному местоимению *онъ* ('тот, оный'), а основа косвенных падежей — к формам другого указательного местоимения, именительный падеж которого полностью утрачен современным языком как самостоятельная форма. На основе слияния этих указательных местоимений с краткими прилагательными образовались современные полные прилагательные, в формах которых сохранились следы древних местоимений. В именительном падеже основой, совпадающей с корнем, является *он-*, а в косвенных — /j-/, который реализуется не во всех формах, в связи с чем его иногда называют этимологическим. Логика синхронического анализа языка требует определения подобной основы как нулевой, что вступает в некоторое противоречие с определением корня в качестве основного носителя лексического значения слова, подтверждая, с другой стороны, предложенное определение местоимений как слов, имеющих не лексическое, а грамматическое значение корня. Существование же нулевых аффиксов, для которых грамматическое значение является основным, относится к фактам практически общепризнанным. Кроме того, возможность существования нулевых корней подтверждается столь же общепризнанным примером наличия нулевого корня в глаголе *вынуть*.

Еще одной особенностью склонения местоимения *он* является замена начальной фонемы /j-/ на фонему /n'/ (/j-ímu/ *ему*, но /k-n'-ímu/ *к нему*) или добавление фонемы /n'/ (/ím/ *им*, но

/k-n'-ím/ к ним), которое происходит в сочетаниях местоимений с предлогами. Эти формы называются **припредложными**, первоначально они возникли в сочетаниях местоимений с предлогами *в, с, к*, которые оканчивались на носовой согласный (*вѣн, сѣн, кѣн*). В дальнейшем конечный согласный предлога стал восприниматься как начальное /n'/ местоимений. По аналогии с этими сочетаниями начальное /n'/ появилось и после других первообразных и некоторых производных предлогов: *у него, перед ним, сквозь него* и проч. Припредложная форма *ней* с предлогами *от* и *у* (вместо нормативной *неё*) характерна для просторечия. Эта же форма возможна в литературном языке в поэтической речи: *Красивые, ровные зубы, / Что крупные перлы у ней* (Н. Некрасов).

Таким образом, фонемный состав основ личных местоимений оказывается специфическим именно для этой группы слов, а полученный состав флексий демонстрирует принадлежность этих местоимений к именам.

Грамматичность корневого значения свойственна и другим местоимениям-существительным. Как отметил В. Б. Евтюхин¹, именно этим обстоятельством можно обосновать широко применяемую в языковой практике процедуру местоименных вопросов и местоименной субституции (подстановки местоименного слова вместо неместоименного слова или группы слов). Местоимения *кто, что* и образованные от них неопределенные и отрицательные местоимения содержат индоевропейские местоименные корни. В состав формообразующей основы входит лишь корень, обладающий не только местоименным значением, но и значением одушевленности (*кт-*) или неодушевленности (*чт-*). Флексии с падежным значением (см. табл. 4) у местоимений *кто* и *что* в каждой падежной форме являются алломорфами, возникновение которых связано с фонетическими причинами (финальным согласным основы и местом ударения).

Таблица 4. **Склонение местоимений кто и что**

	кто	что
И.	<i>кт-о</i> /któ/	<i>чт-о</i> /štó/
Р.	<i>к-ого</i> /kavó/	<i>ч-его</i> /čivó/
Д.	<i>к-ому</i> /kamú/	<i>ч-ему</i> /čimú/

¹ *Богданов С. И.* и др. Морфология современного русского языка. СПб., 2009. С. 249.

	кто	что
В.	<i>к-ого</i> /kavó/	<i>что-о</i> /štó/
Тв.	<i>к-ем</i> /k'ém/	<i>ч-ем</i> /čém/
Пр.	<i>о ком</i> /kóm/	<i>о чём</i> /čóm/

Образование отрицательных и неопределенных местоимений связано со словообразовательными процессами, которые будут рассмотрены в разделе, посвященном словообразованию отдельных частей речи.

Формообразование количественных и собирательных числительных

При образовании форм числительных используется несколько наборов падежных окончаний, для описания типов нумеративного склонения разными авторами выделяется от 11 до 17 типов. В отличие от флексий других имен, нумеративные флексии обладают только одним значением — падежным. Исключение составляют числительные *дв-а* (*дв-е*) и *об-а* (*об-е*), у которых в окончаниях объединяется значение падежа и рода.

Общей чертой склонения многих числительных является использование флексий, омонимичных флексиям других имен. Так, например, числительные *два* (*две*), *три*, *четыре* (в прошлом — прилагательные) при изменении по падежам приобретают черты склонения адъективного склонения во множественном числе (ср.: *дв-ух*, *тр-ём* — *красн-ых*, *красн-ым*). Группа числительных от *пять* до *десять* и все числительные на *-дцать* и *-десят* имеют флексии, омонимичные флексиям существительных третьего склонения (ср.: *кость-ѳ*, *кость-и*, *кость-ѳ*, *кость-ю*, (о) *кость-и* и *пять-ѳ*, *пят-и*, *пят-и*, *пять-ѳ*, *пять-ю*, (о) *пят-и*; *пятнадцат-и*, *пятнадцат-и*, *пятнадцат-ѳ*, *пятнадцат-ю*, (о) *пятнадцат-и*; *пятьдесят-ѳ*, *пятидесят-и*, *пятидесят-и*, *пятидесят-ѳ*, *пятидесят-ю*, (о) *пятидесят-и*). Числительные, обозначающие сотни (*двести*, *триста*, *четыреста* и числительные на *-сот*), образуют падежные формы с помощью флексий, омонимичных флексиям существительных I склонения множественного числа. Существуют также особенности, характерные только для формообразования числительных. Например, числительные *сорок*, *девяносто*, *сто* для изменения по падежам

используют всего две формы: одна для именительного, другая — для всех косвенных падежей (*сорок-ø — сорок-а, ст-ø — ст-а, девяност-ø — девяност-а*). Для творительного падежа числительного *четыре* используется уникальная флексия *-мя* (*четырь-мя*). Однако самой яркой особенностью формообразования числительных является так называемое двойное склонение, то есть склонение обеих составных частей слова (*семь-ø-десять-ø, сем-и-десять-и, семь-ю-десять-ю*), которое ни в каких других частях речи не встречается.

Слова *восемь* и *восемьдесят* в формах творительного падежа имеют варианты формообразовательные основы: *восьмь-ю, восьмь-ю-десять-ю* (разговорные) и *восемь-ю, восемь-ю-десять-ю* (общеупотребительные). Для числительных на *-десять* варианты основы в формах творительного падежа типа *пят-и-десять-ю, шест-и-десять-ю* вместо *пять-ю-десять-ю, шесть-ю-десять-ю*, свойственных устной речи, на письме недопустимы.

Числительное *оба* (*обе*) образует падежные формы от разных основ в формах косвенных падежей для мужского и среднего рода (*обо-их, обо-им* и т. д.) и для женского рода (*обе-их, обе-им* и т. д.).

Ударение в числительных является неподвижным и падает либо всегда на один и тот же слог основы (например, *одíннадцать-ø, одíннадцат-и* и т. д.), либо на флексию (*тр-í, тр-èх* и т. д.). Исключения составляют числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* и *полтора, полторы, полтора́ста*, в косвенных падежах которых ударение перемещается.

Раздел 5

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ЭТАП МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Для продолжения анализа морфемной структуры слова после завершения формообразовательного анализа словоформа должна быть последовательно сопоставлена с однокоренными словами. Подробно вопросы словообразования в современном русском языке рассматриваются во второй части учебника. В разделах по морфемике обсуждаются проблемы, связанные с выявлением морфемной структуры слова, связям формо- и словообразования, особенностям словообразования основных частей речи.

Словообразовательный анализ в отличие от морфемного использует для описания словообразовательной структуры слова единицы, в большинстве случаев обладающие сложной морфемной структурой. Начиная с работ Г. О. Винокура, в работах по словообразованию в качестве основных используются термины «про-

изводящая основа» и — несколько позднее — «формант» (или «словообразовательный форматив»). Эти компоненты словообразовательной структуры слова представляют собой комплексные функциональные единицы, для которых одноморфемность является частным случаем. Непроизводные слова с одноморфемной корневой формообразующей основой не имеют словообразовательной структуры, так как в них отсутствуют словообразовательные форманты. Например, в непроизводном глаголе *читать* выделяются форматив *-ть* и формообразующая основа *чита-*, содержащая основообразующий суффикс *-а*, словообразовательная структура отсутствует. В качестве примера использования одноморфемных производящих основ и формативов можно привести модель образования наречий от качественных прилагательных: *хорош-ий*, *плох-ой* (непроизводные прилагательные, имеющие только формообразовательную структуру) → *хорош-о*, *плох-о* (производные наречия с одноморфемной производящей основой и суффиксальным словообразовательным формативом). При образовании производных изменяемых слов флексия, входящая в форматив, является не только компонентом формообразовательной структуры, но и частью словообразовательного форманта. Информация, заложенная в формообразующих основах и формативах, не только позволяет устанавливать частеречную принадлежность слов, но и во многих случаях участвует в создании производных слов. Например, при образовании существительных женского рода, обозначающих лиц, от существительных мужского рода, присоединение флексии *-а(-я)* не менее значимо, чем использование соответствующих суффиксов (*студент* + *-к(а)* → *студентка*, *писатель* + *-ниц(а)* → *писательница*, *болтун* + */-j(а)/* → *болтунья*).

В некоторых случаях компоненты формообразовательной структуры могут выступать как средства словообразования. Так, например, при субстантивации прилагательных производное слово возникает за счет изменения морфологического значения флексии: при образовании существительных типа *прохож-ий*, *больн-ая*, *животн-ое* адъективные флексии становятся выразителями классификационного (а не словоизменительного, как у мотивирующего прилагательного) значения рода. Существительные женского рода могут образовываться от слов мужского рода исключительно с помощью флексии: *Александр* + *-а* → *Александра*, *кум* + *-а* → *кума*. Отглагольные существительные со словообразующим суффиксом *-б-* не могут быть образованы без флексии *-а* (*ворож-б-а*, *стрель-б-а* и т. д.), существительные *pluralia tantum* с суффиксом *-ин-* — без флексии *-ы* (*смотр-ин-ы*, *крест-ин-ы* и т. д.). Вовлечение флексии в словообразовательный процесс является общим правилом, примеры вариативности типа *дом-ишк-о*, *дом-ишк-а* единичны.

При чистой префиксации форматив входит в состав производящей основы: *грамотный* + *без-* → *безграмотный*, *дед* + *пра-* → *прадед* и т. п.

Комплексность словообразовательных формантов может создаваться не только формативами. При префиксально-суффиксальных или префиксально-постфиксальных способах словообразования формант состоит из префикса и суффикса или постфикса в сочетании с системой флексий производного слова: *рука* + *без-* + *-к-* → *безрукий*, *стучать* + *по-* + *-ива-* → *постукивать*, *бежать* + *раз-* + *-ся* → *разбежаться*, *гулять* + *на-* + *-ся* → *нагуляться*. В тех случаях, когда в состав форманта входят префикс и постфикс, может быть использован особый термин — «конфикс», который обозначает не особый тип морфемы, как это иногда предлагается, а тип словообразовательного форманта.

Как и при формообразовании, при производстве новых слов используются несегментные средства выражения словообразовательных значений: чередования фонем и ударение. Эти различия лишь сопровождают словообразовательный процесс и не могут выступать в качестве единственного средства. Живые и исторические чередования чаще всего используются при суффиксации, реже — при префиксации и сложении. Например, перед многими суффиксами чередуются парные по твердости/мягкости согласные, смягчение или отвержение определяется типом суффикса (*вода* /vad-á/ → *водица* /vad'-íc-a/, *поздний* /pózdñ'-ij/ → *поздно* /pózdñ-a/, *дом* /dóm/ → /dóm'-ik/ и т. п.). Распространены исторические чередования согласных: /k/ — /č/ (*рука* → *ручка*), /k/ — /с/ (*лик* — *лицо*), /g/ — /ž/ (*нога* → *ножка*) и т. п. В корнях также происходят чередования гласных (*разный* → *рознь*, *лёд* → *ледник* и т. п.), в том числе с нулем звука (*корабль* → *корабельный*, *искра* — *искорка* и т. п.). Чередования с нулем звука в аффиксальной части производящей основы возможны в именных суффиксах (*жилец* → *жильцов*) и глагольных префиксах (*оторвать* → *отрывать*), однако при словообразовании они встречаются реже, чем при формообразовании, где чередования с нулем звука регулярно используются как грамматическое средство (ср.: *жилец*, *жилица*, *жильцом*, ...; *певец*, *певица*, *певцом*, ...; *бросок*, *броска*, *броском*, ...; *отпереть* — *отпру*, *отпрешь*, ..., *отпри*; *разогнать*, *разгоню*, *разгонись* и т. д.).

При сложении (*лесостёпь*, *слепоглухонемой* и т. п.), сращении (*умалишённый*, *долгоиграющий* и т. п.) и аббревиации (*местком*, *сберкасса*) особую роль выполняет ударение, создающее целостность производного слова. Место ударения, определяющее принадлежность производных слов к акцентному типу, во многих случаях зависит от акцентологических особенностей производяще-

го слова, ср.: словообразовательные пары *строптив-ый* → *строптив-ец-ø* и *удал-ой* → *удал-ец-ø*, в которых производное слово сохраняет акцентный тип производящего. Однако в других случаях акцентные типы производного и производящего слова оказываются не связанными, например: *зелён-ый* → *зэлень-ø*, *удал-ой* — *удаль-ø*.

Для описания модификаций производящей основы, которые могут возникать в процессе создания производных слов, в словообразовании используется ряд терминов, требующих осмысления на собственно морфемном уровне. Производящая и производная основы могут отличаться не только чередованием фонем и ударностью/безударностью, но и изменением сегментного состава. Поскольку это изменение не всегда может быть напрямую связано с морфемным составом основы, вводится специальный термин для конечных фонем основы — «финаль». Изменения основы при словообразовании сводятся к трем типам: усечение основы, наращение основы и наложение. Наиболее последовательным и объяснимым фонетическими причинами является последний тип, который описывает явления частичного или полного совпадения звукового состава соседних сегментов, которое может возникать на стыке производящей основы и словообразовательного суффикса: *Курск* + *-ск-* → *курский*, *розов-ый* + *-оват-* → *розоватый*, *депо* + *овск* → *деповский* или на стыке компонентов сложных слов: *Лермонтов* + *о* + *вед-* → *лермонтовед*. Условный морфемный состав производных слов во всех случаях такого рода может быть выведен без учета наложения, например в прилагательном *курский* логично говорить о корневой основе *курск-* и суффиксе прилагательного *-ск-*.

Другой тип линейной модификации производящей основы связан с отсутствием в составе производного слова финали производящей основы. Подобная модификация в словообразовании называется усечением основы. Наиболее регулярно встречается усечение финали глагольной основы производящего слова: *смотре-ть* → *смотр-ины*, *боро-ться* → *борь-ба*, *обману-ть* → *обман* и т. п. У основ производящих существительных часто утрачиваются финали *-к-* (*утк-а* → *ут-енок*), *-ск-* (*Новосибирск* → *новосибир-ец*), *-ник-* (*можжевелик* → *можжевел-овый*) и др. В разговорной речи активно используются неофициальные личные имена, образованные от усеченных основ (*Зинаид-а* → *Зин-а*, *Степан* → *Степ-а*). Отсекаемые финали могут быть самостоятельными морфемами (*побел-и-ть* → *побел-ка*; *холод-н-ый* → *холод-е-ть*) и частью суффиксальной морфемы (*наду-ва-ть* → *наду-в-ной*), а также частью корня производящего слова (*кенгуру* → *кенгур-енок*, *Никит-а* → *Ник-а*). На морфемном уровне усечение производящих основ связано с появлением алломорфов аффиксов

и корней, которые в случае полного усечения аффикса должны рассматриваться как нулевые.

Алломорфы возникают и при так называемом наращении основы, когда в составе основы производного слова появляется сегмент, отсутствующий в производящей основе: *драм-а + -ург* → *драмат-ург*, *ны-ть* → *ныт-ик*.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И МЕСТОИМЕНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Особенности словообразовательной структуры существительных

Словообразование существительных отличается разнообразием — для производства существительных используются все словообразовательные способы, кроме сращения. Только при образовании существительных используются аббревиация и субстантивация.

В качестве производящих основ для существительных служат глагольные (*бежать* → *бег-отн-я*), адъективные (*гордый* → *горд-ость*) и субстантивные основы (*окно* → *под-окон-ник*). Существительные также могут быть образованы от наречий (*сообща* → *сообщ-ник*) и числительных (*двое* → *двой-н-я*). Суффиксальное существительное *предок* образовано от предлога *перед*.

В словообразовательный формант существительных входят префиксы и очень разнообразные суффиксы, количество последних значительно превышает количество суффиксов, используемых при словообразовании других частей речи.

Распространёнными суффиксами, присоединяющимися к глагольным производящим основам, являются суффиксы:

- со значением ‘производитель действия’, например: *тель/-итель* (*слуша-тель*, *спас-итель*); *-ник/-еник-* (*наслед-ник*, *уч-еник*), *-щик/-чик-* (*обман-щик*, *лёт-чик*); *-ец-* (*лыст-ец*, *чит-ец*); *-ун-* (*бег-ун*, *лг-ун*); *-ок-* (*игр-ок*, *знат-ок*); *-арь-* (*пек-арь*, *лек-арь*); *-атор/-ятор/-итор-* (*реставр-атор*, *репет-итор*); *-ор/-ёр-* (*танц-ор*, *дириж-ёр*); *-ант/-янт/-ент-* (*эмигр-ант*, *ассист-ент*); *-л(а)* (*вороти-л-а*, *кути-л-а*), *-яг(а)* (*брод-яг-а*, *дел-яг-а*); *-ух(а)* (*стряп-ух-а*) и др.
- со значением ‘орудие, приспособление’, например: *-тель-* (*истреби-тель*, *нагрева-тель*); *-ник* (*отстой-ник*, *подъём-ник*); *-щик/-чик-* (*передат-чик*, *счет-чик*); *-ак* (*рез-ак*, *черп-ак*); *-атор/-ятор-* (*рез-атор*, *вентил-ятор*); *-л(о)* (*точил-л-о*, *покрывал-л-о*) и др.
- со значением ‘место осуществления действия’, например: *-льн(я)* (*спальн-я*, *читальн-я*); *-лиц(е)* (*учи-лиц-е*, *храни-лиц-е*); *-лк(а)* (*раздевалк-а*, *курилк-а*) и др.

- со значением ‘предмет, являющийся результатом действия’, например: *-ок* (*обруб-ок, сверт-ок*); *-ыш* (*вклад-ыш, подкид-ыш*); *-ок* (*кипят-ок, заработ-ок*) и др.
- со значением ‘действие или состояние’: *-аци/j/-* — *-яци/j/-* (*реализ-ация, симул-яция*); *-аж/-яж-* (*масс-аж, дубл-яж*); *-ёж-* (*плат-ёж, граб-ёж*); *-б(а)* (*борь-б-а, ходь-б-а*) и др.

Распространенными суффиксами, присоединяющимися к адъективным производящим основам, являются суффиксы:

- со значением ‘носитель непроцессуального признака’, например: *-ик* (*стар-ик, отлич-ник*); *-ец* (*горд-ец, нагл-ец*); *-ак/-як* (*бедн-як, прост-ак*); *-иц(а)* (*умн-иц-а, туп-иц-а*); *-ул(я)/-юл(я)* (*грязн-ул-я, чист-юл-я*); *-ушк(а)* (*берегов-ушк-а* (птица), *черн-ушк-а* (кличка)); *-к(а)* (*плетён-к-а, жестян-к-а*) и др.
- со значением отвлеченного признака, например: *-ость/-есть-* (*смел-ость, мягк-ость*); *-от(а)/-ет(а)* (*быстр-от-а, прав-от-а*); *-изн(а)* (*бел-изн-а, нов-изн-а*); *-ин(а)* (*тиш-ин-а, сед-ин-а*); *-иц(а)* (*безвкус-иц-а, нелеп-иц-а*) и др.

Распространенными суффиксами, присоединяющимися к субстантивным производящим основам, являются суффиксы:

- со значением ‘носитель предметного признака’, например: *-ник-* (*фокус-ник, взяточ-ник*); *-щик/-чик-* (*буфет-чик, морожен-щик*); *-ист-* (*трактор-ист, гитар-ист*); *-ик-* (*ботан-ик, полит-ик*); *-ат/-иат-* (*ректор-ат, секретар-иат*) и др.
- с модификационными значениями женскости: *-к(а)* (*сосед-ка, пионер-к-а*); *-иц(а)* (*цар-иц-а, дьявол-иц-а*); *-ниц(а)* (*слушатель-ниц-а, обладатель-ниц-а*); *-их(а)* (*купч-их-а, повар-их-а*) и др.; незрелости: *-онок/-ёнок-* (*слон-ёнок, мыш-онок*), *-оныш/-ёныш* (*звер-ёныш, уж-оныш*); подобия: *-оид* (*морф-оид*), собирательности *-ств(о)* (*крестьян-ств-о, казаче-ств-о*); *-/j/-* (*жуль-ё, воронь-ё*); *-н(я)* (*двор-н-я, матрос-н-я*); *-в(а)* (*брат-в-а, лист-в-а*); *-от(а)* (*бедн-от-а*) и др.; единичности: *-ин(а)* (*виноград-ин-а, картофель-ин-а*), *-инк(а)* (*снеж-инк-а, град-инк-а*); субъективной оценки: *-ок/-ик/-чик-* (*пиджач-ок, арбуз-ик, сарай-чик*), *-онк(а)* (*душ-онк-а, рубаш-онк-а*) и др.

Префиксальные форманты присоединяются только к основам существительных. Многие префиксальные способы словообразования очень продуктивны, префиксальный формант может присоединяться к крайне широкому кругу основ, например: *со-автор, со-звучие, со-владелец, со-аренда, со-ученик, со-режиссер, со-переживание, со-участие, со-наследник, со-застройщик, со-председатель* и т. д. Особо распространены префиксальные существительные в общественно-политической и научно-технической терминологии: *анти-тезис, анти-циклон, анти-критика, анти-*

мир, анти-частица, анти-вещество, анти-искусство, анти-герой и т. д.; де-монтаж, де-милитаризация, де-мобилизация, де-национализация, де-квалификация, де-компрессия и т. д.; под-вид, под-класс, под-отряд, под-группа, под-комитет, под-комиссия, под-станция, под-множество, под-пункт, под-система, под-программа и т. д.

Префиксально-суффиксальные существительные делятся на два типа: имеющие и не имеющие омонимичные соответствия префиксов и предлогов. Отличием префиксально-суффиксальных образований, имеющих соответствия предлога и префикса, является состав производящей основы, так как они образованы на основе предложно-падежных конструкций, а следовательно предлог входит в производящую основу. Этот способ словообразования является продуктивным, круг вовлеченных в процесс суффиксов весьма широк, например: *под-...-/j/-* → *под-горье* (ср.: *под горой*), *под-полье* (ср.: *под полом*); *под-...-ник-* → *под-окон-ник* (ср.: *под окном*), *под-снеж-ник* (ср.: *под снегом*); *на-...-ник-* → *на-уш-ник* (ср.: *на ухе*), *на-груд-ник* (ср.: *на груди*); *пред-...-/j/-* → *Предкарпатье*, (ср.: *перед Карпатами*), *Предуралье* (ср.: *перед Уралом*) и т. п. Традиционно этот способ образования существительных считается префиксально-суффиксальным, хотя, строго говоря, речь идет о суффиксации и изменении языкового статуса компонента производящей основы (служебное слово превращается в морфему).

Собственно префиксально-суффиксальным способом образуются существительные, в производящую основу которых не входят предлоги, например: *со-...-ник-* → *со-бесед-ник, со-класс-ник;* *про-...-ок-* → *про-лес-ок, про-ул-ок.*

При образовании сложных и сложно-суффиксальных существительных используются аффиксы, морфемный статус которых подвергается сомнению, так как считается, что они служат для связи корневых основ в сложных словах и не обладают собственным значением. В концепции Е. А. Земской интерфиксами называются не только сегменты, соединяющие основы, но и присоединители других элементов слова, прежде всего суффиксов (например, сегмент *-в-* в слове *певец* (ср.: *пе-ть* → *пе-в-ец*), *-л-* в слове *жилец* (*жи-ть* → *жи-л-ец*)), появляются по морфологическим причинам и не являются ни формо-, ни словообразовательным средством. Однако роль интерфиксов, соединяющих основы в словообразовании, представляется вполне очевидной, так же, как и их значение — соединительное. Поэтому следует рассматривать интерфикс как самостоятельную словообразовательную морфему, а сегменты, появляющиеся между производящей основой и аффиксом, — как суффиксальные элементы, которые представляют собой компоненты алломорфов суффиксов.

Традиционно соединяющие основы интерфиксы называют соединительными гласными, обычно имея в виду только гласные *о* и *е*. Однако состав этих соединительных морфем шире, при словообразовании существительных используются:

- продуктивные интерфиксы-алломорфы *-о-* и *-е-* (*языкознание, столетие, паролод, Белоозеро, двоеженец, пешеход* и т. д.);
- непродуктивный интерфикс *-у-*, использующийся после корневых основ *дв-* и *пол-* (*двучлен, полукруг*);
- интерфикс *-и-* в некоторых словах перед основами *-метр*, и *стан-* (*дозиметр, Узбекистан*), а также в словах *трагикомедия* и *мать-и-мачеха*;
- интерфикс *-а-*, омонимичный флексии возвратного местоимения, в словах *себялюбие, себялюбец*;
- интерфиксы *-и-* и нулевой, омонимичные флексиям повелительного наклонения, после некоторых глагольных основ (*сорвиголовы, перекачи-поле, воруй-городок, гуляй-город*);
- интерфиксы *-и-*, *-ух-*, *-ёх-* и *-а-* после основ количественных числительных, кроме слов *девятисто* и *сто*, омонимичные нумеративным флексиям (*пятиборец, двухлетие, трехлеток, рокалетие*);
- нулевой интерфикс (*Новгород, Калининград, премьер-министр, вольтметр, полпроцента*).

Особенности словообразовательной структуры прилагательных

Для образования прилагательных используются различные способы словообразования: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный и специфический для прилагательных способ — сращение.

В качестве производящих основ для прилагательных чаще всего используются субстантивные (*круг* → *круг-лый*), адъективные (*моральный* → *а-моральный*) и глагольные (*разорвать* → *не-разрыв-н-ый*) основы. Прилагательные также могут быть образованы от числительных (*трой-/е* → *трой-н-ой*), наречий (*замуж* → *замуж-н-яя*), местоимений (*ничто* → *ничтож-н-ый*) и форм компаратива (*больше* → *больш-ий*). В производящую основу ряда производных прилагательных входят предлоги и субстантивные части (*без плана* → *бесплан-ов-ый*). Как и при образовании существительных из предложно-падежных конструкций, этот способ словообразования прилагательных считается префиксально-суффиксальным, хотя корректнее рассматривать его как суффиксацию, сопровождаемую изменением языкового статуса компонента производящей основы

(служебное слово превращается в морфему). Единичные прилагательные образованы от междометий: *ах* → *аховый*.

Многие словообразовательные особенности прилагательных связаны с их лексико-грамматическими разрядами, которые определяют определенные морфологические особенности слов этой части речи (способность иметь краткие формы, формы степени, тип склонения и др.).

Только качественные прилагательные могут быть непроизводными (например, *синий*, *плохой*), в таких прилагательных значение непроцессуального признака заложено в самой основе, которая практически всегда совпадает с корнем. Количество таких прилагательных недостаточно для именованного признака, поэтому значительная часть качественных прилагательных образована с помощью суффиксации от субстантивных и глагольных основ. Типичными качественными суффиксами являются:

- суффикс *-лив-/-ив-* (*ленивый*, *вишвый*, *прожорливый*, *тоскливый*);
- суффикс *-ав-/-ляв-* (*кровавый*, *гнузавый*, *костлявый*, *пискавый*);
- суффикс *-к-* (*гулкий*, *низкий*, *ломкий*, *падкий*);
- суффикс *-аст-* (*зубастый*, *клыкастый*, *лобастый*);
- суффикс *-ичн-* (*проблематичный*, *анемичный*, *энергичный*).

Особую группу составляют аффиксы субъективной оценки, выражающие стилистически окрашенное видоизменение качества, обозначенного корнем стилистически окрашенного производящего прилагательного. Производные прилагательные с аффиксами этого типа называют «формами субъективной оценки» или «степенями качества», причем вопрос об отнесении их к сфере формо- или словообразования долгое время был дискуссионным, и лишь в последние десятилетия решился в пользу последнего.

К аффиксам субъективной оценки относятся также:

- префиксы *пре-*, *раз-*, *сверх-*, *наи-*, *все-*, *архи-*, *ультра-* (*пре-неприятный*, *разудалый*, *сверхмощный*, *наипросторнейший*, *весьельный*);
- уменьшительные или увеличительные суффиксы *-оньк-*, *-еньк-*, *-ешеньк-*, *-охоньк-*, *-ехоньк-*, *-ущ-*, *-ющ-*, *-енн-* (*сухонький*, *старенький*, *белёшенький*, *скромнёхонький*, *большущий*, *хитрющий*, *высоченный*);
- суффиксы со значением неполноты качества *-оват-*, *-еват-* (*темноватый*, *рыжеватый*).

В некоторых случаях возможен повтор прилагательного, иногда вместе с префиксацией второго прилагательного: *красивый-красивый*, *красивый-прекрасивый*.

Традиционно выделяют три формы сравнительной степени: положительную (*красивый*), сравнительную (*красивее*, *более красивый*) и превосходную (*красивейший*, *самый красивый*). Однако после вы-

хода последней академической грамматики («Русская грамматика», 1980) аналитические формы превосходной степени рассматриваются как сочетания слов, а образование синтетических форм относят не к формообразованию, а к словообразованию, приравнивая суффиксы *-айш-/-ейш-* к суффиксам субъективной оценки. Эта позиция основывается на особенностях значения прилагательных превосходной степени (обычно они называют высокую степень качества без сравнения с качеством других предметов) и нерегулярности образования (превосходная степень имеется не у всех качественных прилагательных).

Для относительных прилагательных наиболее характерны следующие суффиксы:

- суффикс *-н-*, используемый для образования прилагательных от нарицательных существительных, а также от глаголов (*железный, лесной, скоростной, раздвижной*);
- суффикс *-ск-*, используемый для образования прилагательных от существительных (*соседский, сербский, американский, монастырский*);
- суффикс *-ов-/-ев-*, используемый для образования прилагательных от существительных (*бобровый, ситцевый, полевой, вишнёвый*).

К притяжательным относят прилагательные, выражающие принадлежность чего-либо человеку или животному, которые образуются с помощью суффиксов:

- *-ов-/-ев-* (*отцов, братов*);
- *-ин-* (*сестрин*);
- *-ий- // -j-* (*лисий, коровий*).

С помощью префиксов прилагательные образуются от адъективных основ (*симметричный* → *асимметричный*, *национальный* → *интернациональный*). Префиксальные формы сравнительной степени, характерные для разговорной речи, образуются от синтетических форм компаратива с помощью смягчительно-ограничительного префикса *по-*: *светлее* — *посветлее*, *веселее* → *повеселее*, *тише* → *потише*, *легче* → *полегче*.

При образовании сложных прилагательных используются:

- продуктивные интерфиксы-алломорфы *-о-/-е-* (*кровожадный, синеглазый*);
- непродуктивный интерфикс *-и-* (*публицистически-художественный, иронически-оптимистический*);
- интерфиксы *-и-*, *-ух-*, *-ёх-* и *-а-* после основ количественных числительных, кроме слов *девяносто* и *сто*, омонимичные нумеративным флексиям (*двухтомный, трехэтажный, десятиметровый*);
- непродуктивный интерфикс *-у-*, использующийся после корневых основ *дв-* и *пол-* (*двуплановый, полушерстяной*);

- интерфикс *-а/-я-*, омонимичный флексии возвратного местоимения (*себялюбивый*);
- нулевой интерфикс (*хлоруксусный, альфа-активный*).

Производящие основы сложных прилагательных в основном являются адъективными (*светло-зелёный, русско-немецкий* и т. п.), иногда вторая основа может быть субстантивной. При использовании субстантивной основы в формант входит не только интерфикс, но и суффикс (*сельскохозяйственный*).

Специфический для прилагательных способ словообразования сращение использует сочетания наречия или местоименного прилагательного *все* и имени прилагательного или причастия (*малоупотребительный, малоиспользуемый, всеобъемлющий* и т. п.). Основным отличием сращений от мотивирующих их словосочетаний является фиксированный порядок следования частей и одно основное ударение, создающее цельнооформленность слова.

Особенности словообразовательной структуры глаголов

Образование производных глаголов отличается от образования производных имен предпочтительными способами словообразования, определяющими состав словообразовательных формантов, и характером производящих основ. Для глагольного словообразования характерна префиксация и тенденция к использованию глагольных основ. Суффиксация по преимуществу сочетается с префиксацией, чистая суффиксация, широко распространенная в именах, возможна (*кочегар* → *кочегарить, синь* → *синить, ах* → *ахнуть*), но встречается при производстве глаголов достаточно редко. Исключение составляет видообразование, за счет которого создается базовая морфологическая характеристика глагола — принадлежность к несовершенному и совершенному виду. Особенность выражения категории вида в русском языке состоит в том, что эта категория выражается не какой-то отдельной морфемой, а всем строением глагольной основы, причем существенным может быть не только наличие определенного сочетания морфем в слове, но и последовательность их присоединения. Так, глагол *замерзать* относится к несовершенному виду, поскольку в словообразовательной цепочке последним присоединен имперфективирующий суффикс *-а-*: *мёрзнуть* → *замёрзнуть* → *замерзать*, а глаголы *затосковать* или *закричать* относятся к совершенному виду, поскольку перфективирующий префикс *за-* в данном случае присоединяется к глаголу, уже содержащему аффикс *-а-*: *тосковать* → *затосковать; кричать* → *закричать*. Видообразование в большинстве случаев начинается с префиксации бесприставочных производных гла-

голов, относящихся к несовершенному виду. Круг бесприставочных непроезженных глаголов совершенного вида ограничен небольшой группой глаголов на *-ить* (*решить, лишить, благословить, явиться, пленить, бросить, хватить, купить, контузить, ощутить, пустить, ступить, простить, кончить, родить*), шестью глаголами с корневой основой (*стать, дать, пасть, сесть, лечь, деть(ся)*) и рядом глаголов, которые исторически были образованы путем префиксации, но в современном языке префикс в них уже не вычленяется (*взять, застрять, затеять, обидеть, обязать, ответить, одолеть, поймать, понять* и некоторые другие). Основы бесприставочных глаголов либо состоят из одного корня (например, *бы-ть, ни-ть, мы-ть, да-ть*), либо из корня и формообразующего суффикса (*-а-, -е-, -и-* и др.), статус которого подробно обсуждался в разделе, посвященном формообразованию глагола.

Префиксация бесприставочного глагола несовершенного вида практически всегда ведет к образованию глагола совершенного вида, этот процесс называется **перфективацией**: *читать* → *прочитать, стоять* → *постоять, шуметь* — *отшуметь, гулять* — *нагуляться*. Исключение составляют приставочные глаголы несовершенного вида, заимствованные из старославянского языка или представляющие собой кальки (например, *надлежать, предвидеть, содействовать* и др.).

При префиксации бесприставочного глагола совершенного вида производного глагола сохраняется: *дать* → *отдать, купить* → *скупить, кончить* → *окончить*. Образование глагола несовершенного вида и от приставочных, и от бесприставочных глаголов совершенного вида осуществляется с помощью суффикса **имперфективации**, представленного алломорфами *-á(-я-)/-ва́-/ыва(-ива-)*: *бросить* — *брос-а-ть, заболеть* — *заболе-ва-ть, перечитать* — *перечит-ыва-ть*. При этом различают **первичную имперфективацию** — образование глагола несовершенного вида от простого (бесприставочного) глагола совершенного вида (например, *дать* → *да-ва-ть*) и **вторичную имперфективацию** — образование глагола несовершенного вида от приставочного глагола совершенного вида, полученного в результате перфективации (например, *читать* → *пере-читать* → *перечит-ыва-ть*). Этот же суффикс используется при образовании многократных глаголов (например, *сидеть* → *сиж-ива-ть*), которые образуются от основ глаголов несовершенного вида. Так как многократные глаголы тоже относятся к несовершенному виду, можно считать, что суффикс имперфективации сохраняет свое основное значение, развивая дополнительное значение способа действия. Интересно, что глаголы, полученные в результате вторичной имперфективации, могут стать производящими для новых префиксальных образований, полученные двух-

приставочные глаголы относятся к совершенному виду (например, *думать* → *выдумать* → *выдумывать* → *понавыдумывать*).

Специфика и значение префиксации в глагольном словопроизводстве находит свое отражение и в средствах создания глаголов различных **способов действия**. Большинство аффиксальных производных глаголов образуется с помощью префиксов (или префиксов и суффиксов, префиксов и постфиксов), к суффиксальным способам действия относятся уже описанный выше многократный (*ходить* → *хаживать*) и одноактный, в котором используется суффикс *-ну-* со значением 'один раз' (*толкать* → *толкнуть*, *чихать* → *чихнуть* и т. п.). В русистике отсутствует общепринятая классификация способов действия: количество выделяемых способов колеблется от 40 до 50. В «Русской грамматике» способы глагольного действия подразделяются на три группы, различающиеся по своим самым общим значениям: уточнения характера протекания действия во времени, количественно-временной характеристики действия и уточнения характера достигаемого действием результата. В группу с временным значением входят начинательный (*запеть*, *за шуметь*, *застучать*, *пойти*, *поташить* и др.), ограничительный (*побегать*, *пробегать*, *погостить*, *поработать*, *проработать*), длительно-ограничительный (*проходить*, *пробегать*, *проплавать*, *перезимовать* и др.), финитивный (*отужинать*, *отвевать*, *отгулять* и др.) способы действия.

Основными способами действия во второй группе являются: одноактный (*прыгнуть*, *стукнуть*, *боднуть*, *хлопнуть*), многократный (*сиживал*, *едал*, *говаривал*, *певал* и др.), кратно повторяющийся (*махать*, *мелькать*, *вдыхать*, *кукарекать* и др.), смягчительный (*привстать*, *подтаять*, *перекусить*, *всплакнуть* и др.), длительно-дистрибутивный (*переловить*, *переломать*, *побросать*, *повыгонять* и др.) способы действия.

Третья группа включает глаголы, которые выражают значения результативности: термитивный (*простонать*, *проворчать*, *пробурчать*, *просигналить* и др.), завершительный (*дочитать*, *дописать*, *достирать*), интенсивно-результативный (*выспаться*, *докричаться*, *загуляться*, *изныться* и др.), накопительно-суммарный (*набросать*, *обстирать*, *излазить* и др.) и распределительный (*попадать*, *перенумеровать*, *повывернуть* и др.) способы действия.

Префиксация бесприставочных глаголов **однонаправленного движения** влечет за собой их перфективацию. При этом префиксы выражают главным образом пространственные значения: *бежать* → *забежать*, *пробежать* и т. п. При образовании производных префиксальных глаголов **неоднонаправленного движения** тоже происходит перфективация, но эти префиксальные глаголы выражают не пространственные, а временные значения (начинательное, ограничи-

тельное и длительно-ограничительное): *бегать* → *забегать по комнате, пробегать полчаса*. Видовая пара у глаголов однонаправленного движения с пространственными приставками образуется за счет вторичной имперфективации: *бежать* → *выбежать* → *выбегать*.

Отличительной словообразовательной чертой глагола является активное использование постфиксации и как самостоятельного словообразовательного средства (например, при образовании возвратных глаголов: *умывать* → *умываться*), и в комплексе с префиксацией (*пить* → *напиться*).

Словосложение в глагольном словопроизводстве (например, *трудоустроить* от именной и глагольной основы), в отличие от именного, используется крайне редко.

Особенности словообразовательной структуры наречий

Образование наречий характеризуется двумя яркими особенностями: во-первых, словообразовательными связями с качественными прилагательными, а во-вторых, наличием грамматической омонимии с мотивирующими их падежными и предложно-падежными формами.

Образование качественных наречий от качественных прилагательных с помощью суффикса *-о/-е* (*хороший* → *хорошо*, *быстрый* → *быстро*, *искренний* → *искренне*) является не только одним из самых продуктивных способов образования наречий, но и важной морфологической характеристикой частеречного ядра как наречий, так и прилагательных. После производящих адъективных основ с суффиксами *-ск-* и *ий* — /j/ используется суффикс *-и* (*дружеский* → *дружески*, *волчий* → *волчьи*). Общность значения и четкие дистрибутивные различия позволяют рассматривать этот суффикс и суффиксы *-о/-е* как алломорфы.

Наречия, образованные от падежных и предложно-падежных форм имени, сохраняют живые связи с этими формами. В таких наречиях словообразовательные суффиксы омонимичны формообразующим аффиксам (падежным флексиям мотивирующих слов), а префиксы — предлогам.

От падежных форм образовались:

- наречия с суффиксами *-ом/-ем*, *-ой/-ою*, *-ю*, *-ами/-ями*, омонимичными флексиям творительного падежа мотивирующего существительного (*вечером*, *шагом*, *чудом*, *силой*, *весной*, *весною*, *частью*, *ночью*, *днями*, *временами*);
- наречия с суффиксом *-ю*, омонимичным флексии количественных числительных от *пяти* до *двадцати* и числительного *тридцать*: *пятью*, *шестью*, ..., *двадцатью*, *тридцатью* (ср.: *пятью пять*).

От предложно-падежных форм образовались:

- наречия с префиксом *в-/во-*, омонимичным предлогу, и суффиксами *-у* или нулевым, омонимичными флексиям существительных (*вверх, вверху вниз, внизу, вконец, вничью*);
- наречия с префиксом *на-*, омонимичным предлогу, и суффиксами *-у* или нулевым, омонимичными флексиям существительных (*наверх, наверху, набок, навстречу, наконец, наизнанку, наудачу*);
- наречия с префиксом *в-*, омонимичным предлогу, и суффиксами *-е, -и/-ы*, омонимичными флексиям существительных (*вначале, вдали, взаймы*);
- наречия с префиксом *по-*, омонимичным предлогу, и суффиксами *-у, -е, -и*, омонимичными флексиям существительных (*поутру, посредине, поневоле*);
- наречия с префиксом *до-*, омонимичным предлогу, и суффиксом *-у*, омонимичным флексии существительного (*донизу, доверху*);
- наречия с префиксом *с-*, омонимичным предлогу, и суффиксом *-у*, омонимичным флексии существительного (*сбоку, сверху*).

Таким же образом произведены наречия с уникальными словообразовательными формантами: *из-...-и* → *издали*, *от-...-и* → *отчасти*, *на-...-о* → *наутро*, *за-...-ем* → *замужем* и некоторые другие.

Еще одной особенностью образования наречий является возможность двоякого толкования некоторых словообразовательных типов. Прежде всего это касается оценки способа образования наречий типа *архитрудно, премило* и т. п. как префиксально-суффиксального (*трудный + архи- + -о* → *архитрудно*; *милый + пре- + -о* → *премило*) или суффиксального (*архитрудный + -о* → *архитрудно*; *премилый + -о* → *премило*).

Рассмотренные особенности не исчерпывают способы образования наречий, но позволяют увидеть основные особенности словообразовательной структуры этой части речи.

Особенности словообразовательной структуры местоимений-существительных

Образование отрицательных и неопределенных местоимений связано со словообразовательными процессами: в производную словообразовательную основу отрицательных местоимений входят морфемы *не-, ни-* (*некто, никто* и т. д.), а в состав неопределенных местоимений *кое-, то-, либо-,нибудь*. Определение типа этих морфем вызывает затруднения по ряду причин. Морфемы с отрицательным значением участвуют в образовании разных частей речи и в некоторых случаях могут быть квалифицированы

как префиксы (например, *не-* в существительном *неправда* (*Это неправда*), в прилагательном *небольшой* (*Мы купили небольшой дом*)). Однако при противопоставлении *не-* становится элементом синтаксической конструкции, в образовании которой участвует комплекс *не ...*, а отрицание перестает быть частью слова и традиционно рассматривается как частица. При употреблении *не* с глаголом и его формами отрицание всегда рассматривается как частица, хотя при переходе причастий в прилагательные начинает входить в состав слова как префикс (ср.: *нерешенный вопрос — не решенный вовремя вопрос*). Таким образом, префикс *не-* не может быть глагольным, в то время как все остальные части речи употребляются как с частицей, так и с префиксом *не-*. Отрицание с помощью *ни-* встречается только в отрицательных местоимениях (*никто*) и отрицательных местоименных наречиях (*нигде*). Строго говоря, обычно *ни-* не выражает отрицания, например, в предложениях *Я никого не знаю. Я ничего не помню* отрицание выражено частицей *не*, а местоимения с *ни-* близки по значению словам 'все' и 'всё', то есть имеют обобщительное значение. Однако поскольку существуют и собственно отрицательные значения (например, *Я теперь никто*), традиционное отнесение *ни-* к отрицанию вполне оправданно, хотя необходимо учитывать специфику значений этих местоимений.

В отрицательных местоимениях *не-* и *ни-* рассматриваются как частицы в предложно-падежных формах (*не к кому, не из чего* и т. д.). Способность *не-* и *ни-* функционировать и в качестве служебного слова, и в качестве морфемы свидетельствует о подвижности языковых форм и об отсутствии непроницаемых границ между языковыми уровнями.

Для *не-* возможно не только отрицательное значение, в словах *некто, нечто* используется префикс *не-* с неопределенным значением, омонимичный отрицательному *не-*. Местоимение *некто* имеет только форму именительного падежа, а местоимение *нечто* — только форму именительного и беспредложного винительного падежей, поэтому *не-* со значением неопределенности всегда префикс. Другая местоименная приставка с неопределенным значением — это приставка *кое-* (*кое-кто, кое-что*), в предложно-падежных конструкциях *кое-* ведет себя подобно отрицательным приставкам *не-* и *ни-* — превращается в частицу (*кое у кого, кое без чего* и т. д.).

Существует традиция рассматривать как частицы входящие в состав местоимений показатели неопределенности *-то, -либо, -нибудь*. Однако эти сегменты никогда не отрываются от основы, поэтому должны рассматриваться как суффиксы или особый вид суффиксов — постфиксы.

Раздел 6

СОБСТВЕННО МОРФЕМНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Производность и членимость

В рамках словообразовательного анализа возникла и активно обсуждалась проблема анализа структуры слов, которые с точки зрения классического словообразовательного анализа должны рассматриваться как непроизводные. Начало дискуссии по этой теме заложено работой Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию», которая вышла в 1946 году. По Винокуру, членимость непосредственным образом связана с производностью, а следовательно «если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звуко сочетание, то выделение произведено неправильно, то есть не отразило реального факта языка»¹. Следуя этой логике, Г. О. Винокур отказывается в членимости словам типа *малина, смородина; брусника, клубника; буженина* и т. п., поскольку после выделения сегментов *-ин* и *-ик*, которые могут расцениваться как словообразовательные суффиксы, будут получены комплексы, не обладающие значением. Кроме того, значение этих слов нельзя объяснить через другие, семантически более простые слова, — иначе говоря, к ним неприменимо определение производного слова, называемое «критерием Винокура» (подробнее об этом см. в разделе о производном слове во второй части учебника).

Отсутствие значения вычленяемого сегмента может коснуться не только основы, но и суффикса, который, по мнению Винокура, должен вычленяться при наличии значимой основы (примерами являлись слова *петух* и *жених*). Таким образом впервые была осмыслена проблема уникальных аффиксов и предложено ее решение, заключающееся в признании за аффиксальными морфемами права на уникальность. Дискуссия по проблемам членимости продолжилась, через несколько лет вышла полемическая работа А. И. Смирницкого «Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ»². Полемика Г. О. Винокура и А. И. Смирницкого вошла в историю русистики под названием «спор о буженине». По мнению А. И. Смирницкого, следует считать производными и слова с уникальными основами, и слова с уникальными суффиксами.

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные труды. М., 1959. С. 421.

² Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1948. Вып. 5. С. 21—26.

Дальнейшее изучение вопроса о членимости связано с изучением многообразия случаев отсутствия четкой членимости или, наоборот, нечленимости слов. Данная проблема была описана в работах М. В. Панова, Н. А. Янко-Триницкой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова. Предложенные М. В. Пановым, Н. А. Янко-Триницкой и Е. С. Кубряковой классификации степеней членимости, отраженные в таблице 5, до сих пор актуальны.

Таблица 5. Степени членимости по классификациям разных авторов

М. В. Панов ¹	Н. А. Янко-Триницкая ²	Е. С. Кубрякова ³
1-я степень членимости	полная членимость 1-й степени (полная свободная)	живая морфологическая
	полная членимость 2-й степени (полная связанная)	условная
2-я степень членимости	достаточная членимость 1-й степени (достаточная свободная)	дефектная
3-я степень членимости		
—	достаточная членимость 2-й степени (достаточная связанная)	
4-я степень членимости	недостаточная членимость 1-й степени	
5-я степень членимости	недостаточная членимость 2-й степени	

М. В. Панов выделяет пять степеней членимости:

- 1-я степень — свободная членимость, подразумевающая наличие в основе свободных корней, а в форманте — регулярных аффиксов; слова с членимостью 1-й степени входят в так называемый словообразовательный квадрат, например: *лет-чик* — *лет-ать* (свободный корень), *лет-чик* — *развед-чик* (регулярный суффикс);
- 2-я степень членимости характеризует слова со свободным корнем и уникальным по форме аффиксом, имеющим синонимы среди регулярных аффиксов; иначе говоря, аффикс в словах

¹ Панов М. В. О степенях членимости // Развитие современного русского языка. Словообразование, членимость, М., 1975.

² Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

³ Кубрякова Е. С. О типах морфологической членимости слов, квазиморфах и маркерах // Вопросы языкознания. № 2. 1970.

2-й степени членимости семантически не уникален: например, *пас-тух* — *пас-ти* (уникальный аффикс *-тух*, синонимичный регулярным аффиксам *-тель*, *-арь* и т. п., обозначающим лицо, выполняющее действие);

- 3-я степень членимости характеризует слова со свободным корнем и аффиксом, уникальным и по форме, и семантически, например, суффикс *-ярус* в *стеклярус*;
- 4-я степень членимости характеризует слова с уникальным связанным корнем и регулярным аффиксом, например, *бужен-ин-а* (так называемый «суффикс мяса», встречающийся в словах со свободными корнями типа *кон-ин-а*, *баран-ин-а*);
- 5-я степень членимости отличается от четвертой тем, что регулярные аффиксы, соединяющиеся с уникальными связанными корнями, никогда не соединяются со свободными корнями, например: *мал-ин-а*, *круш-ин-а*.

Четвертая и пятая степени членимости у М. В. Панова и две разные степени недостаточной членимости у Н. А. Янко-Триницкой описывают идентичные случаи дискуссионного членения. Другие части классификаций тоже по сути совпадают, однако для 1-й степени членимости по М. В. Панову, которая также может быть названа членимостью при двусторонней сопоставимости, в классификации Н. А. Янко-Триницкой вводится разделение на членимость для слов со свободными корнями и слов со связанными корнями, а в классификации М. В. Панова для 1-й степени членения отсутствует аспект, связанный с особенностями функционирования корня. В зависимости от способности/неспособности корневой морфемы выступать в других словах в качестве основы без аффиксов Н. А. Янко-Триницкая различает полную свободную членимость (полную членимость 1-й степени), и полную связанную членимость (полную членимость 2-й степени). Полная свободная членимость наблюдается тогда, когда корень и аффикс с теми же значениями присутствуют в других словах, причем корень встречается и в виде самостоятельной основы, например: *сил-ач* при наличии слов *сил-ов-ой*, *ловк-ач*, *сил-а*. Полная связанная членимость (полная членимость 2-й степени) возникает, когда корень и аффикс с теми же значениями встречаются в других словах, но корень является связанным, то есть не может выступать в качестве самостоятельной основы. Связывающими корень аффиксами могут быть суффиксы (например, корень *-боч-*: *боч-к(а)*, *боч-онок*, *боч-ар*); префиксы (например, корень *-вет-*: *со-вет*, *при-вет*, *от-вет*, *за-вет*, *на-вет*); а также либо суффиксы, либо и префиксы (например, корень *-суд-*: *со-суд*, *по-суд-а*, *суд-к-и*) или суффиксы и префиксы одновременно (*пере-ул-ок*).

Н. А. Янко-Триницкая не вводит в классификацию аспект, связанный с семантическими характеристиками унификсов, по-

этому степени членимости, описываемые М. В. Пановым как 2-я и 3-я, в классификации Н. А. Янко-Триницкой относятся к одной группе слов с достаточной свободной членимостью (достаточной членимостью 1-й степени). Уникальные аффиксы Н. А. Янко-Триницкая называет несопоставимыми постфиксальными (*ваз-он, котл-ован, коз-ёл, стекл-ярус, чист-оган, четвер-г, мяк-оть, наг-ишом* и т. п.) и префиксальными морфемами (*зако-ул-ок, ра-дуга, му-сор, кур-нос-ый, ба-хвалиться*), отмечая, что последние встречаются гораздо реже в связи с большей лексичностью и регулярностью префиксов.

Еще одним отличием рассматриваемых классификаций является выделение Н. А. Янко-Триницкой особой группы слов, в которых корень не может выступать в качестве безаффиксной основы. Членимость такого рода по классификации Н. А. Янко-Триницкой называется достаточной связанной членимостью (достаточной членимостью 2-й степени), в классификации М. В. Панова подобная группа как самостоятельная не выделяется. Слова с достаточной членимостью 2-й степени немногочисленны, их особенности Н. А. Янко-Триницкая демонстрирует на примере анализа слова *ячмень* в сопоставлении со словами *яч-нев-ый* и *греч-нев-ый*. В слове *яч-мень* выделяется связанный корень *яч-* и несопоставимый суффикс *-мень-*, что отличает это слово от слов с достаточной членимостью первой степени.

В концепции Е. С. Кубряковой показателями степени членимости являются не только сочетаемостные, но и семантические признаки. В зависимости от сочетания этих свойств выделяются три степени членимости:

- живая морфологическая членимость, соответствующая полной свободной членимости по классификации Н. А. Янко-Триницкой;
- условная членимость, соответствующая полной связанной членимости по классификации Н. А. Янко-Триницкой;
- дефектная членимость, охватывающая все случаи использования уникальных частей слова (и корней, и аффиксов).

Обобщая споры 1940—1970 годов, «Русская грамматика» указывает, что «слова членятся на морфемы с разной степенью отчетливости. Наиболее отчетливо членятся на морфемы такие слова, каждая морфема которых повторяется в других словах в сочетании с другими морфемами или в свободном виде. Так членится, например, слово *простоватый* <...>. Отчетливо членятся и слова, корни которых, не повторяясь в других словах, выступают только в свободном виде: *арена, армада*. Однако встречаются слова, в основе которых вычленяются отрезки, не повторяющиеся в других словах в сочетании с другими морфемами или в свободном

виде. Например, корень слова *почтальон* выделяется в других словах вне сочетания с отрезком *-альон* (*почта, почтовый*), но отрезок *-альон* не встречается в сочетании с другими корнями: сочетание *почт-альон* — единственное. Суффикс *-ик*, выделяющийся в слове *брусника*, выделяется также в словах *черника, костяника* и других названиях ягодных растений; однако отрезок *брусн'|-*, остающийся в слове после вычленения суффикса *-ик(а)*, не встречается в других словах литературного языка вне сочетания с этим суффиксом. Такие слова принадлежат к словам с ослабленной членимостью»¹. В самой грамматике уникальные корни и аффиксы не анализируются, однако интерес лингвистов к этому явлению не угасает. В 2009 году вышел первый «Словарь уникальных морфем русского языка»², содержащий более трехсот уникальных морфем с семантической характеристикой морфем и содержащих их слов.

СТРУКТУРНАЯ АНАЛОГИЯ КАК ЭТАП МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Специфической особенностью собственно морфемного анализа является привлечение и сопоставление максимально широкого круга слов и форм слов, находящихся не только внутри словообразовательного гнезда и парадигмы анализируемого слова, но и за их рамками. Морфемная структура многих слов в русском языке не может быть описана только на основе формо- и словообразовательных границ, даже при таком подходе, когда под словообразовательным анализом понимается выявление многоступенчатой деривационной истории производного слова и определение формантов, возникающих на каждом этапе. Задачей морфемного анализа является не описание истории формирования слова, а выделение тех его структурных элементов, являющихся актуальными для современной морфологической системы, в которой морфемы используются не только как компоненты формо- и словообразовательных структур, хотя их роль в образовании этих структур тоже находится в сфере внимания исследований по морфемике.

Основной функцией морфемы является структурная, первичность этой функции объясняет и разрешает те многочисленные проблемы морфемного анализа, которые возникают при подходе к морфеме прежде всего как к значимой единице с инвариантной, однозначно определяемой семантикой. При осуществлении

¹ Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980. § 188.

² *Рацибурская Л. В.* Словарь уникальных морфем русского языка. М., 2009.

морфемного членения слова, помимо границ, семантически обоснованных системами формо- и словообразования, необходимо учитывать границы, появляющиеся при выделении сегментов на основе структурной аналогии. Для членимого слова подыскивается ряд одноструктурных образований и выясняются возможности аналогического членения. С. И. Богданов, описывая алгоритм собственно морфемного членения, рассматривает метод структурной аналогии на примере ряда словоформ различных частей речи, позволяющих продемонстрировать основы этого метода.

Формо- и словообразовательный анализ словоформы *издевательство* позволяет выделить флексию в формате и используемый при образовании этого слова компонент *-тельство-*, который невозможно расчленить на основе сопоставления с однокоренными словами, поскольку в русском языке слово **издеватель* отсутствует. Структурная аналогия находится при анализе словообразования неродственных слов типа *вреди-тель-ство* ← *вредитель*, *преда-тель-ство* ← *преда-тель*, а также слов, подтверждающих возможность использования в этой модели только суффикса *-ство-* (*воров-ать* → *воров-ство*), в результате чего сегменты *-тель-* и *-ств-* получают свое функциональное обоснование и могут быть квалифицированы как самостоятельные морфемы в составе слова *издева-тель-ство*. Продолжение членения тоже связано с применением аналогии. Привлечение к сопоставлению одноструктурной словоформы *из-мы-ва-тель-ство* дает возможность отделить приставку *из-* и суффикс *-ва-*.

В словах *внештат-н-ик*, *туберкулез-н-ик*, *десант-н-ик* классический словообразовательный анализ позволяет выделить суффикс *-н-*, рассматривая эти слова как образованные от прилагательных *внештатный*, *туберкулезный*, *десантный*. На этом основании в аналогичном слове *бабник* также может быть выделено два суффикса: *-н-* и *-ик-*, хотя прилагательное **бабный* в русском языке отсутствует. Именно в таких случаях можно говорить о нереализованных словообразовательных возможностях, отраженных в морфемной структуре.

Проблема членения слова *гимнаст-ёр-к-а* связана с отсутствием в современном русском языке ранее существовавшего слова **гимнастёр* при наличии широкого круга слов с таким суффиксом (*мин-ёр*, *монт-ёр*, *шахт-ёр* и т. п.), сопоставление с которыми, с одной стороны, а также со словами, называющими предметы одежды, с другой (*футбол-к-а*, *хоккей-к-а*, *бейсбол-к-а* и т. п.), позволяет провести морфемное членение и выделить суффикс *-к-*.

Все уникальные части слов, о которых шла речь в предшествующем разделе, могут быть вычленены только методом аналогического сопоставления. Выделение уникальных корней в непроемных

словах типа *буженина*, *калина* возможно только при сопоставлении их с другими семантически тождественными одноструктурными словами (ср.: *буженина* и *конина*, *свинина*; *калина* и *малина*, *смородина*). Вычленение уникальных аффиксов (унификсов) опирается прежде всего на их связи с однокоренными словами (ср.: *ра-дуга* ← *дуга*, *свет-оч* ← *свет*). Однако аналогические связи становятся предпосылкой перехода унификсов в регулярные аффиксы. Примером такого перехода является история аффикса *-дром*, который сначала употреблялся только в одном слове (*ипподром*), а в современном языке является не просто регулярным, а достаточно продуктивным суффиксом (ср.: *аэродром*, *космодром*, *автодром*, *велодром* и т. д.).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Раздел 1

ПРЕДМЕТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ КАК НАУКИ

Термин «словообразование» обозначает:

- 1) **процесс образования новых слов** в языке (**деривацию** слов);
- 2) **языковой уровень**, на котором представлен результат образования новых слов.
- 3) **научное описание** процесса и результатов образования новых слов (дериватологию).

В широком смысле **дериватология** — наука о процессах образования различных единиц языка (слов, словосочетаний, предложений). В таком случае словообразование является разделом деривации.

Словообразование как наука обычно изучается в совокупности с **морфемикой** (учением о строении слова). При этом непосредственно к словообразованию относится исследование средств и способов, которые используются при образовании **производных слов (мотивированных слов, дериватов)**, структура производных слов в их отношении к производящим единицам языка, типы производных слов, их мотивация, функционирование. Предметом морфемики является структура любых слов — как производных, так и непроизводных. Морфемика и словообразование взаимосвязаны и взаимозависимы.

Следует иметь в виду, что исследования по словообразованию не охватывают весь словарный состав языка, например, не могут быть подвергнуты словообразовательному анализу первообразные предлоги, частицы, союзы, большинство междометий, неизменяемые слова типа *пальто*, *кенгуру*, однако непроизводные слова могут быть производящими: *ох* → *охнуть*, *пальто* → *пальтишко*, *кенгуру* → *кенгуренок*.

НОМИНАЦИЯ ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ

В теории словообразования основными понятиями являются «**производящее слово**» и «**производное слово**». Эти понятия основаны на явлениях **первичной и вторичной номинации**.

Номинация — это процесс и результат называния фрагментов действительности.

Процессы номинации возникают в речевой деятельности, а их результаты осваиваются языковой системой, обычаем употребления (**узусом**) и закрепляются нормами.

Первичная номинация — это называние какой-либо реалии **первообразным (непроизводным, немотивированным)** словом, основа которого состоит только из корня (*дом, река, море, белый, петь, нести*¹). Происхождение таких слов может быть установлено только этимологическим анализом.

Вторичная номинация — это называние реалий в процессе словообразования (**деривации**) — с опорой на уже существующие в языке слова (*домашний, домик, домработница* и т. д.; *белизна, белить, белила, белёсый* и т. д.; *носиться, носильщик, перенос* и т. д.). Исходным элементом вторичной номинации являются производящие (мотивирующие) слова, а результатом — **производные (мотивированные)** слова.

ТИПЫ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Типы вторичной номинации различаются в зависимости от языковых средств, которые используются при создании новых названий, и от того, как название соотносится с реальностью.

В зависимости от языковых средств выделяются такие типы номинации:

- 1) **словообразование с помощью аффиксов**: *стен-ка, зелен-оватый, за-ржаветь*;
- 2) **изменение грамматического значения слова** (грамматическая омонимия): *мастерская, бегом, благодаря* (чему-л.). Этот тип называют также синтаксической транспозицией;
- 3) **появление новых значений слова** (лексическая полисемия, семантическая транспозиция). Способы изменения значений слов: языковая метафора — перенос наименования по сходству (*хвост* ‘часть тела животного, птицы, рыбы’ → *хвост* ‘длинная очередь’, ‘учебная задолженность’), языковая метонимия — перенос наименования по смежности (*блюдо* ‘вид посуды’ → *блюдо* ‘кушанье’), перенос наименования по функции (*дворник* ‘человек, работа которого — следить за чистотой территории’ → *дворник* ‘чистящая щетка на лобовом стекле автомобиля’).

¹ Вопрос о статусе форманта *-ть/-ти* является дискуссионным: этот формант трактуется и как суффикс, и как окончание. Подобные инфинитивы могут считаться словами с первообразной основой, если формант *-ть/-ти* признается окончанием.

В зависимости от отношения слова к обозначаемой реалии различаются два типа номинации:

- 1) **автономная (прямая) номинация** — это такой тип вторичной номинации, при котором однословные наименования могут употребляться независимо от их предметной отнесенности. Например, слово *высокий* имеет значение ‘большой в вертикальном измерении’ независимо от объекта номинации: *высокий человек, высокий этаж, высокое дерево*. Значения слов, образованных автономной номинацией, называются **свободными**;
- 2) **неавтономная (косвенная) номинация** — это такой тип вторичной номинации, при котором производное слово соотносено со своим обозначаемым косвенно. Например, слово *высокий* приобретает метафорическое значение ‘торжественный’ в сочетании *высокий слог*, значение ‘очень хороший’ в сочетаниях *высокое мнение, высокое качество*, значение ‘звонкий’ в сочетании *высокий голос*. Значения слов, образованных неавтономной номинацией, называются **связанными**. Неавтономна и фразеологически связанная номинация: вороним называют только коня, окладистой только бороду, карими только глаза.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК НАУКА И КАК УРОВЕНЬ ЯЗЫКА

Строение слова всегда интересовало ученых и носителей языка, но основа словообразования как науки была заложена во второй половине XIX века. Г. А. Николаев пишет: «Определяющую роль в ее становлении сыграли представители четырех научных школ России: Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова, Харьковской лингвистической школы А. А. Потебни, Казанской и Петербургской лингвистических школ, связанных с именем И. А. Бодуэна де Куртенэ»¹.

Мысль о том, что словообразование может рассматриваться как один из уровней (ярусов) языка, впервые была высказана А. А. Шахматовым в начале XX века, но до середины 40-х годов XX века элементы словообразования рассматривались в курсах лексикологии и морфологии. Научный подход к словообразованию (в совокупности словообразования и морфемике) как к самостоятельному уровню языка и соответствующему разделу лингвистики начался с работ В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, Г. О. Винокура, М. В. Панова, Н. М. Шанского, Н. А. Янко-Триницкой и др.

¹ Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа. Диалектное словообразование, морфемика и морфология. СПб., 2007. С. 7.

Вопрос о статусе словообразования в системе языковых уровней и словообразования как лингвистической дисциплины наиболее четко изложен Г. А. Николаевым:

«Существуют по меньшей мере три мнения о месте словообразования в системе языка и, соответственно, о месте словообразовательной науки в системе лингвистических дисциплин.

1. Словообразование — часть грамматики (морфологии). Это наиболее традиционная точка зрения, восходящая к воззрениям первых русских грамматиков (М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, В. А. Богородицкого и др.). В советское время ее разделяли такие ученые, как А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, Н. Д. Арутюнова, В. В. Лопатин и др. Эта точка зрения является официальной в академических грамматиках: „Грамматике современного русского литературного языка“ (1970), „Русской грамматике“ (1980) и др. Помимо традиции, отнесение словообразования к морфологии детерминируется тем, что основное внимание исследователей обращается на такие способы словопроизводства, которые связаны с употреблением специальных морфологических средств — морфем, при этом оставляются в стороне многочисленные производные слова, образованные другими способами.
2. Словообразование — раздел лексикологии: словопроизводство является главным источником пополнения словарного состава языка, а словообразовательные морфемы (корни, приставки, суффиксы) входят в состав основы слова, оформляющей лексическое значение слова (А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, К. А. Левковская, В. В. Колесов и др.).
3. Словообразование — самостоятельный уровень языковой системы, а соответственно в науке — самостоятельный раздел языкознания. Как теоретическая эта проблема была поставлена в советском языкознании в 40—50-х гг. XX столетия. Многогранно она рассматривается в статье В. В. Виноградова „Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)“ (1952). Здесь впервые ставится вопрос о межуровневом характере словообразования, имеющего неразрывные связи с морфологией и лексикой языка. Наиболее последовательно эту точку зрения проводят Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, Л. В. Сахарный, В. Н. Немченко и многие другие современные ученые»¹.

Словообразовательные процессы имеют межуровневый характер: они связаны не только с лексикой и морфологией, но и с синтаксисом, и с фонетикой.

¹ Указ. соч. С. 10—11.

СВЯЗЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ДРУГИМИ УРОВНЯМИ ЯЗЫКА

Словообразование и лексикология

Словообразование как наука тесно связано с лексикологией направленностью на общий предмет изучения — слово.

В результате словообразования пополняется словарный состав языка.

Каждое производное слово включается в лексическую систему языка, то есть входит в лексико-семантические группы, вступает в синонимические отношения (*коммуникабельный — общительный*) и антонимические (*безвкусный — вкусный*), многие вновь образованные слова получают стилистические характеристики и коннотации, существует метафорическое словообразование (*проворонить*). При возникновении слова оно является неологизмом, затем становится привычным, может архаизироваться и утрачиваться.

Теория словообразования и словообразовательный анализ невозможны без учета лексической семантики, однако значение слова далеко не всегда определяется суммой значений его морфем.

Одним из способов неморфемного словообразования является лексико-семантический способ (семантическое словообразование), то есть появление омонимов, например, *собака* — ‘животное’ и *собака* — ‘символ в адресе электронной почты’.

Сами словообразовательные средства бывают синонимичными (например, суффиксы, оформляющие названия лиц по роду их деятельности: *-щик, -ист, -ач, -ар, -ник* — ср.: *барабанищик, пианист, скрипач, гусяр, балалаечник*), антонимичными (например, префиксы *при-* и *у-*: *при-бежать — у-бежать*; *в-* и *вы-* — *впустить — выпустить*), омонимичными (например, суффикс *-ин-* распадается на несколько омонимов: в слове *свинина* он обозначает мясо животного, в слове *скотина* это суффикс собирательности, в слове *горошина* — суффикс единичности, в слове *жадина* — суффикс со значением лица, в слове *доми́на* — суффикс со значением увеличительности).

Среди лексических единиц (слов) и словообразовательных формантов (морфем) существуют пограничные явления — аффиксоиды. К ним относятся суффиксоиды (например, *-вед, -ман, -фоб* и др.) и префиксоиды (*полу-, квази-, мини-* и др.). Аффиксоиды — это морфемы, по происхождению корневые, но выполняющие функции аффиксов и занимающие в слове позиции суффиксов или префиксов (*языковед, пушкиновед, краевед* и т. п.; *меломан, графоман, наркоман* и т. п.: *руссофоб, юдофоб, англофоб; полуоборот, полумесяц, полушубок* и т. п.; *квазинаучный, квазиискусство, квазипрогресс; псевдоученый, псевдокризис* и т. п.).

Словообразование и морфология

Любое вновь образованное слово оформляется как определенная часть речи.

Для каждой части речи характерна своя совокупность словообразовательных средств, например, суффиксы *-ец-*, *-тел'*, *-щик-*, *-ениц'* участвуют только в образовании существительных, суффиксы *-лив-*, *-н-*, *-овск-*, *-овыц'* встречаются только в составе прилагательных, суффиксы *-ну-*, *-ыва-* — только глагольные.

Некоторые способы словообразования тоже возможны только для определенных частей речи, например, аббревиацией образуются существительные (*вуз*, *сбербанк*)¹, сращение приводит к появлению прилагательных (*дикорастущий*, *быстрорастворимый*), префиксально-постфиксальное словообразование свойственно только глаголам (*расхохотаться*, *подружиться*).

Словообразовательные суффиксы могут быть тесно связаны с грамматической принадлежностью слова, например, с категорией рода существительных (суффиксы *-щик-*, *-ист-*, *-ец-* встречаются только в словах мужского рода: *барабанищик*, *футболист*, *купец*; суффиксы *-иц-*, *-ш-*, *-ост'* — только в словах женского рода: *мастерица*, *докторша*, *мудрость*; суффиксы *-ениц'*, *-ниц'* — только в словах среднего рода: *упражнение*, *движение*, *старание*).

В некоторых случаях формообразующие морфемы являются одновременно и словообразующими: *супруг* — *супруга*, *кум* — *кума*.

С развитием языка формообразующие морфемы могут становиться только словообразующими, например, в словах *наверху*, *справа*, *кругом* падежные окончания имен существительных стали суффиксами наречий.

Новые слова могут образовываться морфолого-синтаксическим способом, то есть в результате перехода слов одной части речи в другую — субстантивацией: *прохожий*, адъективацией: *блестящий* (*доклад*), адвербиализацией слов или словосочетаний: *рядом*, *налегке* и т. п. При адвербиализации предложно-падежных сочетаний предлоги становятся приставками (*наверху* → *наверх*).

В некоторых случаях вопрос об образовании нового слова или формы слова является дискуссионным, например, в парах типа *рассказать* — *рассказывать*, *сверкать* — *сверкающий*, *знать* — *зная*, так как причастия и деепричастия могут считаться и самостоятельными словами, и формами глагола.

¹ В редких случаях возможна аббревиация не только существительных, например, в дневниках Л. Толстого и в его романе «Анна Каренина»: *е. б. ж.* — «если буду жив».

Словообразование и синтаксис

Связь словообразования с синтаксисом проявляется в том, что отношения между элементами производного слова аналогичны отношениям слов в словосочетаниях и предложениях.

При таких способах деривации, как сращение (лексико-синтаксический способ) и сложение, слова образуются на базе словосочетаний (*снег падает* → *снегопад*, *пешком ходить* → *пешеход*; *сего дня* → *сегодня*, *мало изученный* → *малоизученный*). В сложных словах и сращениях имеются синтаксические отношения между составляющими основами, например, субъектно-предикатные (*снегопад*), объектно-субъектные (*пылесос*). Во многих словах, имеющих более одного корня, представлены такие синтаксические отношения, как согласование (*первоисточник*), управление (*сумасшедший*), примыкание (*вечнозеленый*). В сложносоставных словах типа *диван-кровать*, *вагон-ресторан* имеются определительные отношения между компонентами. При суффиксальной универбации происходит компрессия словосочетаний (*открытое письмо* → *открытка*; *наличные деньги* → *наличка*).

Словообразование и фонетика

Все слова, которые появляются в результате словообразования, имеют фонетические характеристики, так как состоят из фонем и аллофонов.

Среди различных средств словообразования имеются и морфологические средства: на стыке морфем (на морфемном шве), а иногда и внутри корня появляются чередования — как исторические (х // ш: *сухой* — *сушить*, е // и: *стереть* — *стирать*, е // ю: *лев* — *львиный*, о // а: *спорить* — *оспаривать*), так и фонетические (б // п: [дуп] — [дубок], н // н': *красный* — *крас[н']енький*, о // а: [вада] — [водный]). Исторические чередования иногда возникают по аналогии значительно позже того времени, когда они определялись фонетическими причинами (*аптека* — *аптечный*, *Петербург* — *петербургский*).

При словообразовании может происходить усечение производящих основ или других формантов (*палец* — *беспалый*; *об* + *вернуть* → *обернуть*, *окно* → *окошко*), наложение морфем (*коричнев-* + *-еватый* → *коричневатый*), метатеза, то есть перестановка фрагментов слова (*долонь* → *ладонь*).

Одним из словообразовательных средств является ударение (*насыпать* → *насы́пать*, *кру́гом* → *круго́м*, *жа́ркое* — *жарко́е*). Часто ударение является не самостоятельным, а сопутствующим средством словообразования. Например, у существительных типа *красота*, *чистота* ударение всегда перемещается с корня на оконча-

ние, а у глаголов совершенного вида приставка *вы-* всегда ударна (*выскочить, выяснить, вымыть*).

При образовании сращений одно из производящих слов утрачивает ударение (*сейчас → сейчас, с ума шедший → сумасшедший*).

Новые слова иногда появляются в результате распада фонетических вариантов слова на самостоятельные лексические единицы: *невежда* и *невежа, отечество* и *отчество, агитация* и *ажитация*.

Связь словообразования с фонетикой имеется и в тех случаях, когда слова образуются на основе звукоподражания (*мяукать, жуужжать, мычать*).

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основной функцией словообразования является пополнение словарного состава языка. Однако для каждого субъекта речи, устной или письменной, актуальна не столько эта глобальная задача, сколько потребность выразить свои мысли и чувства. В соответствии с прагматическими задачами субъектов речи, Е. А. Земская выделяет такие функции словообразования:

- а) собственно номинативная,
- б) конструктивная,
- в) компрессивная,
- г) экспрессивная,
- д) стилистическая.

Далее Е. А. Земская поясняет: «Эти пять функций словообразования отражают различные коммуникативные установки говорящего: 1) создать необходимое наименование; 2) изменить синтаксическое построение речи; 3) произвести более краткую номинацию; 4) получить экспрессивную форму выражения; 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи, т. е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения»¹.

Собственно номинативная функция заключается прежде всего в том, что производное слово называет какую-либо новую для своего времени реалию: *телефон, ксерокопия, эсэмэска, сканировать, растишка*. При авторском словообразовании иногда создаются слова для обозначения не столько новых явлений, сколько для того, чтобы выразить новый взгляд на привычные предметы, свойства, действия, например, в стихотворении Александра Крестинского «Ода кухне»:

**Кухня, слухня, разговорня,
Доверяльня, хорня, спорня,**

¹ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 4-е. М., 2009. С. 8.

Клуб каютный, клуб уютный,
За окошком сумрак мутный.

Конструктивная функция направлена на создание таких производных слов, которые отличаются от производящих не значением производящей основы, а принадлежностью к другой части речи: *болтать* → *болтовня*, *стрелять* → *стрельба*, *белый* → *белизна*, *сила* → *сильный*, *озорник* → *озорничать*.

Компрессивная функция состоит в сокращении номинативных единиц, которые уже есть в языке. На этой функции основаны такие способы словообразования, как аббревиация (*СПбГУ*, *завкафедрой*, *сисадмин*), усечение слов и словосочетаний (*надо* ← *надобно*, *комп* ← *компьютер*, *спасибо* ← *спаси*, *Бог*), создание суффиксальных универбатов (*сгущенка* ← *сгущенное молоко*, *зачетка* ← *зачетная книжка*, *обменник* ← *пункт обмена валюты*, *квартирник* ← *квартирный концерт*), субстантивация (*столовая* ← *столовая комната*, *выходной* ← *выходной день*, *заливное* ← *заливное блюдо*), метафорическое словообразование (*обезьянничать* ← *вести себя как обезьяна*, *проворонить* ← *оказаться подобным вороне из басни И. А. Крылова, которая выронила сыр*), метонимическая номинация (*ролики* ← *роликовые коньки*, *плазма* ← *плазменный телевизор*, *цифра* ← *цифровой фотоаппарат*).

Экспрессивная функция состоит в том, что производное слово создается для выражения экспрессивно-эмоциональной, чаще всего субъективной оценки лица, свойства, действия (*деваха*, *девонька*, *тётка*, *дочурка*, *домище*, *здоровьишко*, *злющий*, *сказануть*). При экспрессивной функции потребность в номинации определяется прежде всего отношением говорящего или пишущего к тому, что он называет. Экспрессивная функция словообразования осуществляется преимущественно в разговорной речи, экспрессивном просторечии, жаргоне.

Стилистическая функция заключается в том, что производное слово отличается от производящего только стилистической окраской, но при этом не выражает экспрессии. Е. А. Земская приводит такие примеры, как *табуретка*, *коленка*, *селедка*, *свечка* (ср. *табурет*, *колено*, *сельдь*, *свеча*), *замерить*, *заснять* (ср. *мерить*, *снять* [эпизод фильма]), *кобыла* и книжн. *кобылица*.

В ряде случаев разные функции словообразования совмещаются, например, компрессивная функция со стилистической (*компьютер* → *комп*, *преподаватель* → *препод* → *преп*). Кроме того, помимо собственно номинативной функции и все прочие сопутствуют номинации.

Е. В. Петрухина указывает и такую функцию словообразования, как **адаптирующая функция**. Ее суть заключается в том, что «в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории

и типы не только не разрушаются, и не модифицируются и практически не пополняются заимствованными деривационными моделями, но и легко перерабатывают иностранные инновации, адаптируя их к русской словообразовательной системе. Последняя пополняется новыми деривационными гнездами на базе иноязычных неологизмов, образованных как по имеющимся продуктивным словообразовательным моделям, так и по моделям композитов, которые активизировались лишь в последние годы. Ср.: *демпинг* — *демпинговый*, *антидемпинговый*, *демпинговать*, *демпингование*, *демпинговость*; *бренд* — *брендить*, *брендиться*, *брендированный*, *брендирование*, *забрендировать*, *брендовый*, *мультибрендовый*; *демпинг-политика*, *демпинг-стратегия*, *бренд-коммуникационный*, *бренд-арт*¹.

ПРОБЛЕМА СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ В ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Синхроническое словообразование изучает и описывает явления, свойственные определенному этапу развития языка, преимущественно современному: отношения между производящими и производными единицами языка без опоры на их этимологию, связи родственных слов, осознаваемые носителями языка, свойства современной словообразовательной системы.

Диахроническое словообразование изучает и описывает процессы, относящиеся к истории языка: этимологию слов, изменения в их морфемной структуре, отношения родственных слов в историческом развитии, формирование и развитие словообразовательной системы.

Разграничение диахронических и синхронических явлений в словообразовании — вопрос спорный. Сторонниками разграничения являются, например, Н. М. Шанский, Е. А. Земская. А. Н. Тихонов, А. И. Моисеев и многие другие лингвисты, и эта точка зрения, преобладавшая во второй половине XX века, отражена во многих учебниках по словообразованию. Против отдельного описания истории словообразования и его современного состояния высказываются О. Н. Трубачев, В. И. Максимов, Г. А. Николаев и др.

Смысл различения диахронии и синхронии в словообразовании объясняет Т. Н. Вольнец: «... оказалось, что при синхронном описании современной словообразовательной системы выделяются одни способы словообразования, а при диахроническом под-

¹ *Петрухина Е. В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов» М., 2010. С. 424—425.

ходе — другие. Так, к области диахронического (исторического) словообразования были отнесены те способы русского словопроизводства, для функционирования которых необходимо несколько временных периодов — **лексико-семантический**, частично **лексико-синтаксический** (образование слов типа *тотчас*, *сумасшедший*), частично **морфолого-синтаксический** (все случаи перехода из одной части речи в другую, кроме субстантивации, которая продуктивна в современном словообразовании). Производные слова, образованные этими способами, появляются в языке не сразу, а постепенно, в результате длительного исторического развития. Процесс образования их всегда индивидуален, лишен каких-либо типизированных свойств и нерегулярен в своем проявлении»¹.

Однако на практике провести четкую границу между диахронией и синхронией в словообразовании крайне проблематично, и эту трудность признают не только противники, но и сторонники раздельного изучения диахронических и синхронических явлений в словообразовании. Во-первых, потому что образование новых слов из уже существующих языковых единиц — это всегда какое-то изменение, во-вторых, опора на языковое сознание современных носителей языка, — критерий весьма ненадежный. Разные люди, в том числе лингвисты, по-разному воспринимают степень смысловой близости исторически родственных слов.

В этом отношении стоит обратить внимание на высказывание О. Н. Трубачева, одного из самых авторитетных лингвистов: «... словообразование в своей сущности исторично и поэтому принадлежит к той же области, что и этимология. Думается, что уже разница в терминах сигнализирует приложимость / неприложимость синхронного подхода, ср.: фонология, морфология, но **словообразование**. Фонология и морфология могут по праву быть синхронными при условии, если они занимаются не фонемо-**образованием** или морфемо-**образованием** (= диахронический аспект этих дисциплин), а функционированием соответствующих уровней. Это делает ясным ответ, что слово-**образование** (выделено автором. — Л. З.), вопреки всем ухищрениям, — диахроническая, историческая отрасль, синхронный подход возможен лишь в аспекте функционирования словообразовательных моделей. <...> стремление во что бы то ни стало остаться в рамках синхронного метода оборачивается для исследования упрощением языковой действительности, дает в результате неполноценную научную истину. <...> Либо необходимо применять понятие синхронного словообразовательного процесса с такой степенью строгости, на которую исследование

¹ *Вольнец Т. Н.* Современный русский язык. Способы словообразования. Минск, 2003. С. 6.

практически не способно, либо отказаться от этого понятия, признав его фиктивным (см. выше), и заниматься функционированием готовых словообразовательных моделей, опять-таки с существенными оговорками, в частности, изучать не их словопроизводство, что было бы снова фикцией, с точки зрения синхронии, а их соотносительность»¹.

И. С. Улуханов, не отрицая различия исторических и современных процессов в словообразовании, предлагая даже использовать термин «производность» только применительно к диахронии, а термин «мотивация» — к синхронии, считает продуктивным синхронно-диахроническое описание языка: «Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия»².

В конце XX и в начале XXI века сторонников комплексного изучения фактов исторического и современного словообразования становится все больше, и, можно сказать, сейчас побеждает именно эта точка зрения. И. Г. Добродомов пишет: «Укрепившаяся в нашем языкознании традиция противопоставления по-сосюровски синхронии и диахронии носит ущербный характер: два этих подхода вместо взаимного дополнения оказались оторванными друг от друга, что обусловлено не столько принципиальными соображениями, сколько недостаточной осведомленностью синхронистов в истории языка и сосредоточенностью историков языка на динамике исторических процессов в далеком прошлом с редким доведением их до современности, а также невниманием к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений»³.

Раздел 2

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО

Главным объектом изучения в словообразовании является **производное слово** в его отношении к производящим единицам языка.

Главным признаком производного слова является его мотивированность.

¹ *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 147.

² *Улуханов И. С.* Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 5.

³ *Добродомов И. Г.* Еще раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 103.

Производные (мотивированные) слова — это такие слова, которые образованы от других языковых единиц (преимущественно от слов и словосочетаний¹) с тем же корнем. Структура и значение производных слов обусловлены, то есть мотивированы, структурой и значением производящих (мотивирующих) единиц.

Производные слова формально и семантически сложнее, чем однокоренные производящие. Например, слово *сторожка* формально сложнее слова *сторож*, так как в нем есть суффикс *-к-*, которого нет у слова *сторож*. Семантически слово *сторожка* тоже сложнее, так как содержит компонент ‘помещение’, отсутствующий у слова *сторож*.

При нахождении производного слова принято применять критерий Г. О. Винокура: «...значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы...»². В соответствии с этим критерием слово *сторожка* должно быть определено как ‘помещение для сторожа’, слово *дождевик* — как ‘плащ для защиты от дождя’, слово *обезьянничать* как ‘подражая кому-либо, вести себя подобно обезьяне’. Однако этот критерий все же не универсален: определение слова *подосиновик* как ‘гриб, растущий под осинной’, недостаточно и неточно, так как, во-первых, не указывает на специфические свойства гриба: под осинной могут расти и другие грибы, и не только грибы, а во-вторых, подосиновики растут не только под осинами; определение прилагательного *перочинный* (нож) как ‘нож, предназначенный для очинки перьев’ неверно для современного русского языка, *черника* — ягода не черная, а синяя³. Актуальное лексическое значение слова далеко не всегда совпадает с его внутренней формой (исторически первичным значением). Поэтому в реальности применение критерия Г. О. Винокура скорее декларируется, чем осуществляется на практике.

В рамках словообразования как самостоятельного раздела науки изучаются следующие вопросы:

- 1) от какой языковой единицы произведено слово;
- 2) какой тип мотивированности в нем представлен;
- 3) каким способом образовано слово;

¹ В некоторых случаях возможно образование слов и от других языковых единиц, например, от звуков: *окать, цокать*, морфем: «символизм, акмеизм и прочие *измы*», фрагментов слов, не совпадающих с морфемами: *замдиректора*.

² Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку. М., 1959. С. 425.

³ Недостаточность и неточность таких определений в некоторых случаях может быть компенсирована уточнениями: *подосиновик* — ‘гриб, растущий преимущественно под осинной’; *перочинный* (нож) — ‘нож, который раньше был предназначен для очинки перьев’.

- 4) какие слова могут быть произведены от него;
- 5) каково словообразовательное значение слова;
- 6) какова связь производного слова с другими уровнями языка;
- 7) какое место производное слово занимает в словообразовательной системе языка, то есть в какие комплексные единицы словообразовательной системы оно включается;
- 8) какова степень продуктивности словообразовательных средств, способов, типов, моделей и категорий;
- 9) каковы стилистические характеристики производного слова.

Производящие (мотивирующие) единицы языка — это такие единицы, которыми обусловлены структура и значение производных (мотивированных) слов.

При словообразовательном анализе в первую очередь выделяют производящую основу мотивирующего слова или другой языковой единицы.

Производящая основа (производящая база) представляет собой ту часть мотивирующего слова, которая входит и в мотивированное. Производящая основа не всегда совпадает с основой слова, выделяемой при морфемном анализе. Например, производящей основой слова *доисторический* является не часть *доисторическ-*, а всё прилагательное *исторический*, производящая основа слова *объяснительный* — не часть *объяснительн-*, а глагол *объяснить*. По этой причине, а еще потому, что возможно образование слов от словосочетаний и других языковых единиц, более универсальным и точным, чем термин «производящая основа», является термин «производящая база».

Бывают случаи, когда мотивирующая языковая единица не полностью совпадает с производящей базой. Например, слово *маршрутка* мотивировано словом *маршрут*, а производящей базой является сочетание *маршрутное такси*.

Производные слова отличаются от производящих единиц словообразовательными формантами.

Словообразовательный формант (дериватор) — это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство, которым производное слово отличается от производящей базы. Чаще всего словообразовательными формантами являются аффиксы и комбинации аффиксов. Но кроме того, словообразовательными формантами могут быть такие средства словообразования, которые не имеют материального (буквенного или звукового) выражения. Н. А. Николина, Е. А. Фролова и М. М. Литвинова перечисляют следующие словообразовательные форманты:

- 1) аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы и их комбинации — *перечитать*; *читатель*; *учиться*; *разбежаться*);
- 2) сокращение (усечение) производящей основы (*специалист* → *спец*; *магнитофон* → *маг*);

- 3) устойчивый порядок компонентов при сложении и единое главное ударение (*быстрорастворимый*; *вагон-ресторан*);
- 4) изменение (обычно сужение) морфологической парадигмы (то есть системы грамматических форм) слова, связанное с переходом из одной части речи в другую (*мороженое, ученый, кругом* — существительное → наречие → предлог)¹.

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ МОТИВАЦИИ

Типы (виды) языковой мотивации устанавливаются по следующим критериям.

1. Способ мотивации: прямая, метафорическая и переносная.
2. Степень структурной близости к анализируемому слову.
3. Средство мотивации: фонетическая, морфологическая, семантическая.
4. Количество формантов (словообразовательных средств), которыми мотивированное слово отличается от немотивированного.
5. Количество возможных непосредственно мотивирующих слов для одного мотивированного.

По способу мотивации различают мотивацию прямую, метафорическую и переносную.

- 1) **Прямая (абсолютная) мотивация** заключается в том, что значение производного слова основано на прямом значении мотивирующего слова. Например, прямая мотивация представлена в словообразовательных парах *смеяться* → *засмеяться*; *море* → *моряк*. Прямая мотивация может быть полной (основной) и неполной (периферийной).

а) **Полная (основная) мотивация** — это мотивация, при которой значение мотивирующего слова целиком включается в значение мотивированного, например, *поляна* → *полянка* — ‘небольшая поляна’; слово *подоконник* — ‘доска в нижней части оконного проема’ — целиком включает в себя значение слова *окно*, в слова *тигрица*, *тигрёнок* полностью входит значение слова *тигр*.

б) **Неполная (частичная, периферийная) мотивация** — это мотивация, при которой производное слово имеет общий семантический компонент с производящим, но мотивация деривата лишь частично определяется значением мотивирующего слова. Значение деривата может быть и шире, и уже значения мотивирующего слова. Например, слово *сапожник* не полностью мотивировано словом *сапоги*, так как сапожник делает или чи-

¹ Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М. Словообразование современного русского языка. М., 2005. С. 76.

нит разную обувь, а не только сапоги и не обязательно именно сапоги. В этом случае значение производного слова шире, чем значение производящего. Слово *варенье* лишь частично мотивировано глаголом *варить*, так как существительное *варенье* обозначает не всё, что варят, а только сладкое блюдо из ягод и фруктов, иногда из овощей — значение производного слова уже, чем значение производящего.

- 2) **Метафорическая мотивация** — это мотивация, при которой метафорическое значение производного слова не наследуется от производящего, а появляется только в производном: *змея* → *змеёвик* ‘изогнутая трубка, похожая на змею’; *ёрш* → *ершистый* ‘неуступчивый, обидчивый’.
- 3) **Переносная мотивация** — это мотивация, которая наследуется производным словом от метафорического значения производящего: *свинья* ‘перен. бессовестный человек’ → *свинство* — ‘поведение, характеризующее человека как бессовестного’; *каркать* ‘перен. предсказывать что-нибудь плохое’ → *накаркать* — ‘предсказать что-нибудь плохое’.

По средству мотивации выделяются мотивация фонетическая, морфологическая и семантическая.

- 1) **Фонетическая (звуковая) мотивация** свойственна звукоподражательным словам (ономатопеям), например, *мяу*, *ку-ку*, *чик-чирик*, *ква-ква*, *шу-шу* и производным от звукоподражаний: *мяукать*, *мяуканье*, *куковать*, *кукушка*, *чирикать*, *чириканье*, *квакать*, *кваканье*, *расквакаться*, *квакушка*, *шушукаться*, *шушуканье*.
- 2) **Морфологическая мотивация** устанавливается на основе связи между значением слова и его морфологической структурой — в тех случаях, когда мотивация производного слова осуществляется словообразовательными средствами: *чернила* → *чернильница*, *подарить* → *подарок*, *принцип* → *беспринципный*, *сад* → *садовый*, *карман* → *прикарманить*. При указании на морфологическую мотивированность учитывается лексический аспект мотивации (например, то, что слово *беспринципный* мотивировано словом *принцип*) и структурный (слово *беспринципный* мотивировано рядом слов с такой же структурой: *бесхарактерный*, *бессовестный*, *бездушный* и т. п.). В таких случаях употребляются и термины «**лексическая мотивированность**», «**структурная (словообразовательная) мотивированность**».
- 3) **Семантическая мотивированность** имеется в случаях образования производных слов только изменением лексического значения производящих. Разновидности такого изменения: **метафора** (*лиса* ‘животное’ → *лиса* ‘хитрый человек’), **метонимия** (*лиса* ‘животное’ → *лиса* ‘воротник из лисьего меха’), **семантическая**

конденсация (семантическое включение, гипонимическое сужение значения) (*температура* ‘величина, характеризующая тепловое состояние чего-нибудь’ → *температура* ‘повышенная температура как симптом болезни’; *варенье* ‘процесс приготовления пищи в кипящей воде’ → *варенье* ‘сладкое блюдо из сваренных ягод или фруктов’).

- 4) **Фразеологическая мотивированность** наблюдается при образовании слов из словосочетаний (*железная дорога* → *железнодорожный*; *ничего не делать* → *ничего неделание*; *Дон Кихот* → *донкихотствовать*).

По количеству формантов, которыми мотивированное слово отличается от мотивирующего, различаются непосредственная мотивация и опосредованная (косвенная) мотивация.

- 1) **Непосредственная мотивация** — это мотивация, при которой производное слово отличается от производящего только одним формантом. Например, в словообразовательной цепочке *соль* → *солить* → *посолить* → *посол* слово *посол* непосредственно мотивировано глаголом *посолить*; в цепочке *свет* → *светить* → *светильник* слово *светильник* непосредственно мотивировано глаголом *светить*.
- 2) **Опосредованная (косвенная) мотивация** — это мотивация, при которой производное слово отличается от производящего совокупностью формантов. Например, в словообразовательной цепочке *соль* → *солить* → *посолить* → *посол* слово *посол* опосредованно мотивировано существительным *соль*; в цепочке *свет* → *светить* → *светильник* слово *светильник* опосредованно мотивировано существительным *свет*.

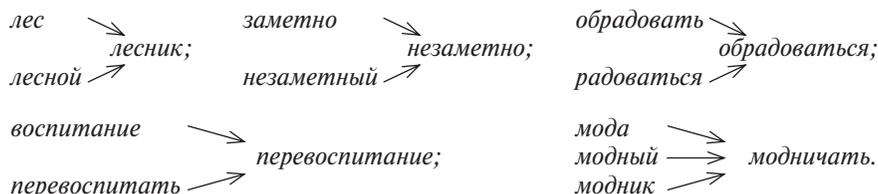
Это положение не касается слов, образованных суффиксально-префиксальным способом (типа *разгуляться*, *беспринципный*), так как в акте деривации таких слов суффиксально-префиксальный комплекс участвует как единое словообразовательное средство. Мотивацию слова *разгуляться* глаголом *гулять* и слова *беспринципный* существительным *принцип* следует считать непосредственной, так как в нормативном русском языке нет слов **разгулять*, **принципный*; соответственно, ближайшими мотивантами являются глагол *гулять* и существительное *принцип*.

По количеству возможных непосредственно мотивирующих слов для одного мотивированного различаются **единственная мотивация (единичная, мономотивация)** и **множественная (полимотивация)**, в частности, **двойная и тройная**.

- 1) **Единственная мотивация** — это мотивация, при которой производное слово соотносится по форме и по смыслу только с одним

производящим, например, *дождь* → *дождливый*, *друг* → *дружить*, *снег* + *падать* → *снегопад*.

- 2) **Множественная мотивация** — это мотивация, при которой производное слово с равной вероятностью может быть соотнесено и по форме, и по смыслу с двумя или более производящими, например:

Перечисленные типы языковой мотивированности представлены в конкретных словах не изолированно, а комплексно, в разных комбинациях. Например, мотивация слова *сапожник* — прямая, неполная, гиперонимическая, морфологическая, множественная (от *сапог* и от *сапожный*); мотивация слова *проморгать* ‘пропустить что-то важное’ — непрямая, семантическая, метафорическая, морфологическая, непосредственная, единственная; *шапкозакидательство* — непрямая, метафорическая, морфологическая, фразеологическая, непосредственная, единственная.

При выборе одной из множественных мотиваций следует иметь в виду, что словообразовательный формант, способ словообразования и морфемное членение производного слова могут зависеть от конкретной мотивации. Например, в паре *воспитание* → *перевоспитание* представлен префиксальный способ словообразования, так как словообразовательным формантом является приставка, а в паре *перевоспитать* → *перевоспитание* — суффиксальный, так как словообразовательный формант — суффикс; в паре *мода* → *модничать* слово членится так: *мод-нича-ть*, в паре *модный* → *модничать* — так: *модн-ича-ть*; в паре *модник* → *модничать* — *моднич-а-ть*.

В зависимости от того, какая из мотиваций полимотивированного слова выбирается для его толкования, слово может быть определено по-разному:

модничать ← *мода* — ‘следовать моде’;
модничать ← *модный* — ‘стараться быть модным’;
модничать ← *модник* — ‘быть модником’.

И. А. Ширшов отметил наиболее частые случаи множественной производности:

- «1) производные существительные, соотносительные одновременно с возвратным и невозвратным глаголами совершенного

- и несовершенного видов (*возвышение* ← *возвышать*, *возвышение* ← *возвышаться*, *возвышение* ← *возвысить* и *возвышение* ← *возвыситься*);
- 2) производные существительные, соотносительные одновременно с префиксальными прилагательными и беспрефиксными существительными (*нечёткость* ← *нечёткий* и *нечёткость* ← *чёткость*);
 - 3) сложные существительные, соотносительные одновременно со сложным прилагательным и существительным, являющимся вторым компонентом производного слова (*малоупотребительность* ← *малоупотребительный* и *малоупотребительность* ← *употребительность*);
 - 4) производные существительные, соотносительные одновременно с суффиксальными и бессуффиксными (чаще всего — непроизводными) существительными (*бессильный* ← *бессилие* и *бессильный* ← *сила*);
 - 5) производные прилагательные, соотносительные одновременно с разными однокорневыми суффиксальными существительными, находящимися в отношениях кодеривации (*террористический* ← *террорист* ← *террор* и *террористический* ← *терроризм* ← *террор*; *педагогический* ← *педагог* и *педагогический* ← *педагогика*);
 - 6) производные прилагательные, соотносительные одновременно с суффиксальными и бессуффиксными существительными (*игольчатый* ← *иголка* и *игольчатый* ← *игла*);
 - 7) производные прилагательные, соотносительные одновременно с суффиксальными прилагательными и бессуффиксными существительными (*бесклассовый* ← *классовый* и *бесклассовый* ← *класс*);
 - 8) производные глаголы, соотносительные одновременно с суффиксальными и бессуффиксными (чаще всего — непроизводными) существительными (*соседствовать* ← *соседство* и *соседствовать* ← *сосед*);
 - 9) производные глаголы, соотносительные одновременно с существительными, прилагательными и наречиями (*умничать* ← *умник*, *умничать* ← *ум*, *умничать* ← *умный* и *умничать* ← *умно*);
 - 10) производные наречия, соотносительные одновременно с префиксальными прилагательными и беспрефиксными наречиями (*бесперспективно* ← *бесперспективный* и *бесперспективно* ← *перспективно*)¹.

¹ *Ширинов И. А.* Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1981.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВОДНОСТИ

1. Производным (мотивированным) чаще всего является слово, основа которого формально сложнее, то есть содержит больше морфем и фонем, чем производящая языковая единица: *утюг* → *утюжок*, *снег* → *снежинка*, *пять* → *пятёрка*, *борода* → *бородатый*, *брат* → *братский*, *завтра* → *завтрашний*, *думать* → *придумать*, *мыть* → *мыться*.
2. При одинаковой формальной сложности членов словообразовательной пары производным считается слово с большей семантической сложностью, то есть такое слово, значение которого определяется через другое слово: *физика* → *физик* ('человек, который занимается физикой'), *монтажник* → *монтажница* ('женщина-монтажник'). В этом и подобных случаях следует иметь в виду нулевое окончание: слова *физик* и *физика* имеют равную формальную сложность по наличию в них количества морфем, при том, что количество фонем в слове *физик* меньше. Семантический критерий при установлении направленности производности является приоритетным и в тех случаях, когда исходная языковая единица формально сложнее: *филология* → *филолог*, *астрономия* → *астроном*.
3. Если члены словообразовательной пары относятся к разным частям речи, то
 - а) в парах «глагол — отглагольное существительное» производным признается существительное (*ныть* → *нытьё*, *гудеть* → *гудок*), даже если оно формально проще глагола (*плакать* → *плач*, *смеяться* → *смех*, *атаковать* → *атака*);
 - б) в парах «прилагательное — отаггективное существительное» производным считается существительное — независимо от его большей или меньшей формальной сложности (*высокий* → *высота*; *высокий* → *высь*; *синий* → *синева*; *синий* → *синь*).
4. Стилистически маркированное слово всегда производно по отношению к стилистически нейтральной языковой единице — независимо от его большей или меньшей формальной сложности (*высокий* → *высоченный*, *цветок* → *цветик*, *заместитель* → *зам*, *компьютер* → *комп*, *наличные деньги* → *наличка*).

РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ФОРМАЛЬНОЙ И СМЫСЛОВОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ

В некоторых случаях имеется расхождение между формальной и смысловой производностью слова, то есть нарушение единства формальной и смысловой связи производного и производящего

слов. Это явление вызвано тем, что в акте словообразования используются готовые структуры, семантически связанные с производным словом лишь опосредованно.

Несовпадение формальной производности со смысловой встречается в таких случаях, когда производное слово связано с одним производящим по форме, а с другим — по значению. Например, существительное *пограничник* формально ближе к прилагательному *пограничный*, так как содержит приставку *по-*, и суффикс *-н-*, входящие в прилагательное, а по значению слово *пограничник* больше связано с существительным *граница*: *пограничник* — ‘тот, кто несет службу на границе’.

Прилагательное *французский* формально производно от существительного *француз*, так как в него входит суффикс *-уз-*, а семантически — от существительного *Франция*, так как значение слова *французский* — ‘такой, который имеет отношение к *Франции*’.

Наречие *по-детски* формально производно от прилагательного *детский*, о чем свидетельствует суффикс прилагательного *-ск-*, а семантически — от существительного *дети*, потому что значение наречия *по-детски* — ‘так, как свойственно детям’.

Наречие *вприпрыжку* формально (и исторически) производно от существительного **припрыжка*, а по смыслу — от глагола *прыгать*, поскольку на уровне синхронии слово **припрыжка* в норме отсутствует.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Производное слово как основная единица словообразовательного уровня языка имеет не только лексическое и грамматическое значение, но и словообразовательное (деривационное).

Словообразовательное значение — это обобщенное значение слов с одинаковой словообразовательной структурой.

Примеры словообразовательного значения:

домик, столик, гвоздик — уменьшительность;

горошина, фасолина, соломина — единичность;

закричать, запеть, зашуметь — начинательность действия;

закрывать, запрягать, забросить — результативность действия;

моргнуть, прыгнуть, свистнуть — однократность действия;

сесть, взростеть, ржаветь — становление признака;

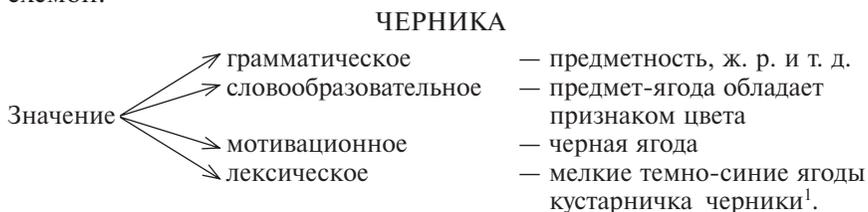
бородатый, хвостатый, усатый — присутствие в виде характерного признака того, что названо мотивирующим словом.

Словообразовательное значение выражается с помощью словообразовательного форманта (словообразовательного средства) и устанавливается сопоставлением производного слова с производящим.

Дискуссионным является вопрос о том, какие языковые единицы обладают словообразовательным значением — производные слова или словообразующие форманты. Преимущественная точка зрения: словообразовательным значением обладают производные слова.

Словообразовательное значение отличается от лексического тем, что лексическое значение индивидуально для каждого слова, а словообразовательное является общим для ряда слов.

Отличие словообразовательного значения от лексического, грамматического и мотивационного О. И. Блинова иллюстрирует схемой:

Чешский лингвист Милош Докулил распределил словообразовательные значения по трем основным типам: модификационные, мутационные и транспозиционные². Эта классификация принята русской лингвистикой с некоторыми уточнениями и дополнениями.

1. **Модификационное словообразовательное значение** имеется в тех случаях, когда в производном слове содержится дополнительный (модифицирующий) компонент значения, которого нет в производящем. Например, словообразовательное значение слова *учительница* — модификационное значение женскости, отсутствующее в производящем слове *учитель*; слова *гусенок* — модификационное значение невзрослости, которого нет в слове *гусь*, слова *снежинка* — модификационное значение единичности.
2. **Мутационное словообразовательное значение** свойственно словам, которые называют иной предмет, признак, действие и т. д. по сравнению с тем, что названо производящим словом. При этом номинация предмета, признака, действия и т. д. осуществляется по характерному для него признаку (*сахар* — *сахарница*, *ползть* — *ползунки*, *кошка* — *кошачий*, *три* — *тройка*). Частеречная принадлежность производного и производящего может и различаться (*мыть* — *мыло*), и совпадать (*чай* — *чайник*). Мутационное словообразовательное значение называют еще и предметно-характеризующим.

¹ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. М., 2010. С. 42.

² Докулил М. Tvořeni slov v češtině. Praha, 1962. Т. 1 (Резюме на русском языке).

3. **Транспозиционное словообразовательное значение** имеется у таких производных слов, лексические значения которых полностью соответствуют значению производящих, но выражены другой частью речи (*улыбаться* — *улыбка*, *ум* — *умный*, *плавать* — *плавание*). Транспозиционное словообразование называют и термином «**синтаксическая деривация**».

Е. А. Земская выделила еще и **синтагматическое словообразовательное значение**. Оно свойственно сложным словам, сращениям, аббревиатурам и «сводится к идее соединения составляющих производное простых основ», например. В «Русской грамматике» (1980) это значение названо **соединительным** и проиллюстрировано примерами *лесостепь*, *перекати-поле*, *видеозапись*, *автоматоклуб*; *стенгазета*, *вуз*, *немогузнайка*; *ярко-красный*, *вышеназванный*, *плащ-палатка*.

В соответствии со словообразовательными значениями употребляются термины «модификационная деривация» («модификационное словообразование»), «мутационная деривация» («мутационное словообразование»), «транспозиционная деривация» («транспозиционное словообразование»).

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Фразеологичность (идиоматичность) семантики производного слова — это несводимость лексического значения слова к совокупности значений его морфем. Например, морфемы слова *черника* ни по отдельности, ни в совокупности не указывают на то, что это название ягоды; морфемы слова *рыжик* не указывают на то, что так называется гриб; морфемы слова *электричка* — на то, что это название поезда. Ничто формально не указывает на то, что *сушь* — это продолжительное отсутствие дождей; *суша* — часть земной поверхности; *сушка* — специально выпекаемое мучное изделие круглой формы с отверстием; *сухарь* — высохший или специально высушенный кусок хлеба; *сушина* — дерево, высохшее на корню; *сушилка* — инструмент или устройство для сушки чего-либо. В таких случаях компоненты значения ‘ягода’, ‘гриб’, ‘поезд’, ‘мучное изделие’, ‘дерево’, ‘инструмент’, не выраженные формально, являются семантическими приращениями.

Фразеологичности семантики производного слова приводит к тому, что структурно подобные слова могут принадлежать к разным лексико-семантическим группам, например:

дневник — ‘тетрадь для регулярных записей’;
вечерник — ‘студент вечернего отделения’;
утренник — ‘праздник в детском саду’;
ночник — ‘прикроватная лампочка’.

Фразеологичностью семантики производного слова определяется наличие омонимов:

полька — 1) ‘женщина польской национальности или гражданка Польши’; 2) ‘танец’;

песенник — 1) ‘тетрадь или книга, содержащая запись песен’; 2) ‘автор песен’;

грибница — 1) ‘зародышевая часть гриба, состоящая из тонких нитей; мицелий’; 2) ‘женщина, собирающая грибы’; 3) ‘грибной суп’;

косить — 1) ‘срезать траву косой’; 2) ‘иметь расфокусированное зрение’; 3) *жарг.* ‘обманом избегать службы в армии’;

косяк — 1) ‘брус дверной или оконной рамы’; 2) ‘клинообразная стая рыб или птиц’; 3) *жарг.* ‘ошибка’; 4) *жарг.* ‘порция наркотика’.

На фразеологичности семантики производного слова основано игровое переосмысление слов, например: *баранка* — ‘овца’, *волнушка* — ‘мелодрама’, *горбуша* — ‘верблюд’, *сквозняк* — ‘транзитный пассажир’, *земляк* — ‘червяк’, *вилаить* — ‘работать вилами’¹.

На фразеологичность слова впервые обратил внимание Ф. Ф. Фортунатов в 1901 году. Позже это явление рассматривалось в работах А. И. Смирницкого, М. В. Панова, Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, И. Г. Милославского, М. Я. Гловинской и многих других лингвистов.

О. П. Ермакова указывает, что фразеологичность семантики чаще всего свойственна предметным существительным с конкретным значением, реже она встречается у прилагательных и глаголов.

Раздел 3

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Академическая «Русская грамматика» (1980) дает такое определение способу словообразования:

«Способ словообразования — более крупная, чем **словообразовательный тип**, единица классификации, объединяющая ряд типов, характеризующихся одним и тем же видом форманта (например, префикс, суффикс, постфикс), в отвлечении от конкретных материальных воплощений этого форманта в разных типах»².

¹ См.: *Норман Б. Ю.* Этимологический словарь // Норман Б. Ю. Игра на грани языка. М., 2006. С. 283—337.

² *Русская грамматика: В 2 т. Т. 1.* М., 1980. С. 138.

Первое наиболее полное и систематизированное описание способов словообразования было разработано В. В. Виноградовым в начале 50-х годов XX века. В. В. Виноградов выделил **морфологический способ словообразования** (образование новых слов с помощью аффиксов) и **неморфологические способы** (лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический). Эта классификация стала основой дальнейшего изучения словообразования.

Впоследствии многие лингвисты (Г. О. Винокур, Н. М. Шанский, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, А. Н. Тихонов, В. И. Максимов, Э. И. Ханпира, А. Г. Лыков, Е. С. Кубрякова, В. М. Марков, Г. И. Николаев, Н. Д. Голев, В. И. Изотов и др.) уточнили некоторые теоретические положения и термины, выделили и описали новые способы словопроизводства, не отмеченные В. В. Виноградовым (в том числе при неузальной деривации — см. раздел «Неология»), обозначили немалое количество проблем в теории словообразования, в частности, проблему разграничения синхронии и диахронии в деривационных процессах (см. раздел «Историческое словообразование»).

Способы словообразования определяются по соотношению морфологического состава производного слова (или слов) с производящей базой.

Способы словообразования делятся на морфологические и неморфологические.

К морфологическим способам относятся аффиксальные и безаффиксные.

К неморфологическим способам относятся лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и лексико-семантический.

Морфологические (аффиксальные) способы словообразования

Морфологические (аффиксальные) способы словообразования выделяются по типам морфем (суффиксы, префиксы, флексии, постфиксы), которые имеются в производном слове, но отсутствуют в производящем. Например, слова *прическа*, *подставка* образованы суффиксацией, несмотря на то, что в них есть префиксы, потому что эти же префиксы имеются и в производящих словах *причесать*, *подставить*.

При определении способа словообразования следует иметь в виду, что возможна не единственная мотивация слова (полимотивация). Так, слово *переоценка* может быть образовано суффиксальным способом от слова *переоценить* или префиксальным способом от слова *оценка*.

Направление производности тоже не всегда очевидно. Например, существительное *пила* может быть образовано нулевой суффиксацией от глагола *пилить* или глагол *пилить* образован с помощью суффикса *-и-* от существительного *пила*.

В большинстве случаев (кроме неизменяемых слов — наречий, деепричастий, предлогов, частиц, междометий) словообразование осуществляется с участием флексий, в том числе нулевых. В названиях способов словообразования флексии традиционно не учитываются. Вопрос о статусе инфинитивного форманта *-ть* (*-ти*, *-чь*) в лингвистике является спорным: этот формант называют и суффиксом, и флексией.

Суффиксальный способ

Суффиксальный способ словообразования (суффиксация) — это образование слов присоединением суффикса к производящей основе, например, *кот* → *котёнок*, *хвост* → *хвостике*, *рыба* → *рыбак*, *воспитать* → *воспитатель*, *льстить* → *льстец*, *бедный* → *бедняга*, *черный* → *черника*, *переписать* → *переписчик*, *два* → *дважды*, *желтый* → *желтизна*, *просить* → *просьба*, *свет* → *светлый*, *город* → *городской*, *дом* → *домашний*, *шик* → *шикарный*, *борода* → *бородатый*, *риск* → *рисковать*, *чудовище* → *чудовищный*.

При суффиксации **словообразовательным формантом** является комбинация суффикса с флексией в тех случаях, когда образуются изменяемые слова.

У некоторых слов суффиксы или их фрагменты не имеют буквенного обозначения. Например, в словах *воскресенье*, *движение*, *питьё* суффиксальный звук [j] (йот) произносится, но не обозначается на письме.

Суффиксация — самый продуктивный способ словообразования в русском языке.

Суффикс обычно присоединяется не к целому слову, а к его основе, которая в словообразовательном акте называется **производящей основой**. В некоторых случаях наблюдаются морфологические явления: производящая основа не совпадает с основой слова, например, от основы слова отсекается ее часть (*низкий* → *низость*, *бороться* → *борьба*), обнаруживаются чередования звуков (*волк* → *волчица*, *друг* → *дружба*, *горох* → *горошина*, *лесть* → *льстить*, *зелёный* → *зеленеть*, *играть* → *сыграть*, *разыграть* → *розыгрыш*),

Современные лингвисты причисляют к суффиксальному словообразованию и **нулевую суффиксацию**: *синий* → *синь*, *тихий* → *тишь*, *гладкий* → *гладь*, *высокий* → *высь*, *глухой* → *глушь*, *подписать* → *подпись*, *бегать* → *бег*, *пускать* → *пуск*, *выходить* → *выход*, *вдох-*

нуть → *вздых*, *недоспать* → *недосып*, *рассказать* → *рассказ*, *задирать* → *задира*, *расплатиться* → *расплата*, *заслужить* → *заслуза*, *изменить* → *измена*, *густой* → *гуща*, *жидкий* → *жижжа*, *филология* → *филолог*, *биология* → *биолог*.

Для существительных типа *синь*, *бег* направление словообразования в синхронии, вероятно, противоположно диахроническому, поскольку естественно полагать, что слова с корневой основой, не осложненной суффиксами, исторически первичны.

К суффиксальному словообразованию относится и чрезвычайно продуктивная в современном русском языке, прежде всего в разговорной речи, **универбация (семантическая конденсация, семантическое включение)**: *зачетная книжка* → *зачетка*, *читальный зал* → *читалка*, *тушеное мясо* → *тушенка*, *грузовая машина* → *грузовик*, *мобильный телефон* → *мобильник*. Производящим элементом универбатов является не слово, а словосочетание, но, поскольку при классификации способов словообразования приоритетно внимание к производному слову, наличие суффиксов *-к-* или *-ик-* в универбатах при отсутствии этих суффиксов в производящих словосочетаниях позволяет видеть в них именно суффиксацию. Кроме того, исходные двухсловные наименования со временем выходят из употребления и забываются, как это произошло, например, со словами *открытка* (← *открытое письмо*), *раздевалка* (← *раздевальная комната*), *винтовка* (← *винтовое ружье*), и слова типа *открытка* воспринимаются как дериваты не словосочетания, а только его первого компонента.

Префиксальный способ

Префиксальный способ словообразования (префиксация) — это образование слов присоединением префикса (приставки) к производящему слову, например: *вредный* → *безвредный*, *весёлый* → *развесёлый*, *скверный* → *прескверный*, *лучший* → *наилучший*, *естественный* → *протиестественный*, *атлантический* → *трансатлантический*, *научный* → *псевдонаучный*, *порядок* → *беспорядок*, *друг* → *недруг*, *автор* → *соавтор*, *выборы* → *перевыборы*, *бабушка* → *прабабушка*, *заголовок* → *подзаголовок*, *циклон* → *антициклон*, *комфорт* → *дискомфорт*, *везти* → *привезти*, *оценить* → *переоценить*, *ссориться* → *поссориться*, *играть* → *разыграть*, *ёжиться* → *съёжиться*, *гнездиться* → *угнездиться*, *всегда* → *навсегда*, *важно* → *неважно*.

При таком способе словообразования префикс добавляется к целому слову, а не только к его основе.

В некоторых случаях наличие этимологической приставки в слове не является достаточным основанием для включения этого

слова в разряд префиксальных образований на уровне синхронии, например, слова *одолеть*, *безалаберно* не имеют современных производящих **долеть*, **алаберный*.

Слова типа *безголосый*, *безусый*, *бесхвостый*, *беззубый*, *безволосый* рассматриваются далее, в рубрике «Префиксально-суффиксальный способ словообразования», потому что для таких слов в современном языке нет производящих **голосый*, **усый*, **хвостый*, подобные прилагательные с приставками образуются от предложно-именных сочетаний *без голоса*, *без усов*, *без хвоста*, а суффикс в них считается нулевым. Такие слова не следует причислять к словам, образованным только префиксацией, и потому, что в их словообразовании участвуют флексии, которые не содержатся в производящих предложно-именных сочетаниях.

При определении способа словообразования следует учитывать и семантические препятствия. Например, семантическое несоответствие нового слова исходному свойственно слову *безголосый*. Этим прилагательным чаще называют человека, не лишённого голоса, а неспособного хорошо петь; слово *заоблачный* соотнесено с сочетанием *за облаками*, а не с прилагательным *облачный*, прилагательное *сверхзвуковой* (о самолёте) не произведено от прилагательного *звуковой*, поскольку звуковыми самолёты не называют. Поэтому слова *заоблачный*, *сверхзвуковой* образованы не префиксальным способом, а префиксально-суффиксальным от соответствующих предложно-падежных сочетаний.

Следует помнить, что если слово с приставкой образовано от другого слова с той же приставкой, такой способ не может считаться ни префиксальным, ни префиксально-суффиксальным, например: *причесать* → *прическа*, *загадать* → *загадка*, *отпускать* → *отпуск*, *послушаться* → *послушный*. Эти слова образованы суффиксацией.

Постфиксальный способ

Постфиксальный способ словообразования (постфиксация) — это образование слов присоединением постфикса к производящему слову, например: *стучать* → *стучаться*, *собирать* → *собираться*, *забавлять* → *забавляться*, *какой* → *какой-нибудь*, *куда* → *куда-то*, *кто* → *кто-либо*.

Постфиксы присоединяются не к основе производящего слова, а к целому производящему слову (у глаголов в личной форме они располагаются после флексии: *смеётся*), у неопределённых местоимений после падежного окончания (*какого-то*).

Наличие морфемы *-ся* у некоторых глаголов не является основанием для того, чтобы считать такие глаголы образованными

постфиксальным способом, поскольку у них в современном нормативном языке нет соотносительных производящих глаголов без *-ся*, например, *касаться*, *толпиться*, *мерещиться*.

Иногда при формальном сходстве в структуре возвратных и невозвратных глаголов наблюдается значительное семантическое расхождение между ними, например, *нести* ‘перемещать что-либо, взять в руки, нагрузив на себя’ и *нестись* ‘бежать очень быстро’, *проговорить* ‘сказать’ и *проговориться* ‘нечаянно выдать секрет’, *забирать* ‘брать кого-либо, что-либо откуда-либо себе, с собой’ и *забираться* ‘достигать труднодоступного места’, *собирать* ‘накапливать что-либо в каком-либо месте’ и *собираться* ‘иметь намерение сделать что-либо’. В таких случаях установить прямую производность возвратных глаголов от невозвратных крайне проблематично, следовательно, при очевидном наличии постфикса в словах *забирать-ся*, *собираться* считать способ их образования постфиксальным не следует. Далее подобные слова рассматриваются в рубрике «Префиксально-постфиксальный способ словообразования».

В некоторых учебных пособиях, особенно в школьных, постфиксы неопределенных местоимений *-то*, *-либо*, *-нибудь* называют частицами, однако частицы все же представляют собой отдельные слова (ср. частицу *либо* в поговорке *либо пан, либо пропал*). У постфикса *-нибудь* нет омонимичной частицы, а постфикс *-то* имеет в качестве омонимов и частицу (*то березка, то рябина*), и местоимение (*он хотел сказать не то*).

Префиксально-суффиксальный способ

Префиксально-суффиксальный способ словообразования (конфиксальный способ, конфикация) — это образование слов одновременным присоединением префикса и суффикса к производящей основе исходного слова, например: *осина* → *подосиновик*, *люди* → *безлюдье*, *работа* → *безработный*, *стол* → *настольный*, *город* → *загородный*, *беседовать* → *собеседование*, *курс* → *сокурсник*, *болтать* → *сболтнуть*, *простой* → *упростить*, *петь* → *напевать*, *новый* → *по-новому*.

Одновременное участие префикса и суффикса в образовании подобных слов позволяет считать комбинацию префикса и суффикса особым **словообразовательным средством** — **кóнфиксом** или **цírкумфиксом**.

Слова типа *подосиновик*, *настольный*, *безработный* считаются самыми типичными примерами префиксально-суффиксального способа словообразования. В таких случаях можно было бы говорить о производстве слов на базе предложно-падежных сочетаний, то есть о другом составе **словообразовательных пар**: *под осино́й* → *подо-*

синовик, на столе → *настольный, без работы* → *безработный*. Тем не менее, термин «префиксально-суффиксальный способ словообразования» приемлем для этих случаев, так как предлоги, употребляемые в предложно-падежных сочетаниях, становятся приставками производных слов.

Современная лингвистика учитывает возможность суффикса и флексии быть нулевыми. К словам с нулевым суффиксом относят такие как *безголосый, безусый, бесхвостый, проседь, призыв, отпуск, замысел* и подобные им по структуре. Способ образования таких слов поэтому считается префиксально-суффиксальным.

Словообразующие форманты некоторых наречий, образованных конфиксацией, содержат падежные окончания производящих слов: *по-другому, по-прежнему*. В производных словах эти окончания становятся суффиксами наречий.

Префиксально-постфиксальный способ

Префиксально-постфиксальный способ словообразования — это образование слов одновременным присоединением префикса и постфикса к производящему слову, например: *звонить* → *дозвониться, играть* → *заиграться, бежать* → *разбежаться, спать* → *выспаться, воевать* → *отвоеваться, кричать* → *раскричаться, петь* → *спеться, говорить* → *проговориться*.

Этим способом образуются только глаголы.

Производные слова всегда относятся к той же части речи, что и производящие.

Префиксы и постфиксы присоединяются к целому слову, а не к его основе.

В ряде случаев решающими факторами для отнесения слов к словам, образованным префиксально-постфиксальным, а не постфиксальным способом, являются системные отношения в языке и семантика производного слова. В. Н. Мусатов пишет об этом так: «К префиксально-постфиксальным производным относятся слова, к которым нельзя подобрать родственные префиксальные или постфиксальные образования, например, слова *разбежаться, хитриться* относятся к префиксально-постфиксальным образованиям, потому что в современном русском языке нет слов *разбежать, хитрить* или слов *бежаться, хитриться*. Глагол *сбежаться* образован префиксально-постфиксальным способом, потому что непосредственно мотивируется глаголом *бежать* <...>, несмотря на имеющееся в языке слово *сбежать*»¹.

¹ Мусатов В. Н. Русский язык. Морфемика, морфонология, словообразование. М., 2010. С. 256.

Суффиксально-постфиксальный способ

Суффиксально-постфиксальный способ словообразования — это образование слов одновременным присоединением префикса и постфикса к производящему слову, например: *нужда* → *нуждаться*, *искра* → *искриться*, *охота* → *охотиться*, *надежда* → *надеяться*, *резвый* → *резвиться*, *гордый* → *гордиться*, *упрямый* → *упрямиться*, *колос* → *колоситься*, *ёж* → *ёжиться*, *суета* → *суетиться*, *гнездо* → *гнездиться*, *толпа* → *толпиться*.

Этим способом образуются только глаголы.

Суффиксы и постфиксы сочетаются с основами производящего слова, а не с целым словом.

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ словообразования — это образование слов одновременным присоединением префикса, суффикса и постфикса к производящей основе исходного слова, например: *штраф* → *проштрафиться*, *банкрот* → *обанкротиться*, *гордый* → *загордиться*, *щедрый* → *расщедриться*, *прямой* (или *прямо*) → *распрямиться*, *ведомо* → *осведомиться*, *шептать* → *перешептываться*, *писать* → *переписываться*, *цена* → *прицениваться*, *толпа* → *столпиться*, *земля* → *приземлиться*.

Сложение

Сложение — это образование производных слов объединением двух или более производящих основ или слов.

а) Чистое сложение

Прилагательное «чистое» в составе термина «**чистое сложение**» условно: во многих лексических единицах, образованных сложением, словообразующим элементом являются соединительные гласные (интерфиксы) *-о-* или *-е-*, реже (при дефисном написании) *-и-*, например: *снегопад*, *пылесос*, *пешеход*, *хлебозавод*, *железобетон*, *первоисточник*, *восточнославянский*, *водогрязелечебница*, *слепоглухонемой*, *иронически-насмешливо*, *издевательски-вежливо*.

Чистому сложению терминологически противопоставляют **образование сложносоставных слов** (см. ниже — пункт б).

Иногда конечный звук (и буква) первого слова внешне совпадает с соединительной гласной, но таковой не является: *вездеход*, *вездесущий*, *злумышленник*, *добродетель*, *радиостанция*, *телепередача*.

Некоторые слова, образованные сложением, пишутся через дефис (полуслитно): *юго-западный, бледно-розовый, фруктово-ягодный, русско-немецко-французский* (словарь), *ироническ- + издевательский* → *иронически-издевательский*.

Промежуточное положение между сложением и префиксацией занимает образование слов, в составе которых имеются префиксоиды (слова, настолько часто употребляемые при словосложении, что по своей функции приближаются к приставкам): *всесильный, всевозможный, всезнайка, общеизвестный, общепонятный, общезначимый, двухярусный, двухэтажный*.

На границе между словосложением и суффиксацией находятся такие слова, в состав которых входят суффиксоиды (усеченные слова или корни слов, из-за регулярного участия в словосложении выполняющие роль суффиксов): *цветовод, садовод, водовоз, лесовоз, паровоз, парход, снегоход, вездеход, краеведение, языковедение, металловедение, краевед, пушкиновед*.

Грамматические свойства компонентов сложного слова и отношения между его компонентами могут быть разными. Доминирующую роль выполняет последний компонент: именно он оформляет слово морфологически, например, только последний компонент имени существительного изменяется по падежам (*пешеходам*), по числам (*пешеходы*), последний компонент прилагательного — по родам и числам (*вездесущего, ярко-синему, восточнославянские*), а последний компонент глагола — по лицам, временам (в прошедшем времени и по родам), числам (*злословишь, злословил, злословила, злословят*).

Между компонентами слов, образованных сложением, имеются смысловые отношения, подобные синтаксическим. Так, например, первый элемент в слове *снегопад* является смысловым субъектом (функционально — подлежащим), в слове *пылесос* — объектом (функционально — дополнением), в слове *первоисточник* — обозначением признака предмета (функционально — определением), в слове *громкоговоритель* — обозначением признака действия (функционально — обстоятельством). Отношения между компонентами бывают и равноправными по смыслу: *юго-запад, северо-восток*.

Следует иметь в виду, что не все слова, сложные по своему составу (в которых имеется более одного корня), образованы сложением. Двух- и трехкорневые слова сами бывают производящими. Например, слова *водопроводчик, пешеходный, парходство, пылесосить* образованы суффиксацией, слово *предновогодний* — префиксацией, а слово *пропылесосить* — префиксально-суффиксальным способом. Такие производные слова называют сложно-суффиксальными, сложно-префиксально-суффиксальными.

б) Образование сложносоставных слов

Сложносоставные слова — это слова, образованные объединением знаменательных слов без соединительных гласных (или, по некоторым теориям, с нулевыми соединительными гласными, например, *ковер-самолет, сапоги-скороходы, вагон-ресторан, диван-кровать, юбка-брюки, платье-костюм, мастер-класс, бизнес-центр, пресс-секретарь, кофе-аппарат*.

Такой способ словообразования терминологически противопоставляют чистому сложению.

Если при чистом сложении первый компонент всегда грамматически неизменяем, то при образовании сложносоставных слов он может изменяться (это касается только незаимствованных компонентов), но единой нормы для таких слов нет, ср.: *с юбкой-брюками* (не **с юбка-брюками*), *на диван-кроватьи* и (реже) *на диване-кроватьи, в вагон-ресторане* и *в вагоне-ресторане*.

Обратное словообразование

Обратное словообразование (редеривация, регрессивная деривация) — это образование нового слова не в виде производного, а в виде производящего, в частности, устранение ранее присоединенных словообразующих морфем, например, **десуффиксация** и **депрефиксация**.

Согласно определению Г. А. Николаева, обратное словообразование — «такой тип словообразовательной соотносительности, при которой не производящее мотивирует значение производного (обычный тип коррелятивной связи), а, наоборот, производное слово является мотивирующим по отношению к производящему»¹, например, *дояр* ← *доярка, гуманитар* ← *гуманитарный, гуманитарий; корабел* ← *корабельный, неформал* ← *неформальный, обвернуть* ← *обернуть, одухотворить* ← *духотворить* (неузualmente).

Обратное словообразование бывает следствием усложнения основы: *зонт* ← *зонтик, фляга* ← *фляжка* (см. раздел «Историческое словообразование»), его можно рассматривать и как усечение: *Афган* ← *Афганистан, жарг. туса* ← разг. *тусовка*.

Иногда к обратному словообразованию причисляют и образование нового слова восстановлением фрагментов приставки или корня, ранее утраченных: *обсушить* ← *осушить, утопнуть* ← *уто-*

¹ Николаев Г. В. Обратная соотносительность и обратное словообразование // Актуальные проблемы русского словообразования. Уч. зап. Т. 1. № 143. Ташкент, 1975. С. 313.

Обратное словообразование представляет собой один из периферийных способов узуального словообразования, специфический для окказионального словообразования и творческой неологии (см. раздел «Неология»).

Неморфологические (неаффиксальные) способы словообразования

Аббревиация

Аббревиация — это образование имен существительных, производных от составных наименований, объединением различных фрагментов слов, входящих в эти наименования. Производные слова, составленные из первых букв или звуков, из слогов или других произвольных фрагментов исходных составных наименований, называются **аббревиатурами**, например, *Московский государственный университет* → *МГУ*, *Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы* → *МАПРЯЛ*, *Единый государственный экзамен* → *ЕГЭ*, *Государственная инспекция безопасности дорожного движения* → *ГИБДД*, *высшее учебное заведение* → *вуз*, *профессиональный союз* → *профсоюз*, *запасные части* → *запчасти*, *филологический факультет* → *филфак*, *строительные материалы* → *стройматериалы*, *подводная лодка* → *подлодка*, *заведующий кафедрой* → *завкафедрой*, *специальный корреспондент* → *спецкор*, *моторный велосипед* → *мопед*, *эскадренный миноносец* → *эсминец*.

Встречаются аббревиатуры, составленные из элементов только некоторых слов составного наименования: [Отдел] *социального обеспечения* → *собес*, *универсальный магазин самообслуживания* → *универсам*, [Отдел] *записи актов гражданского состояния* → *загс*, *Министерство [Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям [и ликвидации последствий стихийных бедствий]* → *МЧС*.

Аббревиатуры бывают инициальные — буквенные (*МГУ*, *МЧС*, *ЕГЭ*) и звуковые (*вуз*, *загс*, *МАПРЯЛ*), смешанного типа, составленные как из начальных частей слов, так и из начальных звуков (*собес*), составленные из сочетания начальной части слова с целым словом (*сбербанк*, *стройматериалы*), составленные из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного (*завкафедрой*), составленные из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго (*мопед*, *эсминец*). Слова типа *мопед*, *эсминец* могут трактоваться и как слова, образованные **контаминацией** (объединением фрагментов разных слов).

Одно из традиционных названий «слоговые аббревиатуры» терминологически неточно. В научных и учебных материалах

слоговыми аббревиатурами считаются сокращения типа *колхоз*, *роддом*, *филфак*. Но в таких словах фрагменты исходных полных слов не являются их слогами. Есть частично слоговые аббревиатуры: *военный комиссариат* → *военкомат*, *производитель работ* → *прораб*, *банковский автомат* → *банкомат*, *моторный велосипед* → *мопед*.

Некоторые аббревиатуры могут склоняться: *артист МХАТа*, *в соответствии с ГОСТом*, *в универсаме*, *в собесе*, *с прорабом*, некоторые аббревиатуры изменяются по числам: *вузы*, *универсамы*, *мопеды*.

Лексическое значение аббревиатур идентично значению исходных полных наименований, а стилистическое значение может изменяться (например, слово *роддом* не употребляется в официально-деловом стиле речи, а в разговорной речи прораба не называют производителем работ).

Аббревиатуры, которые часто употребляются в быту, могут вытеснить полные наименования вплоть до забвения исходных словосочетаний. Это произошло, например, со словом *бомж* ← [человек] *без определенного места жительства*. Слово *бомж*, возникшее в языке милицейских протоколов (*лица БОМЖ*), настолько адаптировалось в языке, что, радикально изменив свое стилистическое значение с официально-делового на разговорное, стало производящей базой для ряда производных: *бомжевать*, *бомжиха*, *бомжатник*. Еще в большей степени забыто отаббревиатурное происхождение слова *гонник* ← *ГОП* (Государственное общество призрения), от которого образовались такие слова, как *гонничать*, *гонота* и др.

Нередко аббревиатуры, особенно неблагозвучные, становятся объектом иронии (*МРОТ* ← *минимальный размер оплаты труда*, *ГДЮШК* ← *городской детско-юношеский шахматный клуб*; *МУДО* ← *Муниципальное управление дошкольного образования*), объектом шутилой расшифровки (об автомобиле «Москвич»: *Можешь Отъехать Сто Километров — Вылезай И Чини*), пародируется сам этот способ словообразования как стилистически маркированный, связанный преимущественно с официально-деловой сферой употребления (*НИИЧАВО* — *Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства* в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»).

Усечение

Усечение — это создание укороченных слов, когда от исходного слова или словосочетания остается фрагмент, употребляемый как самостоятельная лексическая единица, например: *заведующий* → *зав*, *заместитель* → *зам*, *специалист* → *спец*, *магнито-*

фон → *маг*, *компьютер* → *компи*, *ноутбук* → *ноут*, *интернет* → *нет*, *автомобиль* → *авто*, *килограмм* → *кило*, *фотография* → *фото*, *ретроспективный* → *ретро*, *доктор* → *док*, *университет* → *универ*, *диссертация* → *диссер*, *мерседес* → *мерс*, *преподаватель* → *препод* и *преп*, *декретный отпуск* → *декрет*, *педагогический университет* → *пед*, *наличные деньги* → *нал*.

Усечение слова может сопровождаться суффиксацией: *видеомагнитофон* → *видик*, *телевизор* → *телик*, *мультфильм* → *мультик*, *велосипед* → *велик*, *фото* → *фотка*.

В языковой динамике наблюдается цепочка последовательных сокращений: *фанатик* → *фанат* → *фан*, *фотографическая карточка* → *фотография* → *фото*, *пока до свидания* → *пока* → *пок*, *спаси Бог* → *спасибо* → *спасиб* → *пасиб*.

Усеченные слова возникают в разговорной речи и в жаргоне (*кило*, *док*, *препод*, *преп*, *спокойной ночи* → *спок*, *нормально* → *норм*), затем некоторые из них прочно входят в литературный язык, например, *метрополитен* → *метро*, *кинематограф* → *кино*. Со временем некоторые исходные слова и словосочетания выходят из употребления. Например, усечением образованы такие слова, как *надо* ← *надобно*, *нет* ← *нету* ← *не есть ту(т)*, *сударь* ← *государь*, *пока* ← *покамест* ← *пока место*.

Лексико-синтаксический способ

Лексико-синтаксический способ словообразования или **сращение** — это объединение в одном слове двух или более синтаксически связанных самостоятельных слов или их форм¹, например, *быстрорастворимый*, *дикорастущий*, *вечнозеленый*, *малопонятный*, *здоровымыслящий*, *высокооплачиваемый*, *вышеупомянутый*, *сегодня*, *сейчас*, *тотчас*, *сумасшедший*, *втридорога*.

Критерием преобразования исходных словосочетаний в единую лексическую единицу (то есть критерием **лексикализации** словосочетаний) является полная утрата или значительное ослабление ударения на одном из компонентов: *мáло знакóмый* → *малознакóмый*, *дiко расту́щий* → *дикорасту́щий*, *сéй час* → *сейчас*, *с умá шед́ший* → *сумасшед́ший*, *тóт час* → *тóтчас*, *в три́ дорогá* → *втри́дорога*, *пять сóт* → *пятьсóт*.

Слова, образованные сращением, отличаются от слов, образованных сложением, тем, что при сращении морфемный состав компонентов производящих словосочетаний никак не изменяется.

¹ В данном случае имеются в виду причастия, которые в разных лингвистических традициях трактуются то как самостоятельные слова, то как формы глаголов.

В современном русском языке этим способом образуются только имена прилагательные, а появление сращений типа *сегодня, тотчас, втридорога, пятьсот* относится к диахронии.

Морфолого-синтаксический способ

Морфолого-синтаксический способ словообразования (термины «**трансформация**», «**транспозиция**», «**конверсия**» в лингвистических работах иногда употребляются как синонимы, иногда различаются по объекту описания) — это образование новых слов в результате перехода слов одной части речи в другую, например:

а) **субстантивация** (образование существительных из прилагательных, причастий и местоимений): *прохожий, рядовой, военный, дежурный, портной, ученый, домовый, столовая, кладовая, учительская, булочная, прачечная, парикмахерская, командировочные, суточные, отпускные, выходной, легкие, заливное, будущее, заведующий, мороженое, раненый, больной, любимый, суженый, каждый*;

б) **адъективация** (образование прилагательных из причастий): *горелый, умелый, усталый, горячий, висячий, блестящий* (доклад), *настоящий* (спортсмен), *подходящий* (свитер), *вызывающее* (поведение) *будущий* (математик), *бывший* (начальник);

в) **прономинализация** (образование местоимений из существительных, прилагательных, причастий, числительных): *вещь* (любовь — *вещь странная*), *дело* (*дело идет к дождю*), *известный* ‘какой-то’ (*в известных обстоятельствах лучше помолчать*), *отдельный* ‘некоторый’ (*у него, конечно, есть отдельные недостатки*), *данный* (*в данной статье речь идет о глаголах движения*), *один* (*в один прекрасный день*);

г) **адвербиализация** (образование наречий из деепричастий, падежных форм, предложно-падежных сочетаний): *зря* (*зря он это сказал*), *играючи* (*он с этим справится играючи*), *вечером* (*приду вечером*), *рысью* (*лошадь бежит рысью*), *налегке* (*ушел налегке*), *направо* (*повернул направо*);

д) **образование предлогов из деепричастий**: *благодаря* (*благодаря хорошей погоде мы часто купались*);

е) **образование союзов из деепричастий**: *хотя* (*он хорошо учится, хотя и часто болеет*);

ж) **образование частиц из наречий, местоимений, числительных**: *просто* (*она просто красавица*), *прямо* (*ты прямо спортсмен*), *еще* (*он еще ухмыляется*), *один* (*мне это один человек сказал*).

При таких трансформациях происходит лексикализация грамматической формы с изменением синтаксической функции производных слов. Производные получают возможность быть подлежащими, дополнениями и другими членами предложения, типичными для существительных.

Считается, что в современном русском языке продуктивна только субстантивация. Производное существительное (**субстантиват**) сохраняет при склонении прежние окончания прилагательного, причастия или местоимения-прилагательного, но утрачивает многие возможности словоизменения. Все производные существительные, образованные от прилагательных, причастий и местоимений-прилагательных, склоняются как производящие прилагательные, но многие из таких производных не изменяются по родам. Так, например, существительные *домовой*, *выходной* (о дне недели) могут быть только мужского рода, слова *булочная*, *столовая*, *учительская* — только женского, слова *будущее*, *мороженое*, *заливное* — только среднего. Некоторые субстантиваты лексикализировались только в форме множественного числа: *командировочные*, *суточные*, *премиальные*, *отпускные*, *близкие*.

При субстантивации зависимые (согласовательные) окончания прилагательных, причастий, местоимений становятся синтаксически независимыми аффиксами существительных.

Субстантивация сопровождается семантическими преобразованиями, в частности, сужением лексического значения (существительные *учительская*, *ванная*, *столовая*, *ординаторская* обозначают только помещение, существительные *командировочные*, *суточные*, *отпускные* — только деньги, выплачиваемые в определенной ситуации, существительные *мороженое*, *сладкое*, *скоромное*, *заливное*, *жаркое* — разновидности еды, *лёгкие* — только орган дыхания, словами *борзая*, *гончая* называют только собак определенной породы). К семантическим изменениям следует отнести и наличие только переносного значения у некоторых субстантиватов: *лёгкие*.

Другие типы трансформации частей речи характерны для истории русского языка.

Лексико-семантический способ

Лексико-семантический способ словообразования (семантическое словообразование) — это образование новых слов в результате распада полисемии, свойственной исходному слову, и превращения слова с переносным значением в омоним исходному, например:

- глава*¹ ‘то же, что голова’ → *глава*² ‘раздел книги, статьи’;
- боксер*¹ ‘спортсмен, занимающийся боксом’ → *боксер*² ‘короткошерстая сильная служебная собака с тупой мордой, немецкий бульдог’;
- дисциплина*¹ ‘обязательное для всех членов какого-нибудь коллектива подчинение установленному порядку’ → *дисциплина*² ‘самостоятельная отрасль, раздел какой-нибудь науки’;

*расположение*¹ ‘размещение, распределение’ → *расположение*² ‘хорошее отношение, тяготение, симпатия к кому-чему-нибудь’;

*язык*¹ ‘подвижный мышечный орган в полости рта’ → *язык*² ‘исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств...’ → *язык*³ ‘(стар.) народ, нация’;

*болтать*¹ ‘размешивая, приводить в движение (жидкость)’ → *болтать*² ‘говорить (много, быстро, а также о чем-нибудь незначительном или то, о чем не следует)’;

*мешать*¹ ‘переворачивать, взбалтывать круговым движением с помощью чего-нибудь’ → *мешать*² ‘создавать препятствия в чем-нибудь, служить помехой’;

*клепать*¹ ‘соединять части чего-нибудь с помощью заклепок’ → *клепать*² ‘то же, что клеветать’;

*худой*¹ ‘не толстый, не упитанный’ → *худой*² ‘то же, что плохой’, *худой*³ ‘дырявый, прохудившийся’.

Разграничение полисемии и омонимии, а следовательно, и отнесение слов, одинаковых по форме, но разных по значению, к словам, образованным семантическим способом, крайне проблематично. Существует много пограничных явлений, мнения разных носителей языка, в том числе и лингвистов, о степени лексической самостоятельности слов с производными значениями, часто не совпадают. Здесь примеры приведены по Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — в список помещены только те слова, которые помечены авторами как омонимы (определения тоже даны по этому словарю), но и в ряде других случаев можно было бы видеть распадение полисемии, например, *дворник* — человек и *дворник* — щетка-очиститель на лобовом стекле автомобиля, *петрушка* — корнеплод и *петрушка* — персонаж в кукольном театре, *проиграть* — исполнить музыкальное произведение или его фрагмент и *проиграть* — потерпеть неудачу (не только в игре — ср.: *она проиграла, выйдя замуж за самого красивого*). Проблема разграничения полисемии и омонимии связана с тем, что разрыв семантических связей между различными значениями многозначного слова, то есть семантическое словообразование, — процесс длительный (в отличие от морфологического словообразования).

В процессе функционирования слов первичное значение может перемещаться на периферию активного, а затем и пассивного словаря человека, постепенно архаизируясь, а потом и вообще может утратиться. Результат таких изменений можно наблюдать на примере слов *позор*, *позорище*. Слово *позор* в древности имело значение ‘обзор, зрелище’ и не было связано с этической оценкой явлений. Еще в XVIII веке *позорищем* называли театр, в болгарском и сербском языке и сейчас театр так называют.

Раздел 4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Любая система представляет собой совокупность структурно упорядоченных взаимосвязанных элементов. Описание словообразовательной системы основано на отношениях между ее элементарными единицами, отношениях между элементарными и комплексными единицами, на отношениях между словами внутри комплексных единиц и на отношениях между комплексными единицами.

Элементарными единицами словообразовательной системы являются производящее и производное слово.

Комплексные единицы словообразовательной системы — это совокупности производных слов, объединенные определенными структурными и семантическими признаками, которые выделяются по разным критериям.

Комплексными единицами словообразовательной системы являются:

- 1) словообразовательная пара;
- 2) словообразовательная цепочка;
- 3) словообразовательный тип;
- 4) словообразовательная модель;
- 5) словообразовательное гнездо;
- 6) словообразовательная парадигма;
- 7) словообразовательная категория.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРА

Словообразовательная пара — это комплексная единица системы словообразования, состоящая из производящего (мотивирующего) слова или словосочетания и производного (мотивированного слова, деривата).

Примеры словообразовательных пар:

вода — водичка;

храбрый — храбрость;

смотреть — посмотреть;

мыть — мыться;

кричать — раскричаться;

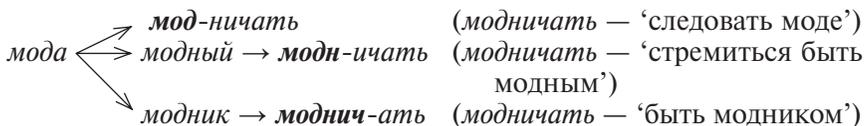
тихий — тихо;

железная дорога — железнодорожный;

вперед смотрящий — впередсмотрящий;

высшее учебное заведение — вуз.

Словообразовательная пара является минимальной словообразовательной цепочкой.

Словообразовательные цепочки могут быть **полными** и **неполными**.

В полных цепочках имеются все элементы последовательной деривации, например:

лес → *лесок* → *лесочек*;
сила → *сильный* → *бессильный*.

В неполных цепочках некоторые элементы оказываются пропущенными:

паспорт → [**паспортизировать*] → *паспортизация*;
мода → [**модист*] → *модистка*;
снег → [**снежина*] → *снежинка*;
дождь → [**дождевать*] → *дождевание*;
техника → [**технизировать*] → *технизация*;
молодец → [**молодцовый*] → *молодцеватый*;
ползть → [**ползок*] → *ползком*;
дойти → [**удойти*] → *удой*.

Такое явление называется **чересступенчатым (чресступенчатым) словообразованием**. Пропущенные звенья могут легко восстанавливаться, так как они присутствуют в языке в качестве потенциальных слов, как неиспользованная, но вполне органичная языковая возможность.

В некоторых случаях наблюдается **утрата начального звена словообразовательной цепочки**, например, в цепочках:

[**уть*] → *обуть* → *обувь* → *обувной*;
[**бавить*] → *добавить* → *добавка*;
[**радый*] → *радость* → *радостный*;
[**ул*] → [**улок*] → *переулок* → *переулочек*.

В результате понижается степень производности слов, остающихся в языке.

Возможно и образование беспорно членимых слов вообще вне словообразовательных цепочек и даже пар:

[**фуфырить?*] → [**фуфыриться?*] → *расфуфыриться*;
[**тупить?*] → [**тупиться?*] → *потупиться*;
[**супить?*] → [**супиться?*] → *насупиться*.

При диахроническом подходе к словообразованию в таких явлениях можно видеть обратное словообразование (редеривацию).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Словообразовательный тип — это общий образец, по которому формируется ряд мотивированных слов независимо от их частных лексических значений, а также совокупность производных слов, объединенных набором следующих признаков (**формально-семантических характеристик**):

- 1) принадлежность производных слов к одной и той же части речи;
- 2) принадлежность производящих слов к одной и той же части речи;
- 3) наличие у всех слов одного и того же словообразовательного форманта;
- 4) наличие у всех производных слов одного и того же способа словообразования;
- 5) наличие у всех слов общего словообразовательного (не частного лексического!) значения.

В «Русской грамматике» (1980) дается такая формулировка: **словообразовательный тип** — «схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или другие словообразовательные средства)»¹.

Примеры словообразовательных типов:

а) *Стареть, теплеть, худеть, добреть, сидеть...*

Все эти слова — глаголы несовершенного вида, образованные от прилагательных; общий словообразовательный формант — суффикс *-е-*; общее словообразовательное значение — «становление признака». К этому словообразовательному типу не относятся такие структурно похожие глаголы, как *звенеть, реветь, сидеть, смотреть*, так как у них нет словообразовательного значения «становление признака».

Полисемантические слова могут относиться к разным словообразовательным типам в зависимости от их значения в высказывании: *чернеть* ‘становиться черным’ относится к словообразовательному типу *стареть, теплеть...*, а *чернеть* ‘выделяться черным цветом на каком-либо фоне’ к нему не относится.

б) *Учитель, издатель, хранитель, завоеватель...*

Все эти слова — имена существительные мужского рода, образованные от глаголов; общий словообразовательный формант — суффикс *-тел’-*; общее словообразовательное значение — «человек

¹ Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 135.

мужского пола, осуществляющий деятельность, обозначенную производящим глаголом». К этому словообразовательному типу не относятся такие структурно похожие существительные, как *выключатель*, *проигрыватель*, так как у них нет словообразовательного значения с компонентом «человек»; слова *учительница*, *хранительница*, так как они не обозначают лиц мужского пола, слово *приятель*, так как оно не обозначает деятеля.

в) *Горошина*, *макаронина*, *паркетина*, *льдина*...

Все эти слова — имена существительные женского рода, образованные от существительных; общий словообразовательный формант — суффикс *-ин-*; общее словообразовательное значение — «единичный предмет, выделяемый из совокупности». К этому словообразовательному типу не относятся такие структурно похожие существительные, как *осетрина*, *баранина*, так как у них другое словообразовательное значение — «мясо животного, названного производящим словом»; слова *доми́на*, *громади́на*, так как их словообразовательное значение — «увеличительность».

г) *Тигрёнок*, *козлёнок*, *лисёнок*, *зайчонок*, *медвежонок*, *орлёнок*, *гусёнок*...

Эти слова — имена существительные мужского рода, образованные от существительных; общий словообразовательный формант — суффикс *-онок-*; общее словообразовательное значение — «невзрослое существо, детёныш». К этому словообразовательному типу не относятся такие структурно похожие существительные, как *ребёнок*, *жеребёнок*, *поросёнок*, *ягнёнок*, *цыплёнок*, так как у них на синхронном уровне словообразования нет непосредственной связи между производной и производящей основами¹, слова *опёнок*, *бочонок*, так как у них нет словообразовательного значения «детёныш».

Системно-функциональными свойствами словообразовательного типа являются его регулярность и продуктивность.

Регулярность проявляется в том, что общностью словообразовательного значения производных слов порождается единство их словообразовательной структуры. Под влиянием большинства названий детенышей с тождеством основ производящих и производных слов иногда происходит устранение супплетивизма². Наряду со словами *жеребёнок*, *поросёнок*, *ягнёнок*, *щенок* в разговорной речи

¹ Производящими для таких слов были названия типа *жеребя*, *поросья*, *ягня*, но и эти производящие имели иные основы, чем *лошадь*, *свинья*, *овца*.

² Супплетивизм — наличие разнокоренных основ в парах типа *лошадь* — *жеребёнок*, *свинья* — *поросёнок*, *овца* — *ягнёнок*, *собака* — *щенок*.

появляются слова *лошадёнок, свинёнок, овчонок, собачонок*. Такое стремление к регулярности особенно заметно в шутовой и в детской речи.

Продуктивность словообразовательного типа определяется возможностью образования новых слов, структурно аналогичных широко употребляемым. Например, очень продуктивен словообразовательный тип абстрактных существительных с суффиксом *-ост'*, обозначающих свойства, качества: *мудрость, глупость, сытость, скромность, серьезность, откровенность, занятость, заикленность*, и т. п. В художественной литературе встречается немало авторских слов такого типа, например, у М. Цветаевой в стихотворении «Хвала богатым»:

А еще, несмотря на **бритость,**
Сытость, питость (моргну — и трачу!)
За какую-то — вдруг — **побитость,**
За какой-то их взгляд собачий
<...>
Присягаю: люблю богатых!

Продуктивный словообразовательный тип названий детенышей при ситуативной потребности может включать в себя такие редкие и потенциальные слова, как *жирафёнок, китёнок, ишачонок, зебрёнок, леопардёнок, пандёнок, коршунёнок, комарёнок, ужонок, тюленёнок*. В художественных текстах нередко встречаются неологизмы этого словообразовательного типа, например, *нахалёнок* у М. Шолохова, *евпаторёнки* у В. Маяковского. В интернете на поисковой запрос *роботёнок* нашлось более 2000 употреблений.

Разновидности словообразовательных типов по соотношению производного и производящего

Чешский лингвист Милош Докулил распределил словообразовательные значения по трем основным типам в соответствии с понятиями лексической и синтаксической деривации: модификационные, мутационные и транспозиционные¹. Эта классификация принята русской лингвистикой с некоторыми уточнениями и дополнениями.

1. **Транспозиционные словообразовательные типы** — это словообразовательные типы, в рамках которых производящее и производное слово принадлежат к разным частям речи при сохранении лексического значения производящей и производной основ, на-

¹ Докулил М. *Tvořeni slov v češtině*. Praha, 1962. Т. 1 (Резюме на русском языке).

пример, *рисовать* → *рисование*; *бороться* → *борьба*; *море* → *морской*; *яблоко* → *яблочный*; *ясный* → *ясность*; *тихий* → *тишина*; *кривой* → *кривизна*; *зелёный* → *зелень*; *зелёный* → *зеленеть*; *медленный* → *медленно*. Производные слова в таких парах называются синтаксическими дериватами.

К транспозиционным словообразовательным типам относятся, например, такие:

а) глаголы → существительные с суффиксом *-тель* и словообразовательным значением «лицо — производитель действия, названного мотивирующим глаголом»: *учитель*, *хранитель*, *водитель*, *нарушитель*;

б) глаголы → существительные с формантом *-льник* и словообразовательным значением «неодушевленный предмет (орудие, машина, устройство, приспособление), производящий действие или предназначенный для совершения действия»: *будильник*, *паяльник*, *умывальник*, *кипятильник*;

в) глаголы → существительные с формантом *-льня* и словообразовательным значением «место действия, названного мотивирующим глаголом»: *спальня*, *читальня*, *купальня*, *молельня*;

г) прилагательные → существительные с суффиксом *-ец* и словообразовательным значением «лицо — носитель признака, названного мотивирующим прилагательным»: *гордец*, *храбрец*, *наглец*, *мудрец*, *глупец*, *хитрец*, *счастливец*, *любимец*;

д) прилагательные → существительные с формантом *-ота* и словообразовательным значением «опредмеченный признак, названный мотивирующим прилагательным»: *чистота*, *доброта*, *простота*, *теснота*, *широта*;

е) существительные → прилагательные с формантом *-без/с-...-ный* и словообразовательным значением «не имеющий признака, названного мотивирующим существительным»: *безбилетный*, *беспаспортный*, *бездарный*, *бескорыстный*, *бессовестный*.

2. **Модификационные словообразовательные типы** — это словообразовательные типы, в рамках которых производящее и производное слова принадлежат к одной и той же части речи, при этом производные не меняют значения производящих, а только модифицируют их, например, в парах *дочь* → *дочка*; *дочь* → *дочурка*; *дядя* → *дядька*; *утюг* → *утюжок*; *табурет* → *табуретка*; *синий* → *синеватый*; *синий* → *синенький*; *большой* → *большущий*; *суп* → *супец*; *горох* → *горошина*; *горошина* → *горошинка*; *медведь* → *медвежонок*; *медведь* → *медведица*; *рисовать* → *нарисовать*, *говорить* → *договорить*; *читать* → *перечитать*.

Примеры модификационных словообразовательных типов:

а) существительные, не имеющие значения единичности → существительные со значением единичности, с формантом *-ина* и словообразовательным значением «единичный предмет, выделенный из совокупности однородных предметов»: *горошина, виноградаина, земляничина, жемчужина, бусина*;

б) существительные, обозначающие лицо мужского пола → существительные, обозначающие лицо женского пола, с формантом *-иха* и словообразовательным значением «лицо женского пола»: *сторожиха, повариха, врачиха, щеголиха, бомжиха*;

в) стилистически нейтральные прилагательные → эмоционально-оценочные прилагательные с формантом *-енький* и словообразовательным значением «уменьшительно-ласкательное обозначение признака, названного производящим словом»: *умный, глупенький, добренький, худенький, веселенький, серьезный*;

г) глаголы несовершенного вида → глаголы совершенного вида с приставкой *за-*, имеющей словообразовательное значение «начинаемость действия, состояния, обозначенного производящим словом»: *запеть, застонать, зажужжать, забегать, замелькать, загоревать, застесняться, заплодировать*.

3. **Мутационные словообразовательные типы** — это словообразовательные типы, в рамках которых производящее и производное слова изменяют значения производящих, например, когда производное и производящее имеют разную предметную отнесенность (референцию): *чай* → *чайник*, *корова* → *коровник*, *сторож* → *сторожка*, *морда* → *намордник*, *голова* → *изголовье* (кровати), *луна* → *лунатик*, *солнце* → *подсолнух*, *утро* → *утренник*, *вечер* → *вечеринка*, *весна* → *веснушки*, *земля* → *земляника*.

Примеры мутационных словообразовательных типов:

а) существительные с предметным значением → существительные, обозначающие лицо по отношению к с этому предмету, с суффиксом *-щик-* и словообразовательным значением «лицо по отношению к предмету, названному производящим словом»: *мороженщик, барабанищик, гардеробщик, экскаваторщик*;

б) существительные, обозначающие сферу деятельности, объект деятельности или инструмент → существительные со значением лица, имеющие суффикс *-ист-* и словообразовательное значение «лицо по отношению к сфере его деятельности, объекту деятельности или инструменту, обозначенными производящим словом»: *футболист, тракторист, массажист, фельтонист, шахматист, велосипедист, гитарист, аквалангист, карикатурист*;

в) существительные, обозначающие животных и птиц → существительные, обозначающие специальные помещения, сооружения для этих животных, имеющие суффикс *-ник-* и словообразовательное значение «помещение для животных, которые названы производящим словом»: *коровник, телятник, птичник, скворечник*;

г) относительные прилагательные → существительные, обозначающие помещения — слова, образованные субстантивацией форм женского рода. Словообразовательное значение дериватов — «помещение, названное по производящему прилагательному»: *учительская, мастерская, диспетчерская, столовая, пивная, закусочная, гримерная*.

Производные слова могут как принадлежать, так и не принадлежать к той же части речи, что и производящие. В ряде работ по словообразованию к мутационным типам причисляют и транспозиционный тип.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Современные лингвисты вкладывают в понятие «**словообразовательная модель**» разное содержание.

1. **Словообразовательная модель** — то же, что «словообразовательный тип». Например, к одной словообразовательной модели принадлежат слова *учитель, испытатель, читатель, писатель*, имеющие словообразовательное значение «человек, названный по его деятельности или свойству», к другой — *выключатель, проигрыватель, двигатель, удлинитель* со словообразовательным значением «предмет, названный по его функции».

По формулировке В. Н. Немченко, словообразовательный тип — это «структурно-семантическая (формально-семантическая) схема построения производных слов, характеризующихся общностью лексико-грамматического характера производящих слов, содержащих одно и то же словообразовательное средство (средства), или формант, и имеющих одинаковое словообразовательное значение»¹.

2. **Словообразовательная модель** — разновидность словообразовательного типа, то есть понятие более узкое, чем «словообразовательный тип». При таком понимании обычно употребляется термин «**морфонологическая модель**». Разными морфонологическими моделями являются слова, в образовании которых

¹ Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. С. 141.

участвуют или не участвуют какие-либо морфонологические явления (чередования, усечение основы и т. п.). Например, в одну морфонологическую модель входят слова без чередований (*горка, стенка, шляпка, стрелка*), в другую — слова с чередованиями (*книжка, бумажка, рубашка*). В таком случае слова *петербургский* и *петербуржский* относятся к разным морфонологическим моделям.

3. **Словообразовательная модель** — понятие более широкое, чем «словообразовательный тип». Это совокупность словообразовательных типов, объединяемых только по общности формальных признаков без учета словообразовательного значения. Во внимание принимается часть речи производящего слова, словообразовательное средство и способ словообразования. Например, в одну модель объединяются такие слова, как *намордник, нарукавник, наколенник* и *напарник, наместник, наставник*.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В РАМКАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА

Внутри словообразовательных типов существуют различные морфонологические модели, которые устанавливаются по наличию или отсутствию морфонологических явлений, то есть комбинаторно обусловленных изменений морфем при словообразовании.

Морфонологические модели — это разновидности словообразовательных типов, определяемые морфонологическими особенностями соотношения производящих и производных языковых единиц.

Слова одного и того же словообразовательного типа могут быть образованы по разным морфонологическим моделям.

а) с чередованиями и без чередований

С чередованиями:

луг → *лужок* (*г // ж*);
страх → *страшный* (*х // ш*);
лев → *львёнок* (*е // ё*);
подбодрить → *подбадривать*
(*о // а*);

Без чередований:

лес → *лесок*;
вред → *вредный*;
гусь → *гусёнок*;
подзадорить → *подзадоривать*.

б) с усечением основы и без усечения

С усечением:

удобный → *удобство*;
тряпка → *тряпьё*;
утка → *утиный*;
космос → *космический*;

Без усечения:

брат → *братство*
зверь → *зверё*
гусь → *гусиный*;
турист → *туристический*.

в) с интерфиксами и без интерфиксов

С интерфиксами:

Орёл → *орловский*;

кофе → *кофейный*;

петь → *певец*;

Без интерфиксов:

Волгоград → *волгоградский*;

сахар → *сахарный*;

косить (траву) → *косец*.

г) с наложением морфем (аппликацией, гаплогонимией, диффузией) и без наложения

С наложением морфем:

лиловый → *лиловатый*;

носить знамя → *знаменосец*;

такси → *таксист*;

Зеленогорск → *зеленогорский*

ссориться → *рассориться*

Без наложения морфем:

желтый → *желтоватый*

носить факел → *факелосец*

автомобиль → *автомобилист*

Калининград → *калининградский*

судить → *рассудить*.

д) со сдвигом ударения и без сдвига

Со сдвигом ударения:

по́греб → *погребéц*;

зави́сть → *зави́стливый*;

зимá → *зи́мний*;

жа́ркое (прил.) → *жа́рко́е* (сущ.);

Без сдвига ударения:

огоро́д → *огоро́дец*;

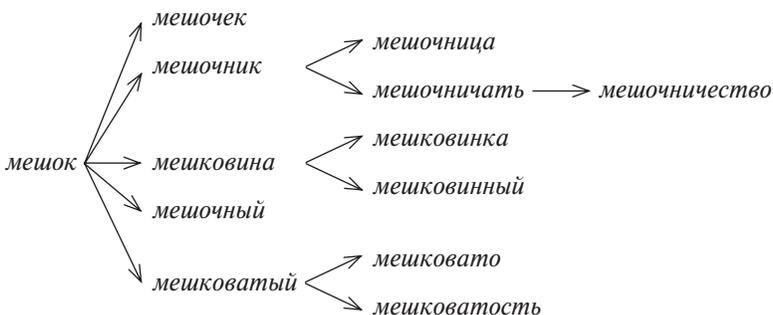
со́весть → *со́вестливый*;

весна́ → *весéнный*;

мороже́ное (прич.) → *мороже́ное* (сущ.).

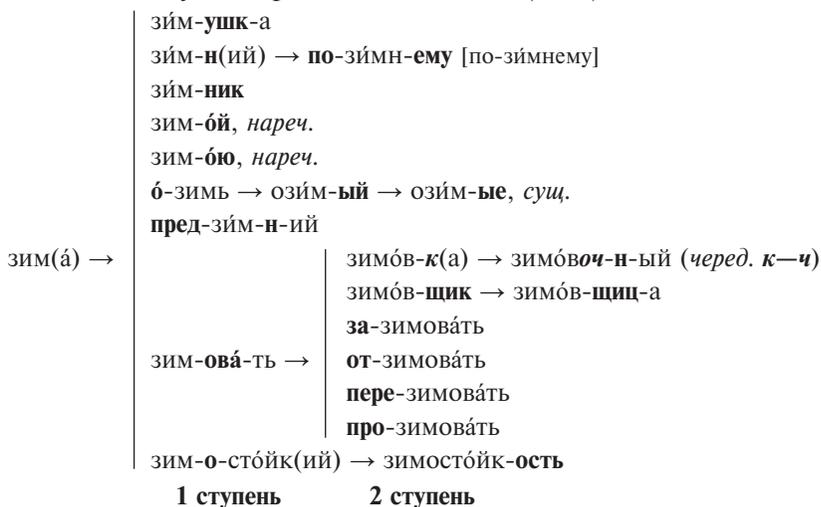
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Словообразовательное гнездо — это совокупность всех однокоренных слов, упорядоченная отношениями непосредственной последовательной производности дериватов в словообразовательных цепочках. Такая совокупность может быть наглядно представлена как пучок цепочек, расходящихся от одного слова:

Слова, составляющие словообразовательное гнездо, могут принадлежать разным частям речи, разным словообразовательным типам и моделям, иметь разное словообразовательное значение.

Пример словообразовательного гнезда по Школьному словообразовательному словарю А. Н. Тихонова (2007)¹:

Компонентами словообразовательного гнезда являются вершина гнезда, однокоренные слова, словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы, кодериваты.

Вершина словообразовательного гнезда — это слово, исходное для всех словообразовательных цепочек гнезда. В приведенном примере это слово *зим(ѣ)*. Примером словообразовательной цепочки на этой схеме является деривационная последовательность *зим(ѣ) → зим-ѣвѣ-ть → зимѣв-щик → зимѣв-щиц-а*.

В тех случаях, когда в языке есть варианты слова, например, *голос* и *глас*, *ноль* и *нуль*, возможны словообразовательные гнезда с двумя вершинами.

Кодериваты — это производные компоненты, составляющие одну словообразовательную парадигму, то есть слова, которые в пределах словообразовательного гнезда находятся на одной и той же ступени деривации в отношениях не последовательной, а совместной (радиальной) производности и входят в разные словообразовательные цепочки. На приведенной схеме кодериватами являются, например, слова *зимѣв-к(а)*, *зимѣв-щик*, *за-зимѣвѣ-ть*, *от-зимѣвѣ-ть*, *пере-зимѣвѣ-ть*, *про-зимѣвѣ-ть*, образованные от инфинитива *зим-ѣвѣ-ть*.

Разные значения полисемантического слова или омонимы образуют разные словообразовательные гнезда (пример из Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова):

¹ Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь. М., 2007. С. 201.

худ(ой) I Тощий

х^{уд}-**еньк**-ий I худенький II *см. худой II*

х^{уд}-**ёхоньк**-ий I худёхонький II *см. худой II*

худ-**йщ**-ий

худ-**ўщ**-ий

худ-**ющ**-ий

худ-**ошав**(ый) I, *прил.*

| худошав-**ый** II, *сущ.*

| худошав-**ая**, *сущ.*

худошав-**еньк**-ий

худошав-**ость**

худ-**об**-á I худоба II *см. худой II*

худ-**ерьб**-á

худ-**ышк**-а

худ-**á**-ть I худать II *см. худой II*

| за-худáть I захудать II *см. худой II*

| захудá-л(ый) I захудалый II *см. худой I*

| захудáл-**ость** I захудалость II *см. худой I*

ис-худáть

| исхудá-**ниј**-е [исхудание]

| исхудá-**вш**-ий, *прич. -прил.*

| исхудá-л(ый)

| исхудáл-**ость**

по-исхудáть

по-худáть

| похудá-**ниј**-е [похудание]

| похудá-л-ый

худ-**é**-ть I худеть II *см. худой II*

| **ис**-худéть

| исхудé-**ниј**-е [исхудание]

по-худéть

| похудé-**ниј**-е [похудание]

| похудé-л-ый

худ-**о**-сóчн(ый)

| худосóчн-**ость**

| худосóч-**иј**-е [худосочие]

худ(ой) II, прил. Плохой

худ-**ой** III, *сущ.*

| худ-**áя**, *сущ.*

худ-**бе**, *сущ.*

х^{уд}-**еньк**-ий II худенький I *см. худой I*

х^{уд}-**ёхоньк**-ий II худёхонький I *см. худой I*

х^{уд}-**ш**(ий) I, *прил.*

| х^{уд}ш-**ий** II, *сущ.*

| х^{уд}ш-**ая**, *сущ.*

х^{уд}ш-**ее**, *сущ.*

наи-хúдший
у-хúдш-и-ть
 ухúдшить-ся
 | ухудш-á-ться 1
 ухудш-á-ть
 | ухудшáть-ся 2
 ухудш-éниј-е [ухудшение]

хúд-о I, *сущ.*

хúд-о II, *нареч.*

хúж(-е)

| хуж-é-ть

| по-хúжéть

худ-об-á II *худо́ба* I *см.* *худой* I

хúд-о́сть

худ-á-ть II *худать* I *см.* *худой* I

| за-худáть II *захудать* I *см.* *худой* I

| захудá-ниј-е [захудание]

| захудá-л(ый) II *захудалый* I *см.* *худой* I

| захудáл-о́сть II *захудалость* I *см.* *худой* I

худ-é-ть II *худеть* I *см.* *худой* I

худ-й-ть-ся

| про-худи́ться

о-хужд-á-ть

| охужд-éниј-е [охуднение]

худ-о-ко́н-н-ый *см.* *ко́нь*

худ-о-ро́д-н(ый) I *Неродовитый*. *См.* *родить*

| худоро́дн-о́сть

| худоро́д-ств-о

худ-о-ро́д-н-ый II *Неплодородный*. *См.* *родить*

худ-о-ше́рст-н-ый *см.* *ше́рсть*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

В соответствии с концепцией Е. А. Земской, современные дериватологи различают конкретные словообразовательные парадигмы и типовые словообразовательные парадигмы.

Конкретная словообразовательная парадигма — это совокупность производных одного производящего слова, находящихся на одной ступени словообразования и являющихся частью словообразовательного гнезда (то есть совокупность кодериватов словообразовательного гнезда). Пример словообразовательной парадигмы из словообразовательного гнезда с вершиной *зима* (дериваты второй ступени, образованные от глагола *зимовать*):

| зимовка
 | зимовщик
 | зазимовать

отзимовать
презимовать
прозимовать

Дериваты других ступеней не входят в эту словообразовательную парадигму, например, слова *зимушка*, *зимний*, *зимой* (нареч.), образованные не от слова *зимовать*, а от слова *зима*, слова *зимовочка*, *зимовочный*, *зимовищица*, так как их производящая база — существительное *зимовка*, а не глагол *зимовать*.

Типовая словообразовательная парадигма, по формулировке Е. А. Земской, «является той матрицей, заполнение клеток которой воплощает действие механизма словообразования»¹. Она «составляется совокупностью деривационных значений, реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящими в единую лексико-семантическую группу»².

Типовая словообразовательная парадигма указывает на словообразовательный потенциал базовых слов. Она устанавливается в отвлечении от конкретного морфемного состава слов, учитываются только их типовые значения.

В заглавной строке таблицы 6 на с. 152—153 обозначены некоторые **семантические места** в типовой словообразовательной парадигме зоонимов. Пустые клетки означают, что соответствующие семантические места в норме не заполнены, но могут оказаться заполненными при каких-либо условиях (некоторые из таких возможностей обозначены в таблице звездочками). Например, зоонимы очень легко образуют окказиональные экспрессивные дериваты, мясо любого животного может получить название в ситуации голода.

Размещение слов в таблице указывает на некоторые семантические особенности зоонимов и их производных. Так, например, при супплетивизме, который часто встречается в лексико-семантической группе зоонимов, остаются незаполненными многие семантические места. В частности, слово *конь* не является производящим для слова *лошадь*; слово *бык* не является производящим для слов *корова*, *телёнок*; слово *корова* не образовано от слова *бык* и не является производящим для слова *телёнок*. Мясо коровы и быка называют *говядиной* — словом, деривационно не связанным с этими зоонимами. Семантическое место «лицо по отношению к животному» для слова *корова* может быть заполнено словом *коровница*, но чаще заполняется словами из других словообразовательных гнезд — *доярка*, *пастух*, если речь идет о профессиональной деятельности. Глагол *телиться*, деривационно связанный со словом *телёнок*, является предикатом субъекта *корова*, а не *телёнок*.

¹ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2009. С. 17.

² Там же. С. 18—19.

Зооним	Самка / самец	Детеныш	Мясо	Помещение	Лицо по отно- шению к животному
<i>волк</i>	<i>волчица</i>	<i>волчонок</i>	<i>*волчатина</i>		
<i>тигр</i>	<i>тигрица</i>	<i>тигрёнок</i>	<i>*тигрятина</i>	<i>*тигрятник</i>	
<i>лось</i>	<i>лосиха</i>	<i>лосёнок</i>	<i>лосятина</i>	<i>*лосятник</i>	
<i>заяц</i>	<i>зайчиха</i>	<i>зайчонок</i>	<i>зайчатина</i>		
<i>обезьяна</i>	<i>*обезьян</i>	<i>обезьяныш</i>		<i>обезьянник</i>	
<i>собака</i>			<i>*собачатина</i>		<i>собаковод, собачник</i>
<i>свинья</i>	<i>*свин</i>	<i>*свинёнок</i>	<i>свинина</i>	<i>свинарник</i>	<i>свинарка, *свинарь</i>
<i>конь</i>			<i>конина</i>	<i>конюшня</i>	<i>конюх, конник, конокрад, коновал, конармеец</i>
<i>лошадь</i>					<i>лошадник, лошадница</i>
<i>бык</i>					
<i>корова</i>		<i>телёнок</i>		<i>коровник</i>	<i>*коровница, *коровник</i>
<i>телёнок</i>		<i>телёнок</i>	<i>телятина</i>	<i>телятник</i>	<i>телятница, *телятник</i>

Таблица 6

Уменьш. производное; экспрессивное	Увеличит. производное	Притяж. прилаг.	Глагол со знач. 'вести себя подобно'
<i>волчишка, волчок</i>	<i>волчище, волчара</i>	<i>волчий, волчиный</i>	
<i>*тигрик</i>	<i>тигрище</i>	<i>тигриный</i>	<i>*тигровать</i>
<i>*лосик</i>		<i>лосиный</i>	
<i>зайчик, зайнька, заюшка</i>	<i>зайчище</i>	<i>заячий</i>	
<i>обезьянка</i>	<i>обезьяница</i>	<i>обезьяний</i>	<i>обезьянничать</i>
<i>собачка, собачонка, собаченька, собачушка, собаченция</i>	<i>собачища</i>	<i>собачий, собакин</i>	<i>собачиться</i>
<i>свинка, свиношка, *свиночка</i>	<i>*свинища</i>	<i>*свинский *свиньин</i>	<i>свинячить, насвинячить *свинствовать</i>
<i>конёк, коник, коняга, коняжка</i>	<i>*конище</i>	<i>конский</i>	
<i>лошадка, лошадушка, лошадёнка, *лошадочка, *лошадонька</i>	<i>лошадища</i>	<i>лошадиный</i>	
<i>бычок</i>	<i>бычище, бычара</i>	<i>бычий</i>	<i>бычиться, набычиться, *быковать</i>
<i>коровка, коровушка, коровёнка</i>	<i>коровища</i>	<i>коровий</i>	
<i>телёночек</i>		<i>телячий</i>	

Слова *коровник*, *телятник* возможны для названий лиц мужского пола, но почти не употребляются — во-первых, из-за того, что соответствующие профессии преимущественно женские, во-вторых, потому что коровником и телятником называются помещения.

Деривационные связи в этой лексико-семантической группе иногда противоречат непосредственной мотивации: слова *свинарник*, *конюшня* образованы не от названий животных, а от названий людей по объекту их деятельности: *свинарь*, *конюх*.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Словообразовательная категория — это комплексная единица словообразовательной системы, которая объединяет производные слова с общим словообразовательным значением независимо от формантов, которыми выражено это значение.

Существенным отличием словообразовательной категории от словообразовательного типа является то, что словообразовательный тип основан на структуре производных слов в сравнении с производящими. Это схема строения структурно подобных слов, например, слова *принарядить*, *приободрить* относятся к словообразовательному типу «*при* + глагол», а словообразовательная категория определяется по семантике, объединяющей производные слова: те же глаголы *принарядить*, *приободрить* относятся к словообразовательной категории со значением неинтенсивного действия, изменяющего объект.

Словообразовательная категория представляет собой более крупную и более сложную единицу, чем словообразовательный тип, так как дериваты разных синонимических словообразовательных типов могут входить в одну словообразовательную категорию. Поэтому словообразовательная категория является и более абстрактной по сравнению со словообразовательным типом.

Понятие лексико-словообразовательной категории во многом близко понятию лексико-семантической группы, различие между ними состоит в том, что лексико-семантическая группа может состоять не только из производных слов, а словообразовательная категория — только из производных.

Некоторые примеры:

а) словообразовательная категория отсубстантивных существительных со значением собирательности: *детвора*, *малышня*, *студенчество*, *профессура*, *интеллигенция*, *богема*, *инженерия*, *бабье*;

б) словообразовательная категория отсубстантивных существительных со значением ‘помещение, предназначенное для кого-либо, чего-либо’: *конюшня*, *псарня*, *голубятня*, *коровник*, *свинарник*, *крольчатник*, *учительская*, *консульство*, *кочегарка*, *сторожка*, *гостиница*;

в) словообразовательная категория отглагольных существительных со значением ‘производитель действия, названного производящей основой’: *учитель, продавец, танцор, звонарь, доярка, болтун, запевала, кривляка, замарашка, бродяга, курильщик, путешественник, заведующий*;

г) словообразовательная категория отглагольных существительных со значением ‘помещение, предназначенное для какого-либо действия’: *купальня, каток, кладовка, убежище, раздевалка, пастбище, изолятор*;

д) словообразовательная категория отсубстантивных прилагательных со словообразовательным значением ‘обладающий свойством, характерным для предмета, который назван производящим словом’: *водянистый, угловатый, ребячливый, круглый, эпатажный, шарообразный, змеевидный, правдоподобный*;

е) словообразовательная категория отадективных прилагательных со значением ‘имеющий высокую степень проявления признака, названного производящим словом’: *новёхонький, злющий, толстенный, пресимпатичный, развесёлый, сверхсекретный, наиважнейший, архисложный*;

ж) словообразовательная категория отглагольных глаголов со значением малой интенсивности и неполноты действия: *притормозить, прихвастнуть, насвистывать, поддразнивать, попривыкнуть, вздремнуть*;

з) словообразовательная категория отсубстантивных глаголов со значением ‘вести (повести) себя подобно тому, кто назван или что названо производящей основой’: *обезьянничать, попугайствовать, петушиться, ишачить, собачиться, дурачиться, школьничать, юлить, насвинячить, проворонить, окрыситься, съежиться, съехидничать, набычиться, схмячить, остолбенеть, окаменеть*;

и) словообразовательная категория отадективных глаголов со значением ‘придавать (придать) объекту воздействия качество, названное производящей основой’: *чистить, белить, осветлить, затемнить, подровнять, ослабить, упростить, сократить, искривить, повеселить, взбодрить*.

Раздел 5

ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В числе словообразовательных процессов, относящихся к диахронии, изучают эволюцию словообразовательных средств, словообразовательных моделей, цепочек, гнезд, словообразовательных парадигм, специфические для истории языка способы словообразования: процессы лексикализации и грамматикализации, динами-

ку мотивационных отношений в лексике. Значительное внимание уделяется изучению словообразовательных аспектов, отраженных памятниками письменности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

К историческим изменениям структуры слова относятся следующие процессы:

- 1) опрощение основы,
- 2) усложнение основы,
- 3) переразложение морфем,
- 4) декорреляция языковых единиц,
- 5) диффузия (наложение морфем, аппликация).

Опрощение

Опрощение — это такое изменение морфемной структуры слова, при котором производная основа становится непроизводной, перестает члениваться на морфемы и оказывается немотивированной, например: *старый, хитрый, бодрый, дар, пир* — ранее в таких словах выделялся суффикс *-р-*; *палка, бочка, спичка* — выделялся суффикс *-к-*; *важный* — выделялся суффикс *-н-*; *лопата* — выделялся суффикс *-ат-*; *калач* — выделялся суффикс *-ач-*; *ящик* — выделялся суффикс *-ик-*; *лукавый* — выделялся суффикс *-ав-*; *ретивый* — выделялся суффикс *-ив-*; *облако, обида, обещать* — перестал выделяться префикс *об-*; *супруг, сустав, сутки* — перестал выделяться префикс *су-*; *пагубный, паводок, пасмурный* — перестал выделяться префикс *па-*; *особа* — перестал выделяться префикс *о-*.

Опрощение бывает полным и неполным. **При полном опрощении** новые непроизводные основы представляют собой чистые корни (*ящик, лопата, сутки*), а **при неполном** сохраняют некоторые следы прежней производности (в словах *палка, бочка, спичка, важный, ретивый* бывшие суффиксы все же опознаются современными носителями языка, так как являются производящими формантами многих других слов).

Границу между полным и неполным опрощением провести во многих случаях проблематично: этимологические связи таких слов, как, например, *спичка* и *спица*, *важный* и *отвага*; *особа*, *собственный*, *особенный*, *собой*, *себе*; *досада* и *ссадина* ослаблены, но не утрачены окончательно.

Причинами опрощения являются:

- 1) **фонетические изменения** — в словах *облако, обида, обещать* утратился звук [в] (ср. варианты *обернуть* и *обвернуть*). Особенно

часто опрощению подвергаются слова, в которых фонетические изменения закреплены орфографией: *колачь* → *калач* (ср.: *колесо*, *кольцо*); *задъхлый* → *затхлый* (ср.: *задохнуться*);

- 2) **выход из употребления мотивирующего слова** — *вага* ‘вес’ → *важный* (ср.: *весомый*); *реть* (др.-р. ‘рвение, усердие’) → *ретивый*; *льга* → *польза* (ср.: *льгота*); *лынъ* ‘лентяй’ → *отлынивать*; *кут* ‘угол’ → *закуток*; *хабить* ‘портить’ → *ухаб*;
- 3) **ослабление и утрата соотносительности между исторически однокоренными словами** — этимологическая общность слов *лукавый* и *лук* ‘овощ’, *лук* ‘оружие’ определяется образом кривизны, изогнутости (ср.: *излучина*, *лукоморье*), а на образе кривизны основано метафорическое обозначение лжи (ср.: *кривда*, *загибать*); исторически однокоренными словами являются *лапа* и *лапоть*, *ловить* и *ловкий*, утратившие соотносительность;
- 4) **расхождение лексических значений производного слова с производящим** — слово *опешить* с историческим корнем *-пеш-* в современном языке семантически не связано со словами *пеший*, *пешком*, *пешеход*;
- 5) **утрата некоторыми морфемами словообразовательной продуктивности**. Например, оказалась непродуктивной приставка *су-*, вошедшая в слова *супруг*, *сустав*, *сутки*, приставка *па-*, вошедшая в слова *пагубный*, *паводок*, *пасмурный*.

Нередко разные причины опрощения совмещаются, например, в слове *калач* опрощение вызвано не только фонетическим изменением — развитием аканья, но и утратой производящего слова *коло* ‘круг, окружность’.

Усложнение

Усложнение (осложнение) — это превращение ранее непроемкой основы в приемную, членимую.

Например, слово *зонтик* в современном русском языке производно от слова *зонт*. Но первоначально в слове *зонтик* не было суффикса *-ик*: это слово заимствовано из голландского языка: *зонтик* ← *Zonnedek* (*Zonne* — ‘солнце’, *dek* — ‘покрышка’). Конечный фрагмент корня в заимствованном слове стал восприниматься как уменьшительный суффикс по аналогии с такими русскими словами, как *столик*, *домик*, *ключик*, то есть произошло усложнение основы. А затем появилось и слово *зонт* без уменьшительного суффикса (то есть осуществилось обратное словообразование, редеривация). В этом случае синхроническая производность *зонт* → *зонтик* по своей направленности противоположна диахронической: *зонтик* → *зонт*.

Подобное изменение произошло со словом *фляжка* из польского *flaszka*. Аналогия со словами типа *ножка*, *бумажка* способствовала обратному словообразованию — возникновению слова *фляга*.

Это явление довольно редкое, и связано оно преимущественно с переосмыслением иностранных слов в процессе их адаптации.

Порождающим механизмом усложнения бывает, кроме аналогии, и появление словообразовательного гнезда у ранее не членимого слова. Например, слово французского происхождения *гравюра* (← *gravure*) стало производным с суффиксом *-юр-* (*грав-юр-а*), когда образовались слова *гравировать*, *гравировка*. Слово *ехидна*, греческое по происхождению (имя мифической полуженщины-полузмеи), в русском языке приобрело переносное значение 'злой, язвительный и коварный человек', и появилось словообразовательное гнездо со словами *ехидство*, *ехидствовать*. В результате в исходном слове *ехидна* стал выделяться суффикс *-н-*.

В собственно русских словах усложнение тоже встречается. Например, в словах с полногласием *тереть* сочетание *-ере-* относилось к корню инфинитива, а затем, под влиянием форм настоящего и прошедшего времени (*тру*, *трёт*, *тёр* и т. п., слова *тёрка*) инфинитивный корень *-тере-* распался на две морфемы — корень *-тер-* + суффикс *-е-*.

Переразложение

Переразложение — это перераспределение морфемных границ в слове.

Переразложение в некоторых случаях может приводить к опрощению морфемной структуры слова, в некоторых — к ее усложнению, оно часто сопровождается мотивационной декорреляцией и деэтимологизацией слов.

В раннем праславянском языке у таких слов, как *жена*, *сестра*, *вода* окончание было нулевым, а звук [а] — суффиксом основы (при падежных формах *жена* + \emptyset , *жена* + *i*, *жена* + *т*); позже, в результате фонетических изменений *a* + *i* → *ѣ*, *a* + *т* → *ѣ* изменился и звуковой состав падежных форм: *жена* + *i* → *женѣ*, *жена* + *т* → *женѣ*, изменяемой частью слова (основой) стала часть *жен-*, бывший элемент основы *-а* превратился во флексию, то есть граница между основой и флексией переместилась: *жена- \emptyset* → *жен-а*.

Фонетическими изменениями с последующей деэтимологизацией объясняется и переразложение в слове *обида* ← *обвида*: когда после приставки *об-* выпал корневой звук [в], слова *видеть* и *обидеть* перестали восприниматься как производящее и производное, и слово *обида* теперь содержит корень *обид-*, а приставка в этом слове сейчас не выделяется.

Процесс переразложения относится не только к глубокой древности, но и к более позднему времени. Часто переразложение происходит после вытеснения из языка исходного производящего слова. Например, существительное *гонитель* содержало

суффикс *-тел'* до тех пор, пока был живым глагол *гонити*, а когда этот глагол утратился в общеупотребительном языке (в языке церкви он сохранился), существительное стало соотноситься с глаголом *гнать*, поэтому членение слова *гонитель* изменилось: *гони-* + *-тель* → *гон-* + *-итель*. В слове *пылинка* содержится единый суффикс *-инк-* (а не *-ин-* + *-к-*), так как в современном русском языке отсутствует слово **пылина*; в слове *малютка* не выделяется суффикс *-к-* после утраты слова *малюта* (современное членение: *мал'* + *-ютк-* + *-а*); в словах *дворник*, *работник* перестал члениться на части суффикс *-ник-*, так как утратились прилагательные *дворный*, *работный*; в словах *горячность*, *готовность* сейчас есть суффикс *-ност'* (а не *-ост'*), так как эти слова образуются от прилагательных *горячий*, *готовый*, а не **горячный*, **готовный*.

В результате переразложения из комбинаций приставок образовались единые приставки: *не* + *до* → *недо-* (*недочеловек*), *о* + *без* → *обез-* (*обессилеть*), потому что в нормативном языке нет слов **дочеловек*, **бессилеть*.

Наложение морфем

Наложение морфем (диффузия, агглютинация, аппликация) — это изменение морфемной структуры слова в результате совмещения совпадающих фрагментов морфем на морфемных границах.

Диффузия — очень частое явление в устной речи, оно проявляется в фонетической ассимиляции: *шить* [шшыт'], *разжечь* [ражжеч], *мужчина* [мущина], *детский* [д'ецки], *отцы* [аццы], *пятьсот* [пицот].

Примеры наложения морфем, отраженные написанием: *приду* ← *при* + *иду*, *разевать* ← *раз* + *зевать*, *рассориться* ← *рас* + *ссориться*, *смоленский* ← *Смоленск* + *ский*.

Слияние двух одинаковых слогов в один, как в словах *розоватый* ← **розововатый*, *некрасовед* ← **некрасововед*, *знаменосец* ← **знаменоносец*, *минералогия* ← **минералология*, называется **гаплогией**.

Результат древней диффузии представлен инфинитивами глаголов на *-чь*: *печь*, *мочь*, *стеречь*, *беречь*, *стричь*, *течь*, так как у восточных славян праславянские звуки [g] и [k] перед [i] переходили в [č] ([ч']), поэтому **pekti* → *печи*, **strigti* → *стричи*. Таким образом, конечный согласный корня ([k] или [g]) и суффикс инфинитива *-ти* объединились в звуке [ч'].

В русском языке есть слово, которое в результате наложения морфем вообще утратило корень: *вынуть* ← *вынять*. Древнерусское слово **вынати** с историческим корнем *-н-* (носовым гласным) входило в тот же ряд, что и слова **сънати**, **вънати**, **отънати**, **принати** (ср. соотносительность глаголов с чередованием 'а // им:

вынуть — *вынимать*, как и *снять* — *снимать*, *отнять* — *отнимать*, *принять* — *принимать*). Согласный [н] в таких словах связан происхождением с праславянскими приставками **vŭn-*, **sŭn-*. По аналогии [н] появился и после тех приставок, которые его изначально не содержали, в том числе после приставки *вы-*. В формах спряжения глагола *вынять* — *вынешь*, *вынет*, *вынем* и др. этот звук [н] стал восприниматься как суффиксальный, подобный тому, который входит в формы глаголов *вянет*, *стынет*. В результате [н], в прошлом приставочное, совпало с [н] суффиксальным, и тогда, по аналогии с глаголами типа *вянуть*, *стынуть*, у глагола *вынять* изменился инфинитив: *вынять* → *вынуть*.

Метатеза

Метатеза — это перестановка фрагментов слова, например, *ладонь* ← *долонь*, (ср. *длань*), *футляр* ← нем. *Futteral*, *тапелка* ← *таперка* (ср. польск. *talerz*, шведск. *tallrik*, нем. *Teller*).

Декорреляция

Декорреляция — это изменение семантических связей слова и его частей при сохранении морфемного состава, а также изменение значений морфем и их функций при словообразовании.

Изменение семантических связей слова представляет собой разрыв одних связей и установление на их месте других, в частности, изменение соотношенности производного слова с производящим. Например, слово *воин* исторически образовано от слова *вой* с тем же значением, а с утратой этого производящего слова стало производным от слова *воевать*. При этом морфемный состав и членимость слова *воин* остались прежними: *вој-ин-ѵ*.

Примерами декорреляции являются и процессы, произошедшие в словах *гонитель*, *пылинка*, *малютка*, *дворник*, *работник*, *горячность*, *готовность*, описанные в рубрике «Переразложение», поскольку переразложение часто бывает вызвано именно декорреляцией.

Изменение значений морфем хорошо видно на таком примере: древнерусское собирательное существительное *братия* (*братья*) в форме единственного числа женского рода (*наша братия*, *вся братия*) было переосмыслено и стало словом *братья* — существительным множественного числа мужского рода. Звуковой состав флексии сохранился, она по-прежнему выделяется, но ее значение стало другим.

Суффикс *-ш-* в таких словах, как *докторша*, *профессорша*, *губернаторша* раньше формировал словообразовательное значение ‘жена человека, названного по его профессии’. Сейчас такое значение суффикса еще частично сохраняется как архаичное (иногда и без архаизации, например, в слове *генеральша*), но преимущественно

слова типа *докторша, профессорша* в современном языке обозначают женщин по их профессии. В этом случае причина декорреляции — социальные преобразования.

Изменение функций морфем наблюдается при переходе слов из одной части речи в другую. Например, в истории русского языка формообразующие суффиксы причастий становились при адъективации этих причастий словообразующими суффиксами прилагательных: *зрелый, вялый, усталый, горячий, висячий, лежащий, жгучий*, а при адвербиализации кратких форм причастий их формообразующие суффиксы становились словообразующими суффиксами наречий: *умеючи, играючи, припеваючи*. Бывшие падежные окончания в отыменных наречиях типа *дотемна, направо, внове, верхом, зимой, ночью* преобразуются в суффиксы наречий.

Иногда встречается словообразование от более полной основы, чем в производящем слове. Например, в словообразовательных парах *слово* → *словесность*, *мать* → *материнский*, *время* → *временный* добавляются элементы *-ес-*, *-ер-*, *-ен-*, которые были принадлежностью праславянской основы слова, но впоследствии утратились в формах именительного падежа существительных. На синхронном уровне невозможно представить себе, что слово *словесность* образовано от слова *словеса*, поскольку слово *словеса* приобрело ярко выраженное пейоративное (осуждающее) стилистическое значение, которого нет в производном *словесность*. В таком случае можно говорить о декорреляции (нарушенной соотнесенности) производящего и производного слова. Для прилагательных *материнский* и *временный* производящая основа обнаруживается не в начальной форме существительных, а в их косвенных падежах (*матерью, временем*).

Декорреляцию можно видеть и в случае образования слова *радость*. Соответствующее словообразовательное значение отвлеченного признака, состояния предполагает, что в современном русском языке производящим должно быть полное прилагательное (ср.: *гордый* → *гордость*, *мудрый* → *мудрость*, *глупый* → *глупость*), но полное прилагательное **радый* в современном нормативном языке отсутствует. Поэтому теперь считается, что существительное *радость* образовано от краткого прилагательного *рад*.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

При разграничении словообразовательной синхронии и диахронии понятие «способ словообразования» имеет разное содержание. Е. А. Земская обозначает такое различие: в диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с по-

мощью какого средства (или каких средств) образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова.

Общей отличительной особенностью способов словообразования, характерных для диахронии, считают медленные преобразования языковых единиц, а это свойственно неаффиксальным способам словообразования, когда средством выражения словообразовательного значения становится слово целиком, а не его отдельные морфемы.

Таковыми способами являются:

лексико-синтаксический (*сегодня, втридорога*);

морфолого-синтаксический (*мороженое, заведующий*);

лексико-семантический (*глава 'голова', глава книги и глава делегации*).

К диахронии относят и **обратное словообразование**, если соответствующие изменения произошли давно (*зонтик, фляга*).

В ряду диахронических способов словообразования иногда выделяют фонетический — создание новых слов в результате звукового преобразования производящих слов (*боярин → барин, Цезарь → царь, подошва → почва*).

Однако все эти способы не потеряли актуальности и для современного русского языка. И, конечно, в истории языка всегда было активно морфологическое словообразование — присоединение аффиксов к производящей основе слов. Оно не является специфическим ни для синхронии, ни для диахронии.

Более подробно о способах словообразования см. раздел «Способы словообразования».

Некоторые способы образования слов, которые обычно считаются диахроническими, сводятся к процессам лексикализации. Явление, противоположное лексикализации — грамматикализация (превращение слов в грамматические показатели) — тоже относится к деривационным процессам.

Лексикализация

Лексикализация языковых единиц — это превращение языковых единиц, которые не считаются лексическими (морфем, словоформ или словосочетаний), в самостоятельные слова.

Лексикализация морфем в общеупотребительном языке часто затрагивает заимствованные префиксы и, еще в большей степени, префиксоиды: *стерео, видео, контра, экстра, супер, псевдо, ультра, анти*. В творческой неологии нередко лексикализуются и русские приставки, и суффиксы (см. раздел «Неология»).

Лексикализация фонетических вариантов слова — *сторона* и *страна*, *невежа* и *невежда*, *отчество* и *отчество*, *собор* и *сбор*, *горячий* и *горящий*, *небо* и *нёбо* — является результатом семантической дифференциации вариантов.

Лексикализация грамматических форм представлена большим количеством фактов и затрагивает разные грамматические категории: *портной*, *мороженое*, *сладкое*, *учительская* (формы рода); *вечером*, *весной*, *даром* (падежные формы), *часы*, *выборы*, *ножницы* (формы числа); прилагательные *горелый*, *умелый*, *усталый*, *горячий*, *ползучий* — лексикализованные формы бывших причастий.

Лексикализация предложно-падежных сочетаний — в русском языке явление частое: *налегке*, *сбоку*, *направо*, *вдаль*, *потихоньку*, *сдуру*, *слегка*, *смолоду*.

Лексикализация произошла и в тех случаях, когда слова образовались из сочетаний знаменательных слов способом сращения: *сумасшедший*, *сегодня*, *сейчас*, *тотчас*, *вышеупомянутый*, *дикорастущий*, *вечнозеленый*, *малопонятный*, *здоровомыслящий*, *высокооплачиваемый*, *благодарить*, *втридорога*.

Степень лексикализованности словоформ бывает разной, например, слова *вечером*, *шагом*, *чудом*, *калачиком* в зависимости от контекстов употребления могут быть и существительными, и наречиями, слова с измененным местом ударения — только наречиями: *верхóm*, *бегóm*, *кругóm*. Слова, которые утратили соотносительность с производящими падежными формами, поскольку сами эти существительные вышли из употребления, тоже лексикализовались полностью: *пешком*, *ползком*, *целиком*, *босиком*, *нагишом*, *сторицей*, *напропалую*.

Орфография непоследовательно отражает результаты лексикализации, например, правила требуют отдельного написания явно лексикализованных сочетаний, производных от бывших существительных с предлогами: *до упаду*, *до зарезу*, *на скаку*, *с кондачка*, *с лихвой*, *в открытую*, *на сносях*, *с панталыку* (соответствующие существительные языком утрачены).

Грамматикализация

Грамматикализация языковых единиц — это превращение самостоятельных лексических единиц в грамматические средства языка.

Например, слово *быть* в составных именных глагольных сказуемых употребляется не как однозначный глагол, а как грамматический показатель времени (глагол-связка): *он был врачом*, *она будет петь*.

Именно глагол *быть* обнаруживает максимальную степень грамматикализации. Древнерусский аорист этого глагола в форме

3-го лица единственного числа превратился в частицу *бы*, компонент сослагательного наклонения, формы древнерусского перфективного причастия *был, была, было, были*, которые употреблялись в составе плюсквамперфекта, изменяясь по родам и числам, стали неизменяемой частицей *было* со значением отмененного действия (*он было согласился, но передумал*).

Грамматикализировались такие слова, как *более, менее* в аналитических конструкциях сравнительной степени: *более серьезный* (= *серьезнее*), *менее интересный* (= *интереснее*).

Грамматикализация числительного *один* привела к его преобразованию в неопределенное местоимение, которое выполняет функцию неопределенного артикля: *Кто это? Так, один знакомый*.

Результатом грамматикализации является переход полнозначных слов, а иногда и словосочетаний в предлоги: *благодаря, спустя, рядом, согласно* (чему-либо), *несмотря, вследствие* и в частицы: *пусть* (*пусть он скажет*), *пускай* (*ну и пускай он ошибся*).

Подвержены грамматикализации глаголы движения и положения в пространстве, они становятся в глаголами-связками: *идти* (*больной идет на поправку; стоит хорошая погода; брат стал хорошо учиться*), а также отглагольные существительные: *в ходе соревнований*.

Последствием грамматикализации может быть деформация слов, например, преобразование полнозначного древнерусского причастия *шьды* ('шедши, идя') в суффикс *-жды* (*однажды, дважды, трижды*), сращение формы настоящего времени глагола *быть* с частицами: *есть ли* → *если, будь то* → *будто*, редукция конечного гласного в императиве *пусти* → *пусть* и в деепричастии (бывшем причастии) *хотя* → *хоть*.

Во всех таких случаях лексическое значение слов значительно ослабляется, иногда вплоть до его полной утраты.

Деэтимологизация

Деэтимологизация (демотивация) — вытеснение из сознания носителей языка исходной мотивированности слова, разрыв этимологических связей слова, приводящий к забвению его первичного значения и опрошению морфемной структуры слова.

Причины деэтимологизации такие же, как и причины опрошения: фонетические изменения в слове, выход из употребления мотивирующего слова, ослабление и утрата соотносительности между исторически однокоренными словами, расхождение лексических значений производного слова с производящим, утрата некоторыми морфемами словообразовательной продуктивности (см. рубрику «Опрошение»).

Некоторые примеры деэтимологизации, не включенные в рубрику «Опрощение»:

долото — утрата мотивации этого слова глаголом *долбить* из-за утраты звука [б] в результате упрощения группы согласных [*bt] в праславянский период и развития полногласия: *долото* ← *dolbto;

белокурый — разрыв связи со словом *кудри* в результате выпадения звука [д]: *белокудрый* → *белокурый*;

ладонь — утрата связи со словами *дол*, *долина*, *подол* в результате метатезы (перестановки слогов): *долонь* → *ладонь*;

полтора — разрыв связи со словом *второй* в результате утраты звука [в] при новом упрощении групп согласных после падения редуцированных гласных: *польвтора* → *полтора*;

пчела — утрата связи со словами *букашка*, *бык* в результате ассимиляции согласных по глухости после падения редуцированных: *бъчела* → *пчела* (ср. украинск. *бджола*). Семантическая общность слов *пчела*, *букашка*, *бык* основана на мотивированности этих слов звукообозначением *бучать* (ср.: *буча* — ‘шум, суматоха, переполох’);

примоститься — деэтимологизация вызвана изменением значения производящей основы. Глагол *примоститься* был этимологически связан со словом *мост* в значении ‘настил, пол’ (ср.: *мостить*, *мостовая*);

врукопашную — деэтимологизация вызвана изменением значения производящей основы. Исторически однокоренной глагол *пахать* утратил значение ‘махать, мести, разбрасывать’;

посещать — мотивация слова утратилась с исчезновением из языка слова *сеть* ‘гость’;

рубль — мотивация слова глаголом *рубить* забыта в результате изменения в жизни общества, в частности, технологии изготовления денег;

копейка — слово в современном языке не мотивировано, монета была названа копеейкой, когда на ней изображали Георгия Победоносца, поражающего змея копьем;

мешок — слово было мотивировано в те времена, когда мешки изготавливали из шкур животных (меха);

торжество — забыта этимологическая связь со словом *торг* ‘площадь’ (на площадях устраивали и торговлю, и праздники).

История некоторых слов связана с комплексом причин, например:

прозябать — исконный корень этого слова — -зѣб- с чередованием [‘а] // [у] на месте бывших носовых гласных.

Этимологически слово *прозябать* связано со словом *зуб*, имевшим более широкое значение, чем в современном языке: ‘зуб, рог, росток’. Первоначально глагол означал ‘расти, произрастать’, затем его прямое значение ‘расти’ оказалось полностью вытеснено переносным ‘бессмысленно существовать’. В результате исходная мотивация совсем утрачена;

карактица — слово исходно мотивировано словом *корок* — ‘нога’, утраченным в русском языке (ср.: *окорок*). Развитие аканья, закрепленное орфографией, привело к забыванию этимологического значения: *корокатица* (**корокатая*), то есть имеющая много ног (ср. слова с суффиксом *-ат-*: *бородатый, носатый*).

В результате ослабления этимологических связей слов в некоторых случаях происходит расширение значения слова, например, становятся возможными такие противоречивые сочетания слов, как *цветное белье, красные чернила, полиэтиленовый мешок* и тавтологичные сочетания *белое белье, черные чернила*.

Реэтимологизация

Реэтимологизация — это переосмысление слова в результате его сближения с другими словами, похожими по звучанию, но не имеющими с ним этимологической общности.

Реэтимологизация в социальном просторечии часто сопровождается деформацией слова, например, *пиджак* → *спинжак, полликлиника* → *полуклиника, високосный* → *высокосный*.

Другие термины, обозначающие реэтимологизацию: «**народная этимология, ложная этимология**», «**наивная этимология**», «**псевдоэтимология**».

Иногда предлагается различать народную этимологию (объяснение непонятого слова с помощью похожих слов) и народное словопроизводство (изменения слова под влиянием народной этимологии).

В современном русском литературном языке есть слова, возникшие в результате переосмысления, часто сопровождаемого искажением облика этих слов:

свидетель — сейчас это слово соотносится с глаголом *видеть* (ср.: *очевидец*), но первоначально было произведено от глагола *вѣдѣти* ‘знать’. Произношение безударного [е] как [и] оказалось орфографически узаконенным. Современное употребление слова указывает на то, что его значение связывается не только со зрительным восприятием: свидетелем называют и того, кто слышал или знает что-либо;

муравей — слово образовалось в результате переосмысления слова *морвей* с полногласием (ср. польск. *trówka*, болг. *мравка*) из-за фонетического сходства со словом *мурава* (ср.: *трава-мурава*);

близорукий — слово возникло из прилагательного **близозоркий* (ср. *дальнозоркий*), затем подверглось гаплогогии (в нем совместились два одинаковых слога): **близозоркий* → *близоркий*, в результате гаплогогии слово *близоркий* оказалось деэтимологизированным и стало ассоциироваться со словом *руки*;

пескарь — слово было мотивировано звукообозначением *писк* (существовало представление о том, что эта рыбка питает, когда ее берут в руки), но оказалось переосмысленным под влиянием слова *песок*;

синица — слово этимологически связано со звукообозначением *зинь*: *синица* ← *зиница* (ср. одно из народных названий синицы *зинзивер*), затем под влиянием слова *синий* изменился начальный звук слова.

выдра — слово этимологически связано со словом *гидра* (‘водяная’): *гидра*, *выдра* ← праиндоевроп. **ǵdrā* [ǵ:dra:]. К начальному гласному звуку [ǵ] (с придыханием в языке-источнике) присоединялся звук-эпентеза [г] (*гидра*) или звук [в] (*выдра*) — ср.: *осьмушка* — *восемь*, *отец* — *вотчина*. Ложная мотивация слова *выдра* глаголом *выдрать* основана на случайном звуковом сходстве, не имеющем никакого отношения к происхождению слова.

Ложная (наивная) этимология свойственна языку детей, которые пытаются осмыслить слова в соответствии с той логикой наименования, которую они считают более понятной. К. И. Чуковский в книге «От двух до пяти» приводит такие примеры детского преобразования слов: *вазелин* → *мазелин*, *помада* → *помаза*, *петля* → *цепля*, *кузов* → *пузов*, *бормашина* → *больмашина*, *молоток* → *колоток*, *пружинка* → *кружинка*.

Раздел 6

НЕОЛОГИЯ

Неология — это 1) совокупность явлений, связанных с образованием и употреблением новых языковых единиц; 2) раздел языкознания, изучающий разновидности и свойства новых языковых единиц (**неологизмов, новообразований**).

Неология как раздел науки уделяет преимущественное внимание новой лексике и фразеологии.

Специфика неологии как раздела словообразования заключается в том, что новые слова позволяют исследовать словообразовательную систему в ее развитии, обращаясь не к прошлым состояниям языка, а к его современному состоянию, дает представление о многих возможностях языка, ранее не реализованных.

Неология как совокупность явлений, связанных с образованием и употреблением новых языковых единиц, указывает на степень продуктивности разных словообразовательных моделей, типов, на динамику словообразовательных гнезд, на формирование словообразовательных значений, на закономерности словообразовательной мотивации.

По своему статусу в языке неологизмы делятся на **узуальные (языковые) и незузуальные (речевые, индивидуально-авторские, окказиональные)**.

Новые слова появляются во всех разновидностях языка, во всех его функциональных и экспрессивных стилях — в научной и деловой речи, в публицистике, в разговорной речи, в художественной литературе. Они создаются в соответствии с потребностями общества в наименовании новых предметов, понятий, различных явлений или для придания речи выразительности. Потребность в новых словах связана с познавательной деятельностью человека.

Серьезное внимание словообразовательному аспекту при изучении новой лексики стали уделять только в XX веке, особенно во второй его половине. В. Г. Гак назвал высокую степень научного интереса к этому явлению неологическим бумом.

Теоретические проблемы неологии и множество конкретных фактов в разное время анализировали такие исследователи, как Г. О. Винокур, Р. О. Якобсон, А. Г. Горнфельд, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Н. М. Шанский, И. С. Улуканов, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Э. И. Ханпира, Л. П. Крысин, М. А. Бакина, Н. А. Янко-Триницкая, Н. З. Котелова, О. А. Александрова, А. А. Габинская, Р. Ю. Намитокова, О. Г. Ревзина, С. И. Тогоева, Н. А. Фатеева, Н. А. Николина, Н. Г. Бабенко, А. В. Флоря, П. П. Изотов, В. В. Панюшкин, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава и многие другие исследователи.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Терминологическая система, описывающая новую лексику, во многом противоречива и по этой причине неустойчива. Терминологическая неупорядоченность объясняется прежде всего сложностью разграничения понятий, часто связанных с переходными или противоречивыми явлениями в языке.

Критерий новизны

Прежде всего, нет четких критериев для определения объекта описания. Ключевое понятие в неологии — «новые слова», однако новизна явления всегда относительна. А. Г. Лыков обращает внимание на то, что признак новизны не может быть измерен и не имеет формальных характеристик. Парадоксален тот факт, что словарями новых слов фиксируется только такая лексика, которая прочно вошла в язык (а значит, во время лексикографической фиксации собственно новой уже не является). О том, что ощущение новизны быстро стирается, пишет и автор периодических выпусков Словарей новых слов Н. З. Котелова. В учебной литературе приводятся такие примеры неологизмов, которые в современном состоянии языка уже давно перестали быть новыми словами: *телевизор*, *пылесос*, *космонавт*, а некоторые уже стали историзмами: *октябрёнок*, *комсомолец* и пр.

Р. Ю. Намитокова и многие другие подчеркивают, что представление о новизне слова всегда субъективно. Оно зависит и от возраста носителя языка, и от сферы его деятельности, и от языковой компетенции.

Понятия «неологизм», «окказиональное слово» и «потенциальное слово»

В литературоведении **неологизмами** традиционно называют любые новые слова, в том числе авторские слова художественных текстов.

В лингвистике сложилась традиция различать неологизмы и авторские слова писателей. У лингвистов наиболее употребительные термины для описания разновидностей новых слов — **«неологизмы»** (для языковых единиц, вошедших в язык, например, *флешка*, *мобильник*), **«потенциальные слова»** (для слов, образованных по **продуктивным моделям**, но не имеющих традиции словоупотребления и не зафиксированных нормативными словарями, например, *каменность*, *возражатель*) и **«окказиональные слова»** (для фактов индивидуального словотворчества, например, *широкошумные* А. Пушкина, *декабрь* В. Маяковского, *заблокнотить* С. Кржижановского).

Термин «окказиональные слова» используется и в академической «Русской грамматике» (1980).

Но активно употребляются и другие наименования для этого явления. Еще в 1973 году В. В. Лопатин привел список из 15 терминов, характеризующих новое слово писателя. С тех пор количество терминов и описательных наименований явления значительно увеличилось. К названным терминам добавились такие: «новообразования», «контекстуальные образования», «поэтические ново-

образования», «речевые образования», «индивидуально-авторские новообразования», «инновации», «речевые инновации», «эгологизмы», «слова-самоделки» и др.

Однако в последние годы все больше и больше авторитетных лингвистов предпочитают употреблять термин «неологизмы» в широком значении, как это принято в литературоведении, иногда с уточняющими определениями: «авторские неологизмы», «художественные неологизмы», «творческие неологизмы», «стилистические неологизмы», «индивидуальные неологизмы», «поэтические неологизмы».

В одном из обобщающих исследований по теории писательского словотворчества — книге Р. Ю. Намитоковой¹ — анализируются достоинства и недостатки терминов неологии и предлагается классификация новых слов без широко распространенных терминов «окказиональное слово» и «потенциальное слово».

И для этого есть основания: многие признаки окказионального слова, перечисляемые в исследованиях и учебной литературе, не являются релевантными.

Прежде всего, неубедительно разъяснение сущности явления этимологией термина: окказиональные слова (от *лат.* *occasio* — ‘случай’) — это слова на случай. Из этого следует указание на их функциональную одноразовость (их называют также эфемерными инновациями, словами-однодневками, словами-метеорами).

Но, во-первых, довольно странно было бы утверждать, что все авторские слова — «слова на случай» у тех поэтов, для которых словотворчество — основное художественное средство формирования смысла (то есть далеко не только средство выразительности), например, у В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, И. Северянина, М. Цветаевой, А. Вознесенского, Г. Сапгира, В. Сосноры, А. Левина.

Во-вторых, одно и то же авторское слово некоторые писатели используют неоднократно, например, слово *людьё* встречается у О. Мандельштама в разных стихотворениях:

Были мы люди, а стали — **людьё**.
(«Дикая кошка — армянская речь...»)

И по-звериному воет **людьё**.
(«И по-звериному воет людьё...»)

В-третьих, одни и те же неузальные слова нередко появляются у разных авторов независимо друг от друга, например:

¹ Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону, 1986. 163 с.

...сквозь огненную **толщ**
прозрачно холод дышит.
(В. Казаков)

Британии **толщ** островная
кренится за валкой кормой.
(Ю. Кублановский)

Завтра уйдем вверх, вглубь, где растет кедр,
слушать сквозь **толщ** скал зов нефтяных недр.
(М. Яснов)

В-четвертых, авторские слова, оказываясь в пассивном лексиконе читателей, вполне могут переходить и в их активный лексикон, например, словосочетание «краснокожая паспортина» из стихотворения В. Маяковского «Стихи о советском паспорте» включается в реплику разговорной речи: «Пойду краснокожую паспортину получать».

В-пятых, новообразования одних писателей входят в тексты других как цитаты, аллюзии, а иногда и становятся производящими словами для новых слов, например, образованное Велимиром Хлебниковым деепричастие *крылышкуя* входит как производящее в стихотворение Владимира Строчкова «Пустолетки мои, ах, мелкокалибри...»:

Пустолетки мои, ах, мелкокалибри,
что вы делаете здесь, посреди верлибри,
и зачем плюете вы в дырочки рифмуя,
крылышками своими золотописьмуя.

По этим же причинам не вполне корректно считать авторские слова принадлежностью только речи, а не языка.

Термины «узуальные слова» и «неузуальные слова» тоже несовершенны, так как при характеристике нормативных и ненормативных явлений речи узусом называют явления, переходные от ненормативного употребления языковых единиц к нормативному.

Разграничение авторских новообразований на окказиональные и потенциальные слова — тоже вопрос спорный. Реализованное потенциальное явление перестает быть потенциальным. В обширной области переходных фактов практически невозможно объективно установить степень продуктивности модели для различения окказионального и потенциального.

Таким образом, в современном языкознании фактически нет безупречных терминов для описания слов, известных большинству

образованных носителей языка, и слов, появляющихся в писательском словотворчестве.

Для термина «окказиональные слова» с его указанием на случайность можно предложить более подходящее применение: номинацию таких актов индивидуального словотворчества, которые имеются не в художественных произведениях, а спонтанно возникают в речевой деятельности, преимущественно в разговорном языке. Например, в таких высказываниях, представленных в сетевом общении:

Еще сегодня я собралась с духом и наконец-то **вдрелила** занавески;

Защита дочери прошла на ура. Теперь оба ребенка **одиссертаченные**. На радость деду;

Приехал, как последний дурак, в Домодедово за 3 (!) часа до вылета. Ожидал толпы людей у рамок при входах... <...> А здесь всё спокойно, как в **крокодилятнике**;

Снимаю я трубку, набираю номер Доктора. Идут гудки. И вдруг (внимание!) я слышу стихи! В телефонной трубке! Меня начинает **подколбашивать**;

Не буду класть фотку! вы будете **бугагировать** и даже показывать пальцем!;

Никого не **отвзаимлю** без коммента в моем ЖЖ;

Получила любопытное сообщение от неугомонного **френдёрника**;

А рынка этого уже нет — **скризился**.

Впрочем, нет никакой уверенности в том, что какие-то из этих слов не повторились или не будут повторяться.

УЗУАЛЬНАЯ НЕОЛОГИЯ

Узуальные неологизмы — это новые слова, значения и устойчивые сочетания слов, ставшие общеупотребительными, при этом их новизна ощущается говорящими.

Среди них выделяются **лексические** и **семантические** неологизмы.

Лексическими неологизмами называются новые слова, образованные морфологическими способами и аббревиацией, а также заимствованием из других языков. Например, в XX веке появились такие слова, как *ликбез*, *НЭП*, *зарплата*, *космонавт*, *танцпол*, *магнитофон*, *пылесос*, *холодильник*, *морозилка*, *видеокамера*, *компьютер*, *ксерокс*, *модем*, *шопинг*, *бомж* и мн. др. Лексические узуальные неологизмы часто появляются при словообразовательной адаптации заимствованных слов: *мобильник*, *феминистка*, *бюджетник*, *ипотечный*, *отксерить*, *флешка*, *смайлик*, *зафрендить*.

Семантическими неологизмами называются слова, известные в языке, но получившие новые или специализированные значения, например, *челноки* ('перевозчики товаров для мелкой частной торговли'), *мышка* (компьютерный аксессуар), *перестройка* (название политического, экономического и социального переустройства СССР во второй половине 80-х годов XX века).

Узуальные неологизмы могут быть **номинативными** и **стилистическими**.

Номинативные неологизмы выполняют в языке собственно номинативную функцию — они создаются для обозначения новых предметов, понятий, явлений. Много таких неологизмов появляется в языке науки (*экология*, *клонировать*, *озонная дыра*), политики (*плюрализм*, *антиглобалист*, *перезагрузка*), экономики (*конвертация*, *маркетинг*, *макрэкономика*), делопроизводства (*классификатор*, *документирование*, *документооборот*).

Стилистические неологизмы дают образную характеристику предметам, которые уже имеют названия, выполняют экспрессивную функцию: *дом отдыха* → *здравица*, *нелицензионный* → *пиратский*, *автомобиль* → *тачка*, *телевизор* → *ящик*.

Промежуточное положение между собственно номинативными и стилистическими неологизмами занимают новые слова, возникающие из потребности дистанцироваться от прежнего уклада жизни: *модный* → *актуальный*, *трендовый*; *мультипликация* → *анимация*; *проба*, *отбор*, *конкурс* → *кастинг*; *заочное обучение* → *дистанционное обучение*.

В некоторых случаях общеязыковыми словами становятся авторские новообразования, например, слова *вещество*, *градусник*, *равновесие*, *маятник*, *насос*, *притяжение*, *созвездие*, *рудник*, *чертеж* — слова, изобретенные М. В. Ломоносовым, авторство слов *благодарность*, *независимость*, *сущность*, *особенность* принадлежит В. К. Тредиаковскому, слова *промышленность*, *влюбленность*, *рассеянность*, *трогательный*, *влияние*, *сосредоточить* вошли в язык из произведений Н. М. Карамзина, автор слова *лётчик* — В. Хлебников, слова *бездарь* — И. Северянин, слова *канцелярит* — К. Чуковский.

НЕУЗУАЛЬНАЯ НЕОЛОГИЯ

Причины авторского словообразования

Обобщая типологию причин словотворчества писателей, представленную в разных исследованиях, Н. Г. Бабенко указывает такие: «а) необходимость точно выразить мысль (узуальных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание

и даже предложение); в) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, деавтоматизировать восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки. Первые три причины являются основными. Очень часто возникновение новообразования бывает вызвано не одной, а сразу несколькими причинами»¹.

О. Г. Ревзина считает, что важнейшая причина словотворчества — подтверждение личностного отношения к языку и свободы от его власти².

Способы неузального словообразования

Способы словообразования, проиллюстрированные следующими примерами из разговорной речи, публицистики и художественной литературы, не являются специфическими только для неузального словообразования, но для него они более характерны.

Все способы перечислить невозможно, они очень разнообразны, среди них много смешанных. Здесь перечисляются только некоторые способы неузального словообразования в качестве примеров, а не классификации:

а) Обратное словообразование (редеривация)

Депрефиксация (устранение префикса):

Он говорил ей: «Испепелю!» И она бросалась бежать, подсакивая, с криком: **Не пепеляй** меня, **не пепеляй**. (И. Грекова)

Юля просто святой человек, я **шляпила** все лекции по психологии, а она мне даст тетрадку, чтоб я подготовилась к контрольной. (Запись в блоге)

А ты неряха или **ряха**? (Запись в блоге)

Пусть ноша бесполезна и ничтожна,
натружен ей **радивый** горб спины.

(Б. Ахмадулина)

Десуффиксация (устранение суффикса):

Вот такие **подробы**, подростки лезут. (В. Набоков) [подробности]

Дак что за **собак-то**? Спаниэль что ли, это я про уши как крылья? (Запись в блоге)

¹ *Бабенко Н. Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград, 1997. С. 5—6.

² *Ревзина О. Г.* Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: Сборник научных трудов. К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 303—308.

Депостфиксация (устранение постфикса):

Он умел **усомнить** самые незыблемые положения. (Д. Гранин)
Чего только не придумают, чтобы **раскошелить** заботливых мамаш? (Запись в блоге)

Десубстантивация (превращение существительного в другую часть речи):

В Ижевске равнодушный **прохожий гражданин** помог задержать грабителя пенсионерки. (Из информационных материалов)

Ей мотыльком уже не стать,
погибшей **деве насекомой**.
(Б. Кенжеев)

Деадвербиализация (превращение наречия в другую часть речи):

Стремительным **гуськом** прошедший мимо.
(М. Яснов)

Они в **обнимку** тесную читают.
(Т. Кибиров)

б) Гибридное словообразование

(контаминация, междусловное наложение, телескопное словообразование, скорнение, слова-бумажники, слова-кентавры)

Гибридными словами являются многие неологизмы В. Хлебникова:

звучей (звучать + ручей),
улетавль (улетать + журавль),
времяши (время + камыши),
смеярышня (смеяться + барышня),
нехотяй (не хотеть + негодяй).

Примеры гибридного словообразования в стихах современных поэтов:

Ждут Гавана и Сейшелы, ждут Аляска и Апсны...
И пускай скулят е-мейлы. **В ноутбудке**. До весны.
(А. Кабанов)

И нигдень, и темночь, и звезды
пахнут ландышами морозно.
(Н. Делаланд)

глас народа
глас **бомжий**.
(И. Ахметьев)

Теряю минуты, бросаю глаза в небосвод,
Кружу, **неизбеженец**, ночью по утлому саду.
А в доме щенок закадычный меня стережет,
Включаю лампаду, собака танцует ламбаду.
(С. Лейбград)

И грянет бой, которому греметь
пока не станет небо островерхим,
пока под ним не обновится твердь
медоточивым **пчеловеком**.
(В. Бобрецов)

в) Субституция
(замена фрагментов слова)

В таких ситуациях лучше переборщить, чем **недобрщить**.
(Запись в блоге)

Любимая **застольно-подстольная** песня «Ой, мороз, мороз,
не морозь меня...» обладает фантастическим целительным по-
тенциалом. (Запись в блоге)

Арт посиделки (**постоялки, полежалки**). (Запись в блоге)

Я, как завистливый нищий,
Твоими ресницами высечен
Хочешь, я буду **ресничий**
В твоём **ресничестве**?
(А. Богатов)

Красе цветка отечественна здравость
темнот застойных и прохладных влаг.
Он полюбил чужбины **второзданность**:
чащобу-дом, дом-волю, дом-овраг.
(Б. Ахмадулина)

г) Лексикализация морфем и других фрагментов слова
(эмансипация, автономизация, высвобождение морфем)

Какие «**ени**и» у вас сейчас? Поселение, выселение, назначе-
ние? (Пример Ю. Н. Шаталовой)

Давно ли появились **-чане**? (Заголовок статьи А. А. Абдул-
лаева о названиях жителей разных городов (пример Е. А. Зем-
ской))

А он такой **-оватенький**
весь из себя **-еватенький**
горстями кидает «катеньки»
своей зазнобе Катеньке.

(А. Кондратов)

Все **аемые** и **яемые**
всем **ающим** и **яющим**:
«Что вы шиплетесь, что вы колетесь
как вам не ай и яй!»

Все **ающие** и **яющие**
всем **аемым** и **яемым**:
«А вы двигайтесь, двигайтесь!
Ишь, лентяи-яи!»

(А. Левин)

Эмансипированные аффиксы могут становиться производящими основами:

Прием **измизации** оппонента... заключается в том, что вы приписываете оппоненту какой-либо «изм» или — лучше — несколько «измов». Например: «От теориейки критика Крутихвоста «2×2 — всегда 4, и только 4» отдает фатализмом и мистицизмом». Если вы **измизируете** оппонента определенным «натурализмом», к последнему стоит присоединить эпитеты «ползучий», «бескрылый» или «приземленный». Эффективность приема «**измизации**» повысится, если вы соедините его с приемом **щинизации** оппонента. Выполняется этот прием так: к фамилии оппонента или (по ходу полемики) другого лица, которое вы не одобряете, прибавляется «-щина» (Крутихвост + «щина» — *крутихвостовщина*). Таким приемом вы создадите термин-ярлык, очень опасный для противника. (Ю. Ивакин — пример Е. А. Земской)

д) **Метатеза**

Метатеза — это перестановка фрагментов внутри слова, например:

Народ глядит. Внутри ряды резин
и никчемушек полный **гамазин**.
(Г. Сапгир) [← магазин]

найден в цветах и ящерицах общий язык
дюли ко мне не ходят, наговорился.
(В. Соснора) [← люди]

Метатеза может сопровождаться и отдельным написанием фрагментов слова, в этом случае образуются самостоятельные слова, то есть происходит эмансипация этих фрагментов:

Я **маты́й лох**, бегущий краем света. [← лохматы́й]
Я **наты́й мох** в фундаментах домов, [← мохнаты́й]
в которых жил тот **ликий солнцем** бог [← солнцеликий]
всех **рявых куд**, всех слов потенциальных. [← кудрявых]
(А. Левин)

Слово с переставленными фрагментами может совпадать с другим словом:

Обида за любовь и за
отсутствие любви —
росы **внезрачная** слеза,
что выпукла в пыли.
(В. Кальпиди)

В подобных случаях имеется множественная производность, например, слово *внезрачная* в последнем контексте производно и от слова *невзрачная* (метатезой), и от слова *зрак* (префиксально-суффиксальным способом — *вне-зрак/ч-ная*).

Но перестановка фрагментов нередко встречается не только в пределах одного слова. Она объединяет разные слова, близко расположенные в контексте:

Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у **трамвала**
Вокзай остановиться?
(С. Маршак)

круче плечи темя плоче
уши зоркие вперед
подотечественник в роще
соберезовик берет.
(А. Цветков)

Иногда такой обмен слогами выходит за рамки языковой игры:

Долго ли длится ночь,
перетираемая
мобом и нерем.
(С. Бирюков)

е) Палиндром

Палиндромное словообразование основано на прочтении слова справа налево:

Сморкаясь, я присел на край постели, продолжая смотреться в **олакрез**. (В. Набоков) [*олакрез* ← зеркало]

Где находится **нофелет**? (Сюжетообразующая реплика в фильме Г. Бежанова «Нофелет») [*нофелет* ← телефон]

Товарищ мой проклятых лет,
розивелет, розивелет.

<...>

Над озером собор — валет.
Отобрази, **розивелет.**

(А. Вознесенский)

[*розивелет* ← телевизор]

Мне оторвало голову,
она летит ядром,
вон летит, **мордя**, —
о, чудный палиндром!

(В. Гандельсман)

[*мордя* ← ядром]

ж) Гендиадис

(*отзвук, повторы-отзвучия, эхо-конструкции, «фокус-покус»-прием*)

Гендиадис представляет собой создание нарочито бессмысленного слова, основанного на рифмующемся искажающем повторе узуального слова:

Получила тетка Александра второе письмо про пикник и обиделась.

— И все-то у них дурь в голове! Пикники да **микники**! Нет, чтобы о старухином здоровье толком порасспросить.

Тетка знала, что такого и слова нет — «**микники**», — но, как старуха богатая, позволяла себе порою много лишнего. (Н. Тэффи)

Ежли ж он, едрёна птица,
шибко возомнитца —
рыцарь-**шмыщарь-ламцадрыцарь**,
пожалте-ка брытца!

(А. Штыпель)

«Гендиадис-**шмендиадис** (О повторах-отзвучиях) — заголовок статьи Д. Гугунавы о гендиадисе.

В. З. Санников считает, что в абсолютном большинстве случаев такие конструкции являются снижающими: «Поскольку у говорящих существует представление о строгой связи между формой и содержанием, постольку обыгрывание облика слова — присоединение к слову его искаженного двойника (в виде приложения или сочиненного члена), посягательство на форму, разрушение ее, воспринимается и как посягательство на соответствующее содержание. Результат — снижение, а то и дискредитация самих понятий»¹.

з) *Тмезис*

Тмезис — это образование авторского слова вставкой какого-либо фрагмента в узуальное слово:

Он боится не за себя, догадалась Лани. За кольцо. Если им завладеет Ковен, все пропало. Лониэль никогда не простит себе этого, даже если ему **понесчастливится** остаться живым. (В. Бодров)

Слушай свист и шипение,
стой дурак дураком.

Чистомоеписание

мелкий сожрал дракон.

(Л. Лосев)

«Первый отряд на прополку,
остальные на встречу с героем».

Волей-неволей-бол

перед отбоем.

(Л. Лосев)

что я помню кроме
как все валилось из рук
то что голос крови
скорее почерк чем звук

сбивчивый неуверенный с хрипотцой
порывистый до умеренного с трещинкою по краю
с лам-ца (это истерика) дри-ца-цой
справа налево но я другого не знаю
и уже не успею.

(А. Месропян)

¹ Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. С. 168.

и) Креация

Креация — это образование слов с вымышленными корнями:

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка.
(Л. В. Щерба)

Дыр бул щыл
Убешщур
Скум
вы со бу
р л эз.
(А. Кученых)

Киоск курорга: старый добрый пластик
На выбор — сумки, рюмки, **жустик**, **хрястик**.
(Г. Сапгир)

Здесь **чичажник** и **мантульник**
лопушаник и **чиграк**,
волчий локоть, **загогульник**,
самоед и буерак.
(А. Левин)

смотри, как **бдыжь** идет,
смотри и слушай,
как громко здесь по крышам
бродит **бдыжь**.
(Н. Делаланд)

к) Трансформация грамматических форм

За окном моим летали
две весёлые **свистели**
Удалые **щебетали**
куст сирени тормозили.
А по крыше магазина
важно **каркали гуляли**
и большущие **вопили**
волочили взад-вперёд.
(А. Левин)

Есть племя **покинул** и племя **вернул**:
покинулы скорбно толпятся у ямы,
вернулы в парадный встают караул,
не зная друг друга, но слыша тамтамы.
(А. Найман)

Язык мой пятнист и **велосипедист**, механика его — тонкой природы, шарниры его не скрипят и смазки не требуют. (А. Левин)

И входили войска: грохоча, веселясь, **портупея**.

В это страшное время в любви признавался тебе я.

(А. Кабанов)

Словообразовательная системность в поэтических экспериментах

Многие авторы, создавая свои неологизмы, исследуют и показывают логику словообразовательной системы: поясняют, как смысл слова складывается из его морфем. Тем самым они создают словообразовательный контекст, при этом актуализируют забытые этимологические связи слова, словообразовательные модели, включают в тексты словообразовательные пары и гнезда, нарушением нормативного словоупотребления обращают внимание на фразеологичность семантики производного слова.

а) Словообразовательный контекст

Словообразовательный контекст — это авторский комментарий, поясняющий индивидуальное новообразование и/или внесение в контекст словообразовательных аналогий, например:

Дело слов:

Крысо-лов?

Крысо-люб: значит, любит, коль ловит!

(М. Цветаева)

В книге В. Новикова «Роман с языком» автор подробно анализирует сочиненное им слово *междунамие*, он дает определение этого неологизма, сообщает о том, как из морфем слова складывается его общий смысл, анализирует психологическое и философское содержание понятия, указывает на возможную изменяемость слова:

Междунамие — такое слово у меня придумалось однажды.

Им я обозначаю взаимоотношение двух людей, независимо от пола, возраста, степени родства. Оно возникает только при участии нездешних сил — самое искреннее стремление людей к сближению может оказаться тщетным, если не получит подтверждения отсюда. Формы проявления такой близости разнообразны, она может сочетаться с кровным родством, любовью, супружеством, приятельством, профессиональным сотрудничеством, но ни для одной из этих земных связей она не является обязательной. Порой люди упорно дружат, сходятся, женятся, заводят общие дела и общих детей, но этого реального взаимоотношения между ними — даже за годы,

за десятки лет — так и не возникает. Сущность **междунамия** непознаваема, его можно только чувствовать применительно к себе, насчет же других остается только догадываться. Посему данное существительное у меня не только склоняется, но и изменяется по лицам: 1. **Междунамие**; 2. **Междунамие**; 3. **Междунамие**. Форма второго лица, впрочем, едва ли понадобится: если мы с вами можем говорить на столь интимные темы — значит, у нас имеется общая начальная форма.

Междунамие (междунамие) — субстанция вполне материальная. Она рождается, живет и умирает, причем эти три фазы отнюдь не совпадают с этапами существования партнеров по близости. Может быть, и после смерти двух людей их **междунамие** продолжает жить — этот вопрос для меня остается открытым. Но в чем я уверен, так это в том, что **междунамие (междунамие)** — единица человечности, равноценная отдельной личности. Поэтому, говоря о человечестве, стоит включать в него не только совокупность индивидуумов, но и всю сумму существующих **междунамиий (междунамий)**. Хотя они, как говорится, есть не просят, а также не требуют жилплощади и не участвуют в выборах.

Словообразовательный контекст может пояснять смысл слова его структурой и в том случае, когда автор привлекает внимание к узальному слову:

Почему современная проза так вяло читается? Потому что большинство сочинителей не хотят заново **со-чинять**, соединять мысль и событие, они надеются на «культурный контекст» — и зря. (В. Новиков. Роман с языком)

И только на территории искусства правда и выдумка вступают в отношения условного равенства, **с-равнения**. (В. Новиков. Роман с языком)

б) Актуализация словообразовательных типов

В художественной литературе, особенно в поэзии, одним из главных приемов смыслопорождения, выразительности и суггестии (способности воздействовать) является повтор, в том числе словообразовательный. В повторах часто актуализируются словообразовательные типы:

Есть в русской природе усталая **нежность**,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, **безгласность**, **безбрежность**,
Холодная высь, уходящие дали...
Глубокая тишь... **Безглагольность** покоя...

(К. Бальмонт)

Короткая ласка
На лестнице **тряской**
<...>
На лестнице **шаткой**,
На лестнице **падкой**
<...>
На лестнице **чуткой**
На лестнице **гудкой**
<...>
На лестнице **щипкой**,
На лестнице **сыпкой**
<...>
На лестнице **шлёпкой**,
На лестнице **хлопкой**
<...>
По лестнице **капкой**,
По лестнице **хлипкой**
<...>
На лестнице **плёвкой**
<...>
Ног — с лестницы **швыркой**
<...>
Ног — с лестницы **зыбкой**
<...>
По лестнице **дрожкой**.
(М. Цветаева)

Из мифа в миф
изгиб, излом, извив.

Из века в век
извод, излет, извет.

Из года в год
гляжу на них с тоской:
увы, но в этом мире
я — **изгой**.

(М. Яснов)

Горожанин до мозга костей,
До последней черты **горожанин**
Обожанин твоих новостей,
Переулков твоих **прихожанин**,
Каторжанин твоих скоростей,
Заговоренный **невъезжанин**

За пределы твоих крепостей,
твоих полутемных страстей
Добровольный и верный **служанин**.
(А. Крестинский)

В подобных случаях узуальные слова той же структуры представляют собой словообразовательный контекст для неологизма, а неологизм деавтоматизирует восприятие общеупотребительных слов.

в) Актуализация системности в словообразовательные гнездах

В художественных текстах встречаются обширные словообразовательные гнезда, в которых сближаются этимологически родственные слова, например:

Песню весенней любви теперь запевайте, вы, майские Музы!
Было! — у самого-самого моря стоял Дом
Творчества. В доме был бар. Но об этом позднее.
В доме том жили **творцы** и только **творили**.
Творчеством то есть они занимались, — и это понятно.
Всякая **тварь** испытала на собственной шкуре, что значит **творить**.
(В. Соснора)

Пример словообразовательного гнезда с двойственным статусом узуального и одновременно незузуального слова — фрагмент из стихотворения В. Строчкова «По долгу службы»:

Сверху, снизу, с боков — вода.
Внутри — воздух.
Между ними — собственно человек.

Водоросли
Поросли, заросли, целые **отрасли водоросли**.
(В. Строчков)

В контекстуальном сгущении слов с корнем *-рос-/-рас-* слово *отрасли* воспринимается и как узуальное слово со значением 'отдельные области деятельности, науки, производства', и в то же время как авторский неологизм с буквальным значением корня, как в словах *поросли*, *заросли*, и с приставкой, как в слове *отросток*. Контекстуальная семантическая двойственность слова *отрасли* в сочетании *целые отрасли* выявляет внутреннее противоречие этого сочетания: приставка *от-* указывает на отделение чего-либо от целого, при том, что в таком синтаксическом употреблении, как *целые направления, вышла целая история*, прилагательное находит-

И. Б. Голуб пишет:

«Словообразование вызывает стилистический интерес в следующих случаях:

- 1) если мотивированное слово приобретает стилистическую окраску, несвойственную мотивирующему: дочурка (уменьш.-ласк.) — дочь; инженерша (прост.) — инженер;
- 2) если аффиксация способствует функционально-стилевой закреплённости слова: потребовать (общеупотр.) — востребовать (офиц.-дел.); шитье — пошив (спец.); гречиха — гречка (разг.); даром — задаром (прост.), задарма (гр.-прост.);
- 3) если особенности словообразования ограничивают сферу использования слов, которые употребляются лишь в диалектах или получают профессиональный либо жаргонный оттенок: земляника — земляница (диал.); свистеть — свистать (всех наверх) (проф.); мультфильм — мультик, мультяшка (жарг.);
- 4) если особенности словообразования становятся причиной архаизации слова, уступающего свое место в активном лексическом запасе синониму с иными аффиксами: дерзостный (уст.) — дерзкий; грузинец [Армяне, грузинцы, черкесы, персиане теснились на площади (П.)] — грузин;
- 5) если словообразование используется как источник речевой экспрессии при создании окказионализмов: широкошумные (дубравы)¹ (П.); блиноед (Ч.); прозаседавшиеся (Маяк.)².

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

а) *Функционально-стилевая принадлежность словообразовательных формантов*

Некоторые аффиксы и префиксы имеют функционально-стилистическую принадлежность. При употреблении за пределами своего функционального стиля они приобретают книжную окраску.

Например, для **научного стиля речи** характерны иноязычные форманты, а также аффиксы, образующие слова со значением отвлеченных понятий и все производные от этих слов, сложные слова. Основы с иноязычными морфемами часто подвергаются опрощению. Многие слова, типичные для научной речи, переходят из в официально-деловую, публицистическую, а иногда и в разговорную речь, где могут терять книжную окраску.

¹ У А. С. Пушкина — *дубрѳвы*.

² Голуб И. Б. *Стилистика русского языка*. М., 2005. С. 193.

Аффиксы:

- ость** — вязкость, плавкость, аморфность, системность, совокупность, гипотетичность, обусловленность, диалогичность, экспрессивность, ассоциативность, усвояемость;
- ие, -ние, -ение, -ание** — равновесие, влияние, значение, определение, явление, распределение, кольцевание;
- ство, -анство** — свойство, тождество, эпикурейство, кантианство, гегельянство;
- ция, -ация, -фикация** — функция, ретроспекция, конденсация, вулканизация, ассимиляция, наррация, акклиматизация, амортизация, коммуникация, идентификация, спецификация;
- анс** — резонанс, ассонанс, декаданс;
- ивный** — конструктивный, позитивный, эффективный, нарративный;
- изм** — солипсизм, критицизм, формализм, рационализм, скептицизм, дарвинизм;
- альный** — горизонтальный, экспериментальный, префиксальный;
- ический** — семантический, тематический, гиперболический, генетический, астрономический, концентрический;
- ичный** — идентичный, аутентичный, фразеологичный;
- изованный** — формализованный, наэлектризованный, креолизованный;
- ировать** — оппонировать, резонировать, ассоциировать, абстрагировать, транскрибировать.

Аффиксоиды:

- **метр** — спектрометр, вольтметр, гальванометр, хронометр;
- **граф** — осциллограф, сейсмограф, спектрограф;
- видный** — нитевидный, древовидный, шаровидный, миндалевидный, трапецевидный;
- образный** — наукообразный, человекообразное, червеобразный, зигзагообразный;
- логия** — филология, психология, геология, спелеология, фразеология, тавтология, гапология, патология;
- генный** — патогенный, психогенный, гетерогенный.

Префиксы:

- а-** — аномалия, алогичный, атеизм, аморфный, асимметричный, авитаминоз;
- анти-** — антисептический, антистрессовый, антитезис, антициклон;
- би-** — бинарный, билабиальный, биметаллы, биполярный;
- гипер-** — гипербола, гипердактилическая (рифма), гиперфонема, гиперактивность, гипертония;

гипо- — гипотеза, гиподинамия, гипотаксис, гипофункция;
де- — деформация, декомпенсация, декорреляция, деструктивный;
ди- — диглоссия, дизлектрик;
дис- (*диз-*) — дисбаланс, диссимилиация, дизъюнкция, дискредитировать;
интер- — интерактивный, интервокальный, интерфикс;
кон- — конгломерат, конъюнкция, конденсат, консолидация;
контр- (*контра-*) — контрреформация, контрафактный, контрадикторный;
ре- — регенерация, релаксация, рекурсия, ремиссия, ренессанс, ретардация.

Префиксоиды:

макро- — макромир, макрорельеф, макросейсмический, макроструктура;
микро- — микроскоп, микрорельеф, микроклимат, микрофлора;
пара- — парабола, паранормальный, парадоксальный;
ультра- — ультрафиолетовый, ультраправый, ультрамарин;
экс- — эксцентричный, эксклюзивный, эксгумация, экстенсивный, экспирация, экспозиция, экстерриториальный;
экстра- — экстраординарный, экстраверт, экстравагантный, экстраполяция, экстракт, экстрадиция.

Сложные слова: перепончатокрылые, земноводные, паробразование, азотсодержащий, семядоля, авиаприборостроение.

Специфичными для **публицистики** можно считать некоторые оценочные суффиксы и префиксы:

-щин(а) — хлестаковщина, маниловщина, толстовщина, штурмовщина, групповщина, кампанейщина, военищина, бульварщина, литературищина, канцелярищина, интеллигентщина;
-ан- — горлопан, политикан, интриган;
-ейш-, -айш- — изысканнейший, старейший, умнейший, низжайший, тишаший;
-истск- — экстремистский, изоляционистский, популистский, монополистский;
наи- — наилучший, наипаче, наизнаменительный;
архи- — архиреакционный, архиважный, архисерьезный, архиплут;
псевдо- — псевдонаука, псевдодискусство, псевдоромантический, псевдоинтеллигентный, псевдонародный;
квази- — квазинаука, квазиклассический, квазиспециалист;
про- — проправительственный, прокоммунистический, проамериканский, происламский.

В разговорной речи употребляется много языковых единиц, содержащих стилистически маркированные морфемы.

Модификационные суффиксы и суффиксы субъективной оценки часто имеют эмоционально-экспрессивную окраску.

Суффиксы со значением уменьшительности (слова с этими суффиксами могут употребляться шутливо, иронически, иногда пренебрежительно):

- ок (-ек, -ёк) — сынок, дружок, милоч, петушок, пенёк, огонёк;
- ик — котик, листик, животик, студентик, пунктик;
- чик — супчик, бутончик, телефончик, шкафчик, трамвайчик, костюмчик, ресторанчик;
- к- — птичка, рыбка, собачка, шляпка, яблочко, ножка, машинка, минутка;
- ашк- — старикашка, дурашка, замарашка, мордашка;
- ишк- — парнишка, сынишка, лунишка, плутишка, муравьишка, актёршишка, страстишка;
- ушк- (-юшк-) — жёнушка, соседушка, резвушка, деревушка, церквушка, комнатуха, силушка;
- ец- (-оц-, -иц-) — морозец, письмецо, пальтецо, винцо, словцо, дровице, платьице, дельце;
- очк- (-ечк-) — мамочка, козочка, ёлочка, лодочка, улыбочка, кошечка, ложечка;
- онк- (-енк-, -ёнк-) — мужичонка, лошадёнка, шапчонка, газетёнка, душонка, книжонка, песенка, спальнка, колоколенка, бородёнка, работёнка;
- оньк- (-еньк-) — лёгонький, мягонький, плохонький, низенький, молоденький, старенький, серенький;
- охоньк- (-ёхоньк-, -ехоньк-) — плохонький, здорověхонький, новёхонький.

Чрезмерное и неуместное употребление слов с уменьшительными суффиксами нередко подвергается критике. Так, например, Г. А. Золотова цитирует фразы:

- «— Будьте добры, колбаски полкило!
- Два билетика, прошу вас!
- Будьте любезны, подайте два салатика и двое сосисочек.
- Мне справочку заверьте, пожалуйста!
- Дежуренькая, номерочек не подскажете?»

И далее пишет: «В приведенных фразах речь шла не о маленьких предметах (об особых, крохотных билетах, сосисках, номерах), суффиксы не указывают и на ласковое отношение говорящих

к ним, не отражают и большой любви к собеседнику. Просто у некоторых людей есть дурная привычка — делать свою речь слишком „вежливой“»¹.

Суффиксы со значением увеличительности (слова с этими суффиксами чаще всего употребляются неодобрительно и презрительно, но могут выражать и восхищение):

- ищ-** — *ручища, грязища, мужичище, бабища, ямища, корзинища, голосище, красотища, силища;*
- ин-** — *мужичина, домина, дурачина.*

Многие суффиксы, не имеющие уменьшительного или увеличительного значения, являются **экспрессивно-оценочными**, они выражают отношение к обозначаемому, чаще негативное:

- ун-** — *врун, ворчун, драчун, крикун, пискун, храпун, болтун;*
- ляв-** — *вертлявый, писклявый, шепелявый;*
- аст-** — *горластый, зубастый, очкастый, ушастый, губастый;*
- ан-** — *интриган, политикан, критикан;*
- ак-** — *зевака, забияка, кривляка, гуляка;*
- яй** — *негодяй, лентяй, слюнтяй;*
- л-** — *приставала, зазывала, воротила, кидала;*
- ыг-** — *торопыга, сквалыга, забулдыга, прощелыга;*
- яг-** — *бедняга, симпяга, миляга, трудяга, сутяга, стилияга;*
- як-** — *здоровяк, добряк, остряк, мерзляк, сопляк, пошляк, блатняк;*
- ах** — *растеряха, деваха;*
- ух** — *толстуха, свекруха, простуха, молодуха, вековуха;*
- их** — *трусиха, франтиха;*
- ох** — *вытивоха;*
- ёх** — *дурёха, неумёха, нескладёха, распусчёха.*

Словообразовательные стилистические синонимы в русском языке представлены широко, например: *дева — девочка — девчонка — девчоночка — девонька — девушка — девица — девка, деваха; бабушка — бабуся — бабонька — бабуля; кот — котик — котяра — кошак, котиха, котейка, котище, котофей; рыба — рыбёшка — рыбка — рыба — рыбец; сестра — сестренка — сестрица — сестричка; старик — старичок — старикашка — старикан; толстый — толстенький — толстущий — толстенный; избрать — выбрать; испить — выпить; вскричать — закричать; воспретить — запретить.*

¹ Золотова Г. Н. Как быть вежливым (разговорная речь в поисках экспрессии) // Русская речь. 1985. № 5.

Одно и то же слово может принимать разные стилистические значения в зависимости от сферы и ситуации употребления. Так, обращение *девочки* нейтрально по отношению к младшим школьницам и стилистически маркировано при обращении друг к другу 60-летних бывших одноклассниц. Слово *девка* грубо и оскорбительно в городской среде и нейтрально в деревенской. Но в некоторых ситуациях оно же может выражать восхищенную похвалу: *Молодец девка, первое место заняла на олимпиаде*. В таких случаях стилистическое значение слова в большой степени зависит от интонации. Слово *бабка*, грубое в семейном общении, является юридическим термином родства в официальном стиле речи. Слово *баба* грубо по отношению к жене, жаргонно по отношению к юной девушке и нейтрально в семейном общении маленького внука с бабушкой. В рассказе И. Зверева «Второе апреля» школьники называли Машкой ту одноклассницу, которую уважали, а Машенькой ту, которую не любили.

Стилистическое значение часто формируется не собственно морфемами, а словом в целом (ср. разную стилистическую принадлежность слов *кассириша*, *профессориша* и *писательшиа*; *слониха* и *гиппотамиха*, *повариха* и *врачиха*; *умишко* и *пальтишко*).

Сильным выразительным средством является смысловой и стилистический контраст между морфемами одного слова (*недоперепил*, *сдрейфил*, *ерундистика*, *пофигизм*, *эпохалка*, *оживляж*).

А. В. Флоря пишет: «Аффиксы могут быть стилистически диффузными или меняют свою стилистическую принадлежность: книжные становятся разговорными и наоборот. При этом они могут своеобразно, оригинально использоваться. Напр., В. В. Виноградов приводит примеры из произведений Ф. М. Достоевского, где префикс РАЗ-/РАС- употребляется с существительным (обычно он тяготеет к прилагательным и глаголам), передавая семантику усиления: раз-Брюллов („Записки из Мертвого дома“), разгений („Бесы“), раскапиталист („Подросток“), а префикс АРХИ- (обычно употребляемый с существительными и прилагательными) — соединяется с глаголом: „Я соврал, архисоврал“ („Подросток“). В своем традиционном функционировании РАЗ-/РАС- диффузен: он встречается и в нейтральных, и в книжных, и в разговорных словах. По происхождению он является старославянским, т. е. книжным, но в усилительном значении, как правило, бывает разговорным (разоткровенничаться, расхваливать). АРХИ- книжный префикс, хотя возможно его ироническое разговорное употребление: напр., архиплут. В примерах из Достоевского эти морфемы обладают разговорной окраской»¹.

¹ Флоря А. В. Русская стилистика. Орск, 2011.

б) *Стилистически окрашенные словообразовательные модели*

Стилистически окрашенными бывают и словообразовательные модели. Так, например, яркую разговорную окраску имеет продуктивная модель существительных-конденсатов с суффиксом *-к-*, образованных от словосочетаний: столовая комната → *столовка*, мусорное ведро → *мусорка*, наличные деньги → *наличка*, оборонная промышленность → *оборонка*, наждачная бумага → *наждачка*, незавершенное строительство → *незавершенка*, Петроградская сторона → *Петроградка*.

Такие слова часто появляются в профессиональном жаргоне: молочные продукты → *молочка*, просроченные продукты → *просрочка* (у продавцов), вторичное жилье → *вторичка*, элитное жилье → *элитка* (у риэлтеров), нетленное произведение → *нетленка* (ирон.) (у писателей), круглосуточное пребывание детей → *круглосулка* (у работников детских садов), международное обозрение → *международка* (у журналистов и дикторов), пожизненное заключение → *пожизненка*, чистосердечное признание → *чистосердечка* (у юристов), генеральная репетиция → *генералка* (у актеров).

Во многих случаях эта словообразовательная модель переводит наименования речи из официально-делового стиля в разговорный.

Иногда наблюдается омонимия таких слов: *персоналка* — персональное дело и персональная машина, *зеленка* — лекарство и местность, летом покрытая деревьями и кустами (у военных), *молодежка* — молодежная научная конференция и молодежная спортивная команда, *служебка* — служебное помещение и служебная записка, *гуманитарка* — гуманитарное образование и гуманитарная помощь.

Многие слова, образованные по этой модели, стали давно привычными в русском языке: *открытка*, *тушенка*, *запеканка*, *сгущенка*, *зажигалка*, *раздевалка* и т. п. Их стилистическая окраска хотя и остается разговорной, но уже далеко не в такой степени, как у новых слов.

Примечательно рассуждение А. Г. Горнфельда о подобных словах (1921 г.): «Пред лицом живых явлений как страшно быть доктринером. Лет двадцать пять тому назад слово „открытка“ казалось мне типичным и препротивным созданием одесского наречия; теперь его употребляют все, и оно действительно потеряло былой привкус пошлой уличной бойкости. Этот суффикс знаменует легкое отношение, бесцеремонность, пренебрежение. Совершенно правильно, в духе своих воззрений отвергающие Учредительное собрание говорят *учредилка*. По этому суффиксу можно представить себе психологию и даже возраст того, кто воспользовался

им при словообразовании. Кто впервые сказал *курилка, столовка, Мариинка, зажигалка, проколка*? Конечно, не пожилой человек с спокойным темпераментом, с охранительным мироощущением, с бережным вниманием к языку, а человек живой, молодой духом, торопливый, бойкий. Но будущее принадлежит молодости, и до какой степени мы зависим от принятого, от обычного, видно, например, из того, что Мариинка нас возмущает, Александринка коробит меньше, к предварилке мы привыкли, а московские улицы — Варварка, Ильинка, Лубянка и даже — сколь неуважительно — Покровка, Сретенка, Воздвиженка кажутся просто незаменимыми. В Москве Знаменка и Владимирка естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге Знаменскую и Владимирскую: так условны эти причуды языка, так из бытовых *грубостей* они становятся психологическими и стилистическими *тонкостями*»¹.

Яркую экспрессивную окраску имеют глаголы с двумя приставками (полипрефиксальные глаголы). Некоторые из таких глаголов имеют смягчительную семантику *призnanть, приустать, подзаправиться, подзаработать, подзамёрзнуть, подзадержаться*, некоторые — усилительную: *понаехать, порассказать, разукрасить, распереживаться, перевыловить*.

А. Н. Васильева пишет: «Разговорной речи в наибольшей мере по сравнению с другими стилями свойственно использование многоприставочных глагольных образований: *поразмыслить, позарастить, подзабросить, поиздержать, принахваливать, переобсудить, разодолжить, поотрывать, попридержать, порастревожить, перевыловить, повыбрасывать*. Это средство служит целям дополнительной конкретизации действия. Во многих случаях приставки или близки по значению и усиливают друг друга, или контрастны, что также дает экспрессию. В других стилях семантическая яркость каждой приставки в многоприставочном образовании обычно не сохраняется, или сочетание приставок имеет чисто логический характер. Разговорные многоприставочные глаголы сохраняют и в ряде случаев даже усиливают семантическую яркость приставок. Многоприставочные глаголы не обладают частотностью даже в рамках разговорного стиля, но это не снижает их стилистической роли. Вообще, как правило, чем более ярка стилистическая отмеченность речевого средства, тем менее оно частотно»².

¹ Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова // Горнфельд А. Г. Муки слова. М.; Л., 1927. С. 198.

² Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 2005. С. 162.

И. Б. Голуб обращает внимание на такие модели: «Как правило, экспрессивны приставочные образования прилагательных, указывающие на степень проявления признака: *всевластный, все сильный, предобрый, прескучный, развеселый, разудалый*. Особой выразительностью обладают и словообразовательные модели прилагательных типа *милый-милый, долгий-предолгий*, которые указывают на сильное проявление признака <...> и среди глаголов можно выделить ряд интересных словообразовательных моделей с яркой стилистической окраской. Как правило, экспрессивны глаголы, образованные от местоимений: *якать, тыкать, выкать*; междометий: *ахать, охать, мукать, тьякать*, а также от существительных и качественных прилагательных, имеющих оценочное значение: *базарить, горланить, глупить, грубиянить, ловчить, жульничать, лентяйничать, подличать* <...> Среди глагольных новообразований продуктивны сниженные глаголы на *-ничать*: *активничать, дипломатничать, насмешничать, подхалимничать, принципиальничать* и др. их дополнительные смысловые оттенки — неодобрение, порицание.

Другая продуктивная модель — глаголы на *-ить*, образованные от существительных: *бюллетенить, температурировать*. Они также выделяются сниженной окраской. Разговорно-просторечный характер отличает глаголы типа *тормознуть, спекулировать*.

Для глагольного словообразования весьма характерно снижение стиля путем прибавления постфикса *-ся*, который в этом случае не влияет на залоговое значение глагола: *звониться, зеленеться, краснеться, маячиться, обещаться*¹.

в) Словообразовательные архаизмы

Стилистическая окраска свойственна словообразовательным архаизмам: словам, которые своей структурой (составом или последовательностью морфем) отличаются от однокоренных современных слов с тем же или приблизительно тем же значением: *рыбарь — рыбак, воитель — воин, безлюдство — безлюдие, дружество — дружба, свирепство — свирепость, белость — белизна, высь — высота, намолвка — молва, идеализирование — идеализация, неприветный — неприветливый, одинакий — одинаковый, семейственный — семейный, энергический — энергичный, спекулятор — спекулянт, ресторация — ресторан, наблюдать — соблюдать, малодушествовать — малодушничать, кокетствовать — кокетничать, сходствовать — быть похожим, походить, грузинец — грузин, сербин — серб, музей — музей, фантазм — фантазия, воще — тщетно, надобно — надо.*

¹ Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2006. С. 195.

Примеры словообразовательных архаизмов (по отношению к современному русскому языку) в художественных текстах:

Безумный плачет лишь от **бедства**,
А умный ищет средства,
Как делом горю пособить.
(И. А. Крылов)

В Москву переведён через моё **содейство**.
(А. С. Грибоедов)

«Кирилла Петрович первый пошел садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, **наблюдая** некоторое старшинство». (А. С. Пушкин)

Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возможно. Спаси отца.
(А. С. Пушкин)

Старый **рыбарь** бородатый колотил дырявый челн.
(А. Майков)

Я б хотел знать, откуда она взялась такая людская **намолвка**.
(В. Г. Короленко)

Однако в приведенных примерах не все выделенные слова являлись словообразовательными архаизмами для авторов этих текстов. И. Б. Голуб пишет: «Учитывая разное время архаизации тех или иных аффиксов и словообразовательных моделей, следует проявлять особую осторожность в их стилистической оценке в тексте: многие слова, причисляемые нами к словообразовательным архаизмам, в XIX в. еще не были устаревшими и употреблялись писателями без определенной стилистической установки»¹.

Поэтому одно и то же слово в современном контексте и в произведении XIX века имеет разный статус. Например, в стихотворении современного поэта Т. Кибирова глагол *упадать* является словообразовательным архаизмом, а в стихах Е. А. Баратынского — нет:

Когда сквозь синих туч на воды **упадает**
косой последний луч в озерной тишине,
и льется по волне, и долго остывает, —
не страшно ли тебе? не стыдно ли тебе?
(Т. Кибиров)

Плод яблони со древа **упадает**».
(Е. А. Баратынский)

¹ Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2005. С. 207.

Однако во многих случаях установить время архаизации слова не представляется возможным, тем более что многие такие слова являются традиционными поэтизмами. Кроме того, в случае потенциального словообразования по продуктивным моделям авторские неологизмы могут совпадать со словообразовательными архаизмами, например:

Есть поразительная **белость**
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне — святая смелость,
Земле непокоренной весть!
(В. Брюсов)

Ср. также в рекламном тексте: «Определяем **белость**/серость телефона при покупке. — Mobile Forum».

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразовательные процессы в ряде случаев сопоставимы с художественными тропами и фигурами, например, сравнением, метафорой, гиперболой, оксюмором.

а) Сравнение

В. М. Огольцев пишет: «Словообразовательные компаративные структуры представляют собой цельнооформленные компаративные единства, аналогичные по логико-предметному составу раздельнооформленным компаративным структурам. Компаративные деривационно-семантические отношения есть не что иное, как отношения между элементами образного сравнения. Производящая основа выражает то, с чем сравнивается, а словообразующие аффиксы указывают на акт сравнения, то есть выполняют функцию союзов в раздельнооформленной сравнительной структуре»¹.

Таковы, например, прилагательные, образованные от существительных с помощью формантов-суффиксоидов с компаративным значением *-подобный*, *-образный*, *-видный*: *ангелоподобный*, *громоподобный*; *шарообразный*, *зигзагообразный*, *куполообразный*; *змеевидный*, *яйцевидный*.

Значение подобия может быть выражено некоторыми суффиксами, например, *-ист* (*золотистый мёд*), *-чат-* (*игольчатые снежинки*), *-оват* (*крючковатый нос*, *мешковатый человек*), *-ск-* (*зверский аппетит*), *-ин-* (*звериный взгляд*), *-j-* (*телячьи нежности*),

¹ Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978. С. 5.

приставкой *по-* и суффиксом *-ски* (*по-детски* наивный), адвербиализацией падежных форм (передвигаться *гуськом*, бежать *рысью*, смотреть *волком*).

б) *Метафора*

Словообразовательные метафоры в русском языке многочисленны. Они представляют собой производные слова с метафорической мотивацией.

М. Б. Ташлыкова так определяет метафорическую мотивацию: «Под метафорической мотивацией предлагается понимать такое мотивационное отношение между производным и производящим словами, при котором семантика производного слова опирается на ассоциативную, потенциальную семантику производящего, причем в самом процессе словопроизводства происходит смена ранга мотивационно актуальной семы: потенциальный компонент значения становится ядерным или, по крайней мере, дифференциальным»¹.

В этих случаях производящая основа используется в переносном значении: *перешеек*, *преддверие*, *подкаблучник*, *отщепенец*, *белоручка*, *верхогляд*, *дальновидный*, *молниеносный*, *стихоплет*, *сердцеед*, *книгоглотатель*, *завуалировать*, *волноваться*, *юлить*, *маячить*, *остолбенеть*, *искоренить*, *приструнить*, *отфутболить*, *прошляпнуть*.

Метафорическое словообразование характерно для разговорной речи, публицистики, художественной литературы, но иногда оно встречается и даже терминологизируется в официально-деловом стиле (*халатность*, *чистосердечное признание*, *разжигание розни*) и в научном (*подтекст*, *ключевые слова*, *однокоренные слова*).

Словообразовательная метафора часто является средством речевой компрессии. В наибольшей степени это относится к продуктивной зоологической метафоре: *обезьянничать*, *петушиться*, *ишачить*, *съежиться*, *набычиться*, *проворонить*, *раздраконить*, *окрыситься*. Нередко появляются неологизмы такого типа, например, в сетевом общении:

Я от расстройства не заметила, как **схмячила** плитку шоколада.

— Простите, я **прожирафила** Ваш День. Можно я пожелаю сейчас? Здоровья Вам и всем близким, радости...

¹ Ташлыкова М. Б. Метафорическая мотивация и ее место в словообразовательной системе // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Ч. I. Томск, 1994. С. 174.

— Еще один опоздавший... Если кто-то и **прожиряфил**, то я **прогиппопотамил** — в силу объемно-массовой характеристики и вялости в движениях. Поздравляю!!!

Интересно, что одна и та же основа в сочетании с разными словообразовательными формантами получает разные переносные значения: *собачиться* — ‘ссориться, ругаться’, *насобачиться* — ‘научиться хорошо делать что-то, приобрести навык’, *присобачить* — ‘присоединить, прикрепить’. Если слово *собачиться* мотивировано ассоциацией с агрессивностью собак, *насобачиться* — вероятно, идиомой *собаку съест* ‘приобрести навык, опыт’, то слово *присобачить* предстает десемантизированным, рациональной мотивации для него не находится.

Экспрессивность словообразовательной метафоры часто выражается гиперболически: *безмозглый*, *бессердечный*, *бесхребетный*, *живоглот*, *кровопийца*, *хладнокровный*, *сногшибательный*.

в) Оксюморон

Ярким выразительным средством языка становится образование слов, морфемы которого семантически или стилистически контрастны друг другу.

В «Поэме Конца» М. Цветаевой представлен внутрисловный оксюморон *сверхбессмысленнейшее*, в котором приставки *сверх-* и *бес-* противоречат друг другу:

Сверхбессмысленнейшее слово:
Расстаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

О. Николаева в стихотворении «Рэкетиры» создает сложное слово с антонимичными корнями:

Есть дух войны. Есть пафос общих дел,
в которых сразу Марс кладет предел
и **теплохладью**, и безволюю.
Когда бы только Золотой телец
его манил!.. Но то великий лъстец
иною соблазнял юдолюю.

Л. Лосев и в стихотворении «Гад» соединяет увеличительный суффикс с уменьшительным:

Крошечное **чудовище**,
хоть ладонью лови.

Рыльце его в кириллице,
зубки его в крови.

У В. Лейкина в сихотворении «Встреча» уменьшительный и увеличительный суффиксы противречат значению производящих слов:

За горушкой, за речушкой илистой,
Где до дому по тропе извилистой
Столько, да полстолько, да чуть-чуть еще,
Великанчик встретил **Лилипутище**.

СТИЛИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Эстетическая функция языка, наиболее характерная для художественной литературы, состоит в том, что авторы привлекают свое внимание и внимание читателей не только к означаемому, но и к означающему, то есть к свойствам языковых единиц, в том числе к свойствам морфем, словообразовательных типов и моделей, к структуре слова в целом.

Тема «стилистика словообразования в художественной литературе» по- существу, безгранична, она имеет много разных аспектов, которые в пределах этого учебного материала рассмотреть невозможно, поэтому далее приводятся только некоторые примеры тех аспектов, которые могут быть отнесены к стилистике словообразования.

Индивидуально-авторское словообразование рассматривается в разделе «Неология». Здесь оно будет затронуто только в связи со стилистической окрашенностью словообразовательных средств.

а) Словообразовательная стилистика в речевой характеристике персонажей

Во многих литературных произведениях словообразовательная стилистика становится выразительным средством речевой характеристики персонажей. Например, в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» дамы в своем пустословии очень любят употреблять слова с уменьшительными суффиксами:

— Какой **веселенький** ситец! — воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы.

— Да, очень **веселенький**. Прасковья Федоровна, однако же, находит, что лучше, если бы *клеточки* были помельче, и чтобы

не коричневые были крапинки, а голубые. Сестре ее прислали **материйку**: это такое очарование, которого просто нельзя выразить словами; вообразите себе: **полосочки узенькие-узенькие**, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полосу все **глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...**

Фестончики, все **фестончики**; **пелеринка** из **фестончиков**, на рукавах **фестончики**, **эполетцы** из **фестончиков**, внизу **фестончики**, везде **фестончики**.

В романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» подобные диминутивы тоже характеризуют персонажей — Порфирия Владимировича (Иудушку Головлёва) и его мать Арину Петровну. Следующий фрагмент Салтыков-Щедрин предваряет пространством рассуждением о лицемерии и фразой «Иудушка не столько лицемер, сколько пакостник, лгун и пустослов»:

— Кому нехорошо, а нам **горюшка** мало. Кому **темненько** да **холодненько**, а нам и **светлехонько**, и **теплехонько**. Сидим да **чаек** попиваем. И с **сахарцем**, и со **сливочками**, и с *лимонцем*. А захотим с **ромцом**, и с **ромцом** будем пить...

— А знаете ли вы, **маменька**, отчего мы в дворянском званье родились? А все оттого, что милость Божья к нам была. Кабы не она, и мы сидели бы теперь в **избушечке**, да горела бы у нас не **свечечка**, а **лучинушка**, а уж насчет **чайку** да **кофейку** — об этом и думать не смели! Сидели бы; я бы **лаптишечки** ковырял, вы бы **щец** там каких-нибудь **пустеньких** поужинать собирали, **Евпраксеюшка** бы красно ткала...

У Н. Лескова средством стилизации, связанным с изображением персонажей из простого народа, становится искажение слова, вызванное ложной этимологией. Самые известные примеры художественной «народной этимологии» широко представлены в его повести «Левша»: *мелкоскоп* ← *микроскоп*, *буреметр* ← *барометр*, *клеветон* ← *фельетон*, *долбица умножения* ← *таблица умножения*, *гувернянька* ← *гувернантка*, *свистовые казаки* ← *вестовые казаки*.

б) Словообразование как объект пародирования

Многие авторы пародируют официально-деловой стиль, используя его словообразовательные средства в контекстах, по содержанию стилистически несовместимых с официальной речью, например:

Период **захсолнца**. Пора **лирмгновений**.
Законные чувства вторгаются в грудь.

С **любдевой** стою в коллективе растений.
Волнуюсь, за родину гордый чуть-чуть.
(В. Гаврильчик)

А. Кнышев пародийно обыгрывает словообразовательный тип отглагольных существительных с нулевым окончанием, характерный для официально-делового стиля:

ОБЪЯВЛЕНИЕ. ВНИМАНИЕ !!! Розжиг костров, **выгул** собак, **отлов** рыбы и **отстрел** дичи, **выпас** и **выгон** скота, а также **выполз** змей, **выпорос** свиней, **выжереб** коней и **выкобыл** лошадей, **вымет** икры, **вылуп** птиц из яиц, **выкукол** бабочек и **выхухол** выхухолей, **выкур** курей и **выпрыг** кенгурей, **обгад** ромашек, **обдир** ягод, **выруб** леса и **вылом** веток, **выслеж** зайца, мыслишь верно, **выпуг** тетерева, **выдох** вдоха, **вынос** тела, вы нас за нос — мы вас по уху, **выхлоп** газов, **выкидыш** мусора, **выводок** гусей, **выродок** людей, **выплав** стали, выплыв, сели, **выпендр** фраеров, **выстрел** Аврор, **выклянч** денег, **вымуштр** солдат, **вытрус** половиков, выпал из окна, **выпор** детей, **выдрем** в гамаках, **вытрем** губ и **выпуч** глаз, **вычих** насморка, **вытреп** и **разбрех** государственных тайн, **выкус** накоси и накось выкуси, **окот**, **отел** и атас, а главное, **загляд** и **залаз** в дупла с **выкуром** оттуда пчел и **распробом** меда С ЭТОГО ДНЯ ЗАПРЕЩЕН И ПРЕКРАЩЕН в связи с **отказом** их от **высосо** нектара после **выщипа** цветов и **выдерга** травы, а также в связи с полным **вымером**.

Комический эффект пародии усиливается стилистическим контрастом официально-деловой стилистики со сниженной вплоть до социального просторечия и жаргона.

Чрезмерно активное заимствование английских слов с суффиксом *-инг* (*шопинг*, *клининг* и т. п.) порождает пародийное словообразование с этим суффиксом и русскими корнями. М. А. Кронгауз назвал словом *улучшайзинг* одну из глав книги «Русский язык на грани нервного срыва», этот словообразовательный тип часто пародируют поэты:

Там верблюдик ходит бледный,
пылесосом чистят море
и такой хороший **ныркинг**,
как я раньше не видал.

(А. Левин)

Позабуду про медиа-холдинг,
Не пойду к зазывалам на митинг,
Но предчувствуя осени **болдинг**,
Обживу на окраине билдинг.

(П. Мижурецкий)

Этот текст спародирован другим поэтом:

Жил неделю — ужаснейший **холдинг**,
Дождь, морозец, порой **снегопадинг**,
И почувствовал — кончился **болдинг**,
И я начал тихонечко **балдинг**.
На луну завывалось под ивнинг,
Ел бурду, а не шварму и пудинг,
Стал болеть позвоночник и **спининг**,
Тут уж понял — удачи не **будинг**.
Взял я к дому уверенно пеленг,
Прекратил поэтический **хиппинг**.
Пусть вернулся — измученный Беринг,
Но теперь и пишу, словно Киплинг.
(Е. Невельский)

Экзотические неологизмы В. Хлебникова и А. Крученых пародирует Анастасия Фишер под заголовком «Грезитва лисы»:

Жарбок! Колобок! На тебя точу **зубатвы**,
Стоишь стаи **колобей**,
Ты вкуснее всякой **жрأتвы**,
Мой румяный **жаробей**.
Колобок! **Жаробок!** Волей рока прискачи,
Дыр-был-булкою стожарною
Вспыхнул морок наших дней
Так засмейтесь, смехачи!

в) Словообразование в языковой игре

Игровое словообразование широко представлено и в художественной литературе, и за ее пределами.

Так, например, Феликс Кривин написал сказку «Король Годяй», в которой обыгрывается обратное словообразование от тех слов, которые в русском литературном языке не употребляются без приставки *не-*. Вот фрагмент этой сказки:

— **Честивые доумки**, благодарю вас за службу, которую вы сослужили мне и королеве **Ряхе**. Ваша служба была сплошным **потребством**, именно здесь, в совете **доумков**, я услышал такие **лепости**, такие **сусветные суразицы**, что, хоть я и сам человек **вежественный**, но и я поражался вашему **задачливому** уму. Именно благодаря вам у нас в королевстве такая **разбериха**, такие **взгоды**, **поладки** и **урядицы**, — благодаря вашей **уклюжести**, **умолимости** и, я не побоюсь этого слова, **укоснительности** в решении важных вопросов.

— Ваше величество, — отвечали **доумки**, — мы просто **удачники**, что у нас король такой **честивец**, а королева такая **складеха**, какой свет не видал.

— Я знал, что вы меня **долюбливаете**, — скромно сказал король. — Мне всегда были **вдомек** ваши **насытность** и **угомонность** в личной жизни, а также **домыслие** и **пробудность** в делах. И, при вашей поддержке, я бы и дальше сидел на троне, как **прикаянный**, если б не то, что я уже не так **домогаю**, как прежде, бывало, **домогал**.

— Вы **домогаете**, ваше величество! — запротестовали **доумки**. — Вы еще такой **казистый**, **взрачный**, **приглядный**! Мы никого не сможем **взлюбить** так, как **взлюбили** вас.

Такая игра имеет глубокий филологический смысл: она показывает, насколько префикс сливается с основой слова и при этом переносит значение целого слова на его основу. Такие слова, как *годяй*, *доумки*, *суразицы*, *прикаянный*, образованные устранением префикса, сохраняют семантику порицания, осуждения.

О псевдомотивации как творческой забаве, имеющей лингвистическую значимость, подробно пишет Б. Ю. Норман в книге «Игра на гранях языка». Б. Ю. Норман — один из авторов «Псевдоэтимологического словаря», с которого началась очень популярная в 70-х годах XX века игра в переосмысление слов. Этот словарь, начало которому было положено в 1966 году в стенгазете филологического факультета Ленинградского университета, в разных вариациях имел названия «Бестолковый словарь», «Квазитолковый словарь», «Этимологический словарь», «Энтимологический словарь». В словаре содержатся, например, такие толкования: *бездарь* — человек, которому ничего не подарили на день рождения; *вертопрах* (старосл.) — пылесос; *днище* — день за Полярным кругом; *сомнение* — мнение коллектива; *ушанка* — женщина с крупными ушами; *ночник* — дневник, который ведут ночью; *беспечность* (техн.) — отсутствие в квартире печки, центральное отопление; *стоик* — человек в очереди; *облепиха* — мокрая рубаха, *муляж* — количество мулов на единицу населения. Обобщая анализ конкретных игровых мотиваций, Б. Ю. Норман пишет:

«Подобные „этимологии“ <...> позволяют проследить действие словообразовательных процессов <...> Прежде всего, лингвистическая ценность «этимологий» <...> заключается в их словообразовательном правдоподобии. Представленные в словаре шуточные толкования имеют под собой определенную психолингвистическую базу: они объективно отражают продук-

тивность словообразовательных моделей в сознании человека», такие толкования «проливают свет на некоторые закономерности процесса семантизации»¹.

Раздел 8

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ОТЛИЧИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОТ МОРФЕМНОГО И ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО

Словообразовательный анализ — это определение структуры производного слова в его отношении к производящей базе и к современной словообразовательной системе.

Словообразовательный анализ отличается от морфемного и формообразовательного объектом, целью и методами.

Объект морфемного анализа — любое слово (как производное, так и непроизводное) в любой грамматической форме. **Цель** — определить морфемный состав слова, представленный линейной последовательностью его морфем. **Метод** — членение слова на его смыслообразующие фрагменты при сопоставлении с другими словами языка, имеющими такие же смыслообразующие части.

Объект формообразовательного анализа — конкретная грамматическая форма слова, данная в тексте, в ее отношении к другим формам этого слова, существующим в языке. **Цель** — вычленить те части слова, которые выполняют форморазличительную функцию при связи слов в словосочетаниях и предложениях, дать грамматические и семантические характеристики формообразующих морфем. **Метод** — сопоставление разных словоформ анализируемого слова, например, в склонении и спряжении.

Объект словообразовательного анализа — начальная форма производного слова в его отношении к производящей базе. Явления супплетивизма (типа *бык — корова, курица — цыплёнок, класть — положить*) в словообразовании не рассматриваются. **Цель** — показать формальную и семантическую связь производного слова с производящей базой в современном языке, словообразовательное значение и место производного слова в системе словообразования. **Метод** — сопоставление анализируемого слова с однокоренными и одноструктурными словами.

Словообразовательный анализ предполагает ответы на следующие вопросы.

1. Какова начальная форма анализируемого слова? К какой части речи оно относится?

¹ Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 264.

2. Какой языковой единицей оно мотивировано? Какие типы (виды) мотивации свойственны этому слову — единственная или множественная; прямая, метафорическая или ассоциативная; полная или частичная?
3. Какова производящая база этого слова? В какую словообразовательную пару оно входит? Каково направление производности в этой паре?
4. Каким способом образовано слово? С помощью какого форманта оно образовано? Какое значение имеет формант? Участвуют ли в образовании этого слова морфологические явления?
5. Какое словообразовательное значение у этого слова? Какого типа это словообразовательное значение (модификационное, мутационное, транспозиционное или соединительное)?
6. К какому словообразовательному типу относится слово? Какие другие слова относятся к тому же словообразовательному типу? (3—4 примера.)
7. К какой словообразовательной модели относится слово? Какие другие слова относятся к той же словообразовательной модели? (3—4 примера.)
8. В какие словообразовательные цепочки входит слово и на какой ступени производности оно находится в этих цепочках? Являются ли эти цепочка полными? Если нет, то какие ступени пропущены?
9. К какой словообразовательной категории относится слово? Какие другие слова относятся к той же словообразовательной категории? (3—4 примера.)
10. Какая функция словообразования, кроме номинативной, свойственной всем производным словам, представлена этим словом (собственно номинативная¹, конструктивная, компрессивная, экспрессивная или стилистическая)?

ПРИНЦИПЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

1. **Принцип синхронности.** При определении мотивированности производного слова учитывается не происхождение слова (этимология), а его деривационные связи в современном языке и место в современной словообразовательной системе. Например, существительное *свидетель* в современном русском языке

¹ Собственно номинативная функция указывается только тогда, когда другие функции отсутствуют.

мотивировано глаголом *видеть*, хотя по происхождению оно мотивировано глаголом *свѣдѣти*.

2. **Принцип непосредственной связи.** По своему морфемному составу производящая база должна быть ближайшей к составу анализируемого слова. Например, производящая база слова *письмецо* — существительное *письмо*, а не глагол *писать*. По этому принципу устанавливается направление производности в словообразовательных парах и выстраиваются словообразовательные цепочки, в данном случае *писать* → *письмо* → *письмецо*.
3. **Принцип двойного сравнения.** Анализируемое слово сравнивается с однокоренными и с одноструктурными словами. Например, слово *хвостатый* сравнивается со словом *хвост* и со словами *усатый*, *волосатый*, *лохматый*, *бородатый*, *пузатый*, в результате такого сравнения определяются производящая база *хвост* и словообразовательный формант — суффикс *-ат-*, определяются словообразовательное значение, словообразовательный тип и словообразовательная модель анализируемого слова.

ОБРАЗЦЫ АНАЛИЗА

Это была медведица с годовалым медвежонок. (Г. Снегирев)

1. Начальная форма слова — существительное *медвежонок*.
2. Оно мотивировано словом *медведь*. Мотивация единственная, прямая, полная.
3. Производящая база — основа *медвед'*. Слово входит в словообразовательную пару *медведь* → *медвежонок*.
4. Способ словообразования суффиксальный: *медвед'* + *онок* [+ *o*] → *медвежонок*. Словообразовательный формант — суффикс *-онок-* со значением незрелости. В образовании слова участвует морфонологическое явление: историческое чередование *д* // *ж* на стыке корня и суффикса.
5. Словообразовательное значение слова — 'детёныш животного, названного производящим словом'. Это модификационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «основа одушевленного существительного + суффикс *-онок-*». К тому же словообразовательному типу относятся слова: *лисёнок*, *слонёнок*, *мышонок*.
7. Слово относится к словообразовательной модели «основа одушевленного существительного + суффикс *-онок-* + чередование согласных». К той же словообразовательной модели относятся слова: *зайчонок*, *крольчонок*, *бельчонок*.

8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *медведь* → *медвежонок* → *медвежоночек*, находится в ней на первой ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «невзрослое существо, обозначенное по производящему слову». Другие примеры: *тигрёнок*, *ягнёнок*, *котёнок*, *утёнок*, *щурёнок*, *цыплёнок*, *щенок*, *обезьяныш*.
10. Функция словообразования — собственно номинативная.

На лужайке стоял схимник <...> и кормил из рук хлебом лосиху с маленьким смешным сосунком. (Д. Мережковский)

1. Начальная форма слова — существительное *лосиха*.
2. Оно мотивировано словом *лось*. Мотивация единственная, прямая, полная.
3. Производящая база — основа *лос'*. Слово входит в словообразовательную пару *лось* → *лосиха*.
4. Способ словообразования — морфологический, суффиксальный: *лос'* + *их* + [*а*] → *лосиха*. Словообразовательный формант — суффикс *-их-*, показатель женского пола. В образовании слова морфонологические явления не участвуют.
5. Словообразовательное значение слова — ‘самка животного, названного производящим словом’. Это модификационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «основа одушевленного существительного + суффикс *-их-*». Другие примеры: *слониха*, *медведиха*, *зайчиха*.
7. Словообразовательная модель этого слова «основа одушевленного существительного + суффикс *-их-*». Другие примеры: *слониха*, *медведиха*, *зайчиха*.
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *лось* → *лосиха* → *лосихин*, находится в ней на первой ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «самка животного, обозначенная по производящему слову». Другие примеры: *слониха*, *тигрица*, *кошка*, *коза*.
10. Функция словообразования — собственно номинативная.

Видимо, эти пересказы были для Ахматовой каким-то вторичным творческим процессом. (Э. Герштейн)

1. Начальная форма слова — существительное *пересказ*.
2. Оно мотивировано глаголом *пересказать*. Мотивация прямая, единственная, полная.

3. Производящая база — инфинитив *пересказать*. Слово входит в словообразовательную пару *пересказать* → *пересказ*.
4. Способ словообразования — морфологический, безаффиксный (десуффиксация): *пересказать* (– *-ать*) [+ *∅*] → *пересказ*. Словообразовательный формант — нулевой суффикс со значением «процесс или результат действия». В образовании слова морфологические явления не участвуют.
5. Словообразовательное значение слова — значение ‘процесс или результат повторного изменяющего действия, названного производящим словом’. Это транспозиционное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «инфинитив глагола минус аффиксы, образующие глагол». Другие примеры: *переезд, перенос, переспрос*.
7. Словообразовательная модель этого слова «инфинитив глагола минус аффиксы, образующие глагол», без чередований. Другие примеры: *переезд, перенос, переспрос*.
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *сказать* → *пересказать* → *пересказ*, находится в ней на второй ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «повторное изменяющее действие и результат этого действия, обозначенные по производящему слову». Другие примеры: *переезд, переспрос, переаттестация, переиздание, переделка, пере-выборы*.
10. Функция словообразования — конструктивная.

Побывал я однажды в мастерской знаменитого скульптора. (С. Довлатов)

1. Начальная форма слова — существительное *мастерская*.
2. Оно мотивировано прилагательным *мастерская*. Мотивация прямая, не единственная, частичная. Не единственная, потому что возможна мотивация словом *мастер*: *мастерская* — ‘помещение, где работают мастера’. Семантика слова частичная, так как она не полностью складывается из значения производящей основы и значения, свойственного средству словообразования: *мастерской* можно было бы назвать не обязательно помещение для работы, а, например, корпоративную вечеринку мастеров.
3. Производящая база — *мастерская* — форма женского рода прилагательного *мастерской*. Слово входит в словообразовательную пару *мастерская* (прилаг.) → *мастерская* (сущ.).
4. Способ словообразования — морфолого-синтаксический (транспозиция, а именно субстантивация прилагательного):

мастерская (прилаг.) → *мастерская* (сущ.). Словообразовательный формант — переход в другую часть речи. В образовании слова участвует морфонологическое явление — сдвиг ударения. Ср.: *ма́стерская работа* → *мастерска́я*.

5. Словообразовательное значение слова — ‘помещение, названное по производящему прилагательному’. Это транспозиционное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «имя прилагательное → имя существительное». Другие примеры: *учительская, корректорская, дворницкая, парикмахерская*.
7. Словообразовательная модель «имя прилагательное женского рода → имя существительное». Другие примеры: *столовая, пельменная, гримёрная*.
8. Слово входит в словообразовательную цепочку *мастер* → *мастерская*, совпадающую со словообразовательной парой, находится в этой цепочке на первой ступени словообразования. Эта цепочка может трактоваться как неполная, потому что в современном русском языке отсутствует сочетание *мастерская комната*.
9. Слово относится к словообразовательной категории «помещение, названное по производящему слову». Другие примеры: *учительская, прихожая, ванная, спальня, сторожка, убежище*.
10. Функция словообразования — собственно номинативная.
11. Расхождение синхронического образования этого слова с диахроническим возможно, если считать это словообразование чересступенчатым — с утраченным звеном *мастерская комната*.

Она ловила людей на автобусных остановках, в салоне маршрутки, в магазинах и парикмахерских. (Д. Драгунский)

1. Начальная форма слова — существительное *маршрутка*.
2. Оно мотивировано словосочетанием *маршрутное такси*. Мотивация прямая, не единственная (возможна мотивация словом *маршрут*), неполная (в морфемах слова *маршрутка* не содержится указания на то, что так называется определенное транспортное средство. Так могли бы, например, называться трамвай, маршрутный лист турпохода, путеводитель, расписание движения поездов и всё прочее, что связано с маршрутом).
3. Производящая база — словосочетание *маршрутное такси*. Слово входит в словообразовательную пару *маршрутное такси* → *маршрутка*.

4. Способ словообразования — морфологический, суффиксальный, с универбацией: *маршрут-* (*-ное такси*) + *к* [а] → *маршрутка*. Словообразовательные форманты — усечение словосочетания и суффикс *-к-*. В образовании слова морфонологические явления не участвуют.
5. Словообразовательное значение слова — ‘предмет, названный по одному из компонентов производящей базы’. Это мутационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «существительное + прилагательное → существительное». Другие примеры: *открытка, тушёнка, заправка* (заправочная станция), *винтовка*.
7. Словообразовательная модель этого слова «существительное + прилагательное → существительное». Другие примеры: *антоновка* (сорт яблок), *перловка, миллиметровка, трёхрядка* (гармонь).
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *маршрут* → *маршрутный* → *маршрутное такси* → *маршрутка*, находится в ней на третьей ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «предмет, названный по производящей базе». Другие примеры: *зачётка, рябиновка, грузовик*.
10. Функция словообразования — компрессивная.

С 26 января — на манеже цирк XXI века с акробатами, эквилибристами, жонглерами, канатоходцами. (Афиша)

1. Начальная форма слова — существительное *канатоходец*.
2. Оно мотивировано словами *канат, ходить*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — словосочетание *ходить по канату*. Слово входит в словообразовательные пары *канат* → *канатоходец*; *ходить* → *канатоходец*.
4. Слово образовано сложением и суффиксацией: *канат-* + *о* + *ход-* + *-ец-* [-ø] → *канатоходец*. Словообразовательные форманты — суффикс *-ец-*, указывающий на лицо, интерфикс *-о-*. В образовании начальной формы слова морфонологические явления не участвуют, а в образовании косвенных падежей и множественного числа участвует чередование *е* // *ø*.
5. Словообразовательное значение слова — ‘название лица по его деятельности, обозначенное компонентами производящей базы’. Это мутационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «основа существительного + основа глагола + суффикс *-ец-*». Другие при-

- меры: *стихотворец, иконописец, молотобоец, правдолюбец, орденосец.*
7. Словообразовательная модель этого слова «основа существительного + основа глагола + суффикс *-ец-*». Другие примеры: *стихотворец, иконописец, молотобоец, правдолюбец, орденосец.*
 8. Слово входит в две словообразовательные цепочки: *канат* → *канатоходец*; *ходить* → *канатоходец*, совпадающие со словообразовательными парами, находится в обеих цепочках на первой ступени словообразования. Эти цепочки полные.
 9. Слово относится к словообразовательной категории «лицо, названное по его деятельности, обозначенной производящей базой». Другие примеры: *стихотворец, первопроходец, продавец, писатель, скрипач, барабанищик.*
 10. Функция словообразования — компрессивная.

Они мечтают сдвинуть Ганчука с должности завкафедрой, но попробуйте-ка! (Ю. Трифонов)

1. Начальная форма слова — существительное *завкафедрой*.
2. Оно мотивировано причастием *заведующий* и существительным *кафедра*. Мотивация прямая, полная, единственная
3. Производящая база — словосочетание *заведующий кафедрой*. Слово входит в словообразовательную пару *заведующий кафедрой* → *завкафедрой*.
4. Слово образовано аббревиацией смешанного типа (сочетанием начальной части слова с формой косвенного падежа существительного): *зав* [-*едующий*] + *кафедрой* → *завкафедрой*. Словообразовательные форманты — усечение производящей основы и сложение. В образовании слова морфологические явления не участвуют.
5. Словообразовательное значение слова — ‘лицо, названное по компонентам производящей базы’. Это транспозиционное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «усеченное причастие + косвенный падеж существительного → существительное». Другой пример: *управдом*.
7. Словообразовательная модель «усеченное причастие + косвенный падеж существительного → существительное». Другие примеры: *замминистра, помначальника*.
8. Слово входит в две полные словообразовательные цепочки: а) *ведать* → *заведовать* → *заведующий* (прич.) → [*заведующий кафедрой*] → *завкафедрой*. Эта цепочка неполная, слово находится в ней на четвертой ступени словообразования; б) *кафе-*

дра → *завкафедрой*. Эта цепочка полная, в ней слово находится на первой ступени словообразования.

9. Слово относится к словообразовательной категории «лицо, названное по его деятельности, обозначенной производящим словом». Другие примеры: *стихотворец, продавец, писатель, скрипач, барабанищик*.
10. Функция словообразования — компрессивная.

Мама относилась к читательским письмам очень внимательно и уважительно, и по мере возможности отвечала на каждое. (Н. Катерли)

1. Начальная форма слова — прилагательное *читательский*.
2. Оно мотивировано существительным *читатель*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — существительное *читатель*. Слово входит в словообразовательную пару *читатель* → *читательский*.
4. Слово образовано суффиксацией: *читатель* + *-ск-* [+ *-ий*] → *читательский*. Словообразовательный формант — суффикс прилагательного *-(е)ск-*. В образовании слова участвует морфонологическое явление: чередование *е // о* на стыке производящей основы и суффикса.
5. Словообразовательное значение слова — ‘принадлежность лицу, названному по производящему слову’. Это транспозиционное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «существительное + суффикс *-ск-* → прилагательное». Другие примеры: *любительский, исследовательский, писательский*.
7. Словообразовательная модель «существительное + суффикс *-ск-* → прилагательное». Другие примеры: *любительский, исследовательский, водительский, писательский*.
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку: *читать* → *читатель* → *читательский*, находится в этой цепочке на второй ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «свойственный или принадлежащий лицу, названному по его деятельности, обозначенной производящим словом». Другие примеры: *зрительский, чемпионский, человеческий*.
10. Функция словообразования — конструктивная.

Он хлопнул по плечу сидящего слева рыжеватого корреспондента. (Б. Васильев)

1. Начальная форма слова — прилагательное *рыжеватый*.
2. Оно мотивировано прилагательным *рыжий*. Мотивация прямая, полная, единственная.

3. Производящая база — основа прилагательного *рыжий*. Слово входит в словообразовательную пару *рыжий* → *рыжеватый*.
4. Слово образовано суффиксацией: *рыж-* + *-еват-* [+ *ый*]. Словообразовательный формант — суффикс прилагательного *-еват-*. В образовании слова участвует морфонологическое явление: чередование *о* // *е* в суффиксе (ср.: *красноватый*).
5. Словообразовательное значение слова — ‘неполнота, ослабленность признака, названного производящим словом’. Это модификационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «основа прилагательного + суффикс *-оват-/-еват-* → прилагательное». Другие примеры: *седоватый, суховатый, синеватый*.
7. Словообразовательная модель «основа прилагательного + суффикс *-оват-/-еват-* → прилагательное». Другие примеры: *седоватый, суховатый, староватый*.
8. Слово входит в словообразовательную цепочку *рыжий* → *рыжеватый*, совпадающую со словообразовательной парой, находится в этой цепочке на первой ступени словообразования. Цепочка полная.
9. Слово относится к словообразовательной категории «неполный или ослабленный признак, названный по производящему слову». Другие примеры: *лысоватый, глуповатый, синеватый*.
10. Функция словообразования — конструктивная.

Правила есть какие-то — эффектная одежда обращает внимание сама на себя, а безупречная — на своего носителя. (О. Новикова)

1. Начальная форма слова — прилагательное *безупречный*.
2. Оно мотивировано существительным *упрёк*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — основа существительного *упрёк*. Слово входит в словообразовательную пару *упрёк* → *безупречный*.
4. Слово образовано префиксально-суффиксальным способом: *без-* + *упрёк* + *н* [+ *ый*]. Словообразовательный формант — префикс *без-* + суффикс прилагательного *-н-*. В образовании слова участвуют морфонологические явления: чередование *о* // *е* в корне слова и чередование *з* // *с* на стыке приставки и следующей морфемы.
5. Словообразовательное значение слова — ‘не имеющий того, что указано производящей базой’. Это мутационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «существительное + префикс *без-* + суффикс прилагательного *-н-* → прилага-

тельное». Другие примеры: *безвредный, безгрешный, бессовестный, беспросветный, бесшумный*.

7. Словообразовательная модель «существительное + префикс *без-/бес* + суффикс прилагательного *-н-* → прилагательное». Другие примеры: *безвредный, безгрешный, бессовестный, беспросветный, бесшумный*.
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *упрекать* → *упрёк* → *безупречный* → *безупречно*, находится в этой цепочке на второй ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «не имеющий того, что названо производящей базой». Другие примеры: *безденежный, безгрешный, бесконечный*.
10. Функция словообразования — компрессивная.

Существовал, впрочем, и сахар-рафинад быстрорастворимый, досадливо отвергавшийся семьей. (Б. Кенжеев)

1. Начальная форма слова — причастие *быстрорастворимый*.
2. Оно мотивировано наречием *быстро* и причастной формой глагола *растворить*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — наречие *быстро* и причастие *растворимый*. Слово входит в словообразовательные пары *быстро* → *быстрорастворимый* и *растворимый* → *быстрорастворимый*. Слово образовано сращением (лексико-синтаксическим способом): *быстро растворимый* → *быстрорастворимый*. Словообразовательный формант — безаффиксный: устойчивый порядок компонентов и ударение, ослабленное в первом корне.
4. В образовании слова морфологические явления не участвуют.
5. Словообразовательное значение слова — ‘свойство предмета, обозначенное производящей базой’. Это соединительное (синтагматическое) словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «наречие образа действия + страдательное причастие → причастие». Другие примеры: *многоуважаемый, трудноуловимый, высокооплачиваемый*.
7. Словообразовательная модель «наречие образа действия + страдательное причастие → страдательное причастие». Другие примеры: *многоуважаемый, трудноуловимый, легкоуправляемый*.
8. Слово входит в две словообразовательные цепочки *быстрый* → *быстро* → *быстрорастворимый* и *растворить* → *растворимый* → *быстрорастворимый*, находится в этих цепочках на второй ступени словообразования. Обе цепочки неполные: приставка *рас-* предполагает наличие исходного глагола *творить*, но он в современном языке не соотносится с глаголом *раство-*

ритель. Поэтому можно сказать, что в цепочке *растворить* → *растворимый* → *быстрорастворимый* отсутствует исходное звено.

9. Слово относится к словообразовательной категории «свойство, названное по признаку, обозначенному производящей базой». Другие примеры: *вечнозелёный, малознакомый, легкоплавый*.
10. Функция словообразования — компрессивная.

— Нет, не могу! — сказал он. — Что ж, вы меня два раза **обыграли**, как мальчишку... Я ведь считался... А ну, давайте-ка ещё... **И третий раз Ганка проиграл.** (Ю. Домбровский)

1. Начальная форма слова — глагол *обыграть*.
2. Слово мотивировано глаголом *играть*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — инфинитив *играть*. Слово входит в словообразовательную пару *играть* → *обыграть*.
4. Слово образовано префиксацией: *об-* + *играть*. Словообразовательный формант — префикс *об-* и чередование *и // ы*. В образовании слова участвует морфонологическое явление: чередование *и // ы* на стыке приставки и корня.
5. Словообразовательное значение слова — ‘достижение результата действия, которое обозначено производящей базой’. Это модификационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «префикс *об-* + инфинитив глагола совершенного вида → глагол». Другие примеры: *обскакать, обрадовать, обменять, объяснить*.
7. Словообразовательная модель «префикс *об-* + инфинитив глагола совершенного вида → + чередование *и // ы* → глагол». Другой пример: *обыскать*.
8. Слово входит в полную словообразовательную цепочку *играть* → *обыграть*, совпадающую со словообразовательной парой, находится в этой цепочке на первой ступени словообразования.
9. Слово относится к словообразовательной категории «довести действие, обозначенное производящим словом, до результата; при этом результат мыслится неблагоприятным для объекта действия». Другие примеры: *обскакать, испугать, пристыдить*.
10. Функция словообразования — конструктивная.

Короче — характер тебе моего старика известен, расшумелся, на-верное, где не следовало, — так я предполагаю. (Ю. Герман)

1. Начальная форма слова — глагол *расшуметься*.
2. Слово мотивировано глаголом *шуметь*. Мотивация прямая, полная, единственная.

3. Производящая база — глагол *шуметь*. Слово входит в словообразовательную пару *шуметь* → *расшуметься*.
4. Слово образовано суффиксально-префиксальным способом: *рас-* + *шуметь* + *ся* → *расшуметься*. Словообразовательный формант комбинированный: префикс *рас-* + постфикс *-ся*. В образовании слова участвует морфонологическое явление: чередование *з // с* на стыке приставки и корня — ср.: *разгореться*.
5. Словообразовательное значение слова — ‘прийти в состояние, которое является результатом интенсивного или длительного действия, обозначенного производящей базой’. Это модификационное словообразовательное значение.
6. Слово относится к словообразовательному типу «*рас-* + глагол + *-ся* → глагол». Другие примеры того же словообразовательного типа: *размечтаться*, *расхныкаться*, *разжужжаться*.
7. Словообразовательная модель «*рас-* + глагол + *-ся* → глагол». Другие примеры: *разбаловаться*, *рассмеяться*, *раскудахтаться*.
8. Слово входит в словообразовательную цепочку *шум* → *шуметь* → *расшуметься*, находится в этой цепочке на второй ступени словообразования. Эта цепочка полная.
9. Слово относится к словообразовательной категории «прийти в состояние, которое является результатом интенсивного действия или состояния, которые обозначены производящей базой». Другие примеры: *разболеться*, *разоспаться*, *изнервничаться*, *заболтаться* (говоря слишком много), *обхохотаться*, *перетрусить*.
10. Функция словообразования — экспрессивная.

Надо выбираться из оврага и бегом — домой. (Ю. Коваль)

1. Начальная форма слова — наречие *бегóм*.
2. Оно мотивировано существительным *бег*. Мотивация прямая, полная, единственная.
3. Производящая база — *бéгом* — форма творительного падежа существительного *бег*. Слово входит в словообразовательную пару *бéгом* → *бегóм*.
4. Способ словообразования — морфолого-синтаксический (адвербиализация падежной формы). Словообразовательный формант — переход в другую часть речи и сдвиг ударения. В образовании слова участвует морфонологическое явление — сдвиг ударения.
5. Словообразовательное значение слова — ‘таким образом, какой обозначен производящей базой’. Это транспозиционное словообразовательное значение.

6. Слово относится к словообразовательному типу «имя существительное в творительном падеже → наречие образа действия». Другие примеры: *кругом, верхом, кувырком*).
7. Словообразовательная модель — «падежная форма существительного → наречие образа действия». Другие примеры: *голышом, добром, чудом*.
8. Слово входит в словообразовательную цепочку *бегать* → *бег* → *бегом*, находится в этой цепочке на второй ступени словообразования. Эта цепочка полная.
9. Слово относится к словообразовательной категории «образ (способ) действия, обозначенный производящей базой». Другие примеры слов той же словообразовательной категории: *ползком, шагом, боком, шёпотом, мигом, силой, рысью*.
10. Функция словообразования — конструктивная.

МОРФЕМНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СЛОВАРИ

Морфемные словари либо отражают морфемную структуру слов, либо содержат сведения об отдельных морфемах. К словарям второго типа относится несколько видов словарей: словари-корнесловы, толковые словари аффиксальных морфем и частотные морфемные словари.

Словообразовательные (деривационные) словари — это такие словари, которые показывают словообразовательные отношения между производящими единицами языка и производными словами.

Первые попытки лексикографического отражения словообразовательных отношений в корнесловах, структурированных по гнездовому принципу, относятся к XVIII—XIX веку. Наиболее известные корнесловы — «Словарь Академии Российской» (1789—1794) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866). Информация в этих словарях не упорядочена отношениями словообразовательной производности.

Активное развитие теории русского словообразования начинается с 60—70-х годов XX века. С этого времени теоретические исследования сопровождаются созданием морфемных и словообразовательных словарей разных типов.

КРАТКИЙ СПИСОК МОРФЕМНЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Гриббл Ч.* Список корней русского языка. 1973.
- Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Патрик Дж.* Корни русского языка. Элементарное пособие по русскому словообразованию. 1938.
- Потиха З. А.* Школьный словообразовательный словарь. М., 1961; М., 1964.
- Рацибурская Л. В.* Словарь уникальных морфем современного русского языка. М., 2009.
- Шимкевич Ф. С.* Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками: В 2 ч. СПб., 1842.

КРАТКИЙ СПИСОК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (XX — начало XXI века)

Словари русского литературного языка

- Адджигалиев И. А., Бредихина В. П., Глазман М. А., Ларина О. И., Шеляховская Л. А.* Словарь-справочник по словообразованию / Под ред. Г. С. Амирова. Алма-Ата: Мектеп, 1975. 184 с.
- Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 400 с.
- Амирова Г. С.* Словарь-справочник по словообразованию. Алма-Ата: Мектеп, 1975.
- Баранов М. Т.* Школьный словарь образования слов русского языка. М.: Просвещение, 1997. 350 с.
- Быков А.* Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: Учебный словарь. М.: НЦ ЭНАС, 2007. 25 с.
- Грузберг А. А., Грузберг Л. А.* Словообразовательный словарь: ок. 8000 слов. Пермь: ПГПУ, 2009. 157 с.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1. 1209 с.; Т. 2. 1988 с.
- Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Около 1900 словообразовательных единиц. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
- Козинец С. Б.* Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. 284 с.
- Котова В. Д.* Опыт составления учебного словаря префиксально-постфиксальных глаголов современного русского языка. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1994. 112 с.
- Кудрявцева Л. А.* Обратный деривационный словарь русских новообразований: Учебное пособие студентов филологического факультета. Киев: Киевский ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1993. 156 с.
- Петров А. В.* Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь, 2003. 286 с.
- Потиха З. А.* Школьный словообразовательный словарь: Около 25 000 слов / Под ред. С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1964. 391 с.
- Савенко А. С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / Под ред. О. И. Блиновой. М.: Ленанд, 2012. 198 с.
- Савенко А. С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Фитонимы / Под ред. О. И. Блиновой. М.: Ленанд, 2012. 186 с.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: АСТ, 2008. Т. 1. 860 с.; Т. 2. 886 с.

- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. 855 с.; Т. 2. 886 с.
- Тихонов А. Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. М.: Культура и традиции, 1996. 576 с.
- Тихонов А. Н., Беркович Т. Л.* Все трудности русского словообразования. Словарь-справочник. Ок. 10 000 словарных статей. М.: АСТ, Астрель, 2010. 816 с.
- Ульянова О. А.* Словообразовательный словарь современного русского языка. 200 словообразовательных гнезд. М.: Аделант, 2013. 512 с.
- Устименко И. А.* Словарь семантических конденсатов русского языка: лексико-словообразовательный. Воронеж, Воронежский гос. ун-т; Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2004. 271 с.

Словари авторских неологизмов

- Алешина Л. В.* Словарь авторских новообразований Н. С. Лескова. Вып. 1. А—Б. Орел, 2002.
- Валавин В. Н.* Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. Около 3500 слов. М.: Азбуковник, 2010. 622 с.
- Изотов В. П.* Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря. Орел: Изд-во ОГУ, 1998. 85 с.
- Кретов А. А., Матыцина Л. Н.* Морфемно-морфонологический словарь языка А. С. Пушкина: ок. 23 000 слов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1999. 208 с.
- Масленников Д. Б.* Словарь окказиональной лексики футуризма. Уфа, 2000. 138 с.
- Намитоква Р. Ю., Нефляшева И. А.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: Качество, 2009. 304 с.
- Никульцева В. В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. В. В. Лопатина. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник, 2008. 378 с.
- Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995. 560 с.

Мотивационные диалектные словари

- Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья): в 2 т. / Под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. Т. 1. 267 с.; Т. 2. 243 с.
- Мотивационный словарь Нарымского говора / Сост. В. Г. Наумов. Томск, 1985.
- Мотивационный словарь сибирского говора: В 2 т. / Сост. О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. Под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1: А—О. 372 с.; 2010. Т. 2: П—Я. 310 с.

Словари детской речи

Гарганеева К. В. Мотивационный словарь детской речи. Томск, 2007.

Говорят дети: Словарь-справочник / Сост. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева.
СПб., Нива, 1996. 152 с.

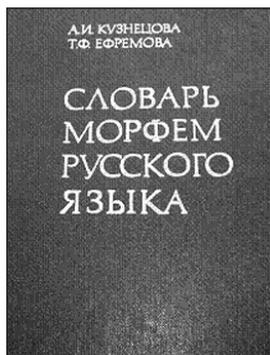
Мохович Т. А. Материалы к словарю детской речи (неузуальные слова).
Владивосток, 1983. 57 с.

Харченко В. К. Словарь детской речи. Белгород. Белгородский гос. пед.
ин-т, 1994. 256 с.

Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций. М., 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ МОРФЕМНЫХ СЛОВАРЯХ

Кузнецова А. Н., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Это первый словарь, отражающий морфемную структуру русских слов. В Предисловии дана информация о принципах морфемного анализа и правилах построения морфемных словарей. Словарь содержит 5000 морфем (корней, префиксов и суффиксов), представленных соответственно в трех частях: корневой, префиксальной и суффиксальной. В Приложении дается информация о корневом алломорфизме, приводятся списки наиболее продуктивных и омоморфемных корней. В аффиксальной части представлены списки префиксов и суффиксов. Отдельно даются списки наиболее активных суффиксов и префиксов и многоморфемных единств (морфемных блоков).

Пример словарной статьи из корневой части словаря

ВÍЛ

√-ь-нў-ть

√-я-ть¹, -(ть-ся)²

√-я-ни-е

за-√-я-ть

из-√-ин-а

из-√-ист-ый

из-√-ист-ост-ьø

от-√-ива-ть

от-√-ь-нў-ть

по-√-ива-ть

по-√-я-ть

раз-√-ин-а

раз-√-ист-ый

раз-√-к-а

раз-√-ок-ø

с-√-ива-ть

с-√-ь-нў-ть

у-√-ива-ть

у-√-ива-ни-е

у-√-ь-нў-ть

Пример словарной статьи из префиксальной части словаря

С-по-√-н[́]-ть-ся — тк, тук
С-по-√-ств-ов-а-ть — с^об
С-по-√-ш-еств-ов-а-ть — сп^е
С-по-за-√-к-у-ћ¹ — 2 р^ан
С-по-за-√-ок-ћ — 2 р^ан
С-про-√-и-ть — в^ад, 2 в^ор
С-про-√-ива-ть¹, -(ть-ся)² — 3 в^аж^{1, 2}
С-про-√-ок-ћ — с^он
С-про-√-ь-я-ћ — с^он
С-ыз-√-а-ћ — 1 мал, нов
С-ыз-√-н-а-ћ — 2 дав
С-ыз-√-ств-а-ћ — д^ет
С-ыз-√-ь-ств-а-ћ — 1 мал
С-ыс-√-и-ћ — стар
бес-С-√-енн-ый — м^ысл
бес-С-√-енн-ост-ь^о — м^ысл
бес-С-√-и-е — м^ысл
бес-С-√-иц-а — м^ысл

Пример словарной статьи из суффиксальной части словаря

ИХ

I место

√-ИХ-а — бобр, бобыл, волч,
1 ворон, врач, греч, дьяч, еж,
1 лос, морж, поном^ар, 2 рыс,
1 слон, сокол, сторож, 1 трус,
франт, 2 черт, шум, шут, 2 щегол
√-ь-ИХ-а — вороб, 1 солов
не-раз-√-ИХ-а — бер
по-√-ИХ-а — 1 вар
у-√-ИХ-а — р^од

II место

√-ач-ИХ-а — леш
√-й-ч-ИХ-а — за
√-л-ИХ-а — журав
√-н-ИХ-а — 1 порт
√-ост-ИХ-а — ст^ар
√-ч-ИХ-а — 1 куп, плов, скоп

¹ В словаре знак **ћ** обозначает нулевую флексию.

√-ь-нич-ИХ-а — мёл
√-ь-ч-ЙХ-а — крол, стрел
√-яр-ИХ-а — 3 мал, стол

III место

√-а-ч-ЙХ-а — тк
√-н-ич-ИХ-а — двёр, 1 сот
у-√-н-ич-ИХ-а — ряд

IV место

√-ё-л-ь-ч-ИХ-а — сид

Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем. Киев, 1982.

В словаре содержится информация о происхождении, значениях, словообразовательных свойствах и функционировании служебных морфем, входящих в состав основных частей речи русского и украинского языков (имени существительного, имени прилагательного, глагола, наречия). Отмечаются общие и специфические особенности сопоставляемых служебных морфем.

Пример словарной статьи

русский язык

-АЧ(ИЙ)₂, -ЯЧ(ИЙ)₂ (после мягких согласных). Исконный причастный суффикс.

Выделяется в именах прилагательных, развившихся из причастий, образованных от непереходных глаголов II спряжения.

Слова с этим суффиксом выражают значение «склонный к тому, что названо производящим словом»:

бродить → *бродячий* (актер) — связанный с постоянными переездами, странствующий»; *висячий* (замок) — «приспособленный к тому, чтобы висеть»; *горячий* (утюг), *сто[ж-а]чая* (вода), *ходячее* (выражение).

украинский язык

-АЧ(ИЙ)₂, -ЯЧ(ИЙ)₂ (после мягких согласных). Исконный причастный суффикс.

Образует также имена прилагательные. Присоединяется к основе глаголов II спряжения.

Тождественно:

бродячий (актер) — *мандрівний, мандріваний*; *висячий* (замок) — «який (що) висить»; *гарячий* (утюг, праска), *стояча* (вода), *ходячий* (вираз, вислів) — «звичайний».

Рацбургская Л. В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. М., 2009.

Словарь представляет собой первое в отечественной практике лексикографическое издание, отражающее состав уникальных морфем в современном русском языке. Словарь включает более трехсот уникальных корней, суффиксов и префиксов. В словаре дается семантическая характеристика уникальных морфем и содержащих их слов, рассматриваются парадигматические связи уникальных морфем. Уникальные морфемы дифференцируются в зависимости от их формальной и (или) семантической уникальности.

Пример словарной статьи

-АЧЕЙ- (-АЧЕ/j/-) (*казн-ачей*) — значение предмета — лица, связанного по роду занятий /с тем, что названо мотивирующим существительным (*казна*)/.

Ср.: *фабрик-ант, практик-ант; виноград-арь, пушк-арь.*

КАЗНАЧЕЙ — «хранитель казны» [Толковый словообразовательный словарь, 2004]; «в войсковых частях: лицо, ведающее приемом, хранением и выдачей денежного, вещевого и технического довольствия»; «заведующий казначейством в дореволюционной России».

Придет двадцатое число, расписывайся у казначея и получай жалование. (Вересаев. На повороте).

Я получил предписание в качестве казначея вернуться... в дивизионный штаб и получить там высланные полку деньги. (Фет. Мои воспоминания).

Жил некто господин Бобковский. Губернский старый казначей. (Лермонтов. Тамбовская казначейша). (БАС-17).

СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.

В 1961 году опубликован и в 1964 году переиздан «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи под редакцией С. Г. Бархударова. Но собственно словообразовательные отношения в нем не отражены, это первый словарь морфем. В нем показана структура около 25 000 слов и содержатся три приложения: 1) алфавитный

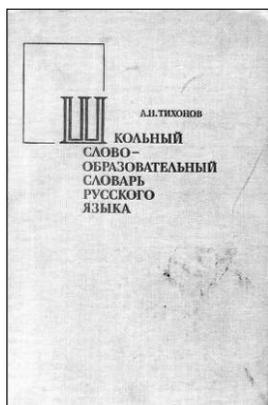

список приставок и суффиксов существительных, прилагательных и глаголов; 2) перечень наиболее употребительных греческих и латинских словообразовательных элементов, вошедших в русский язык; 3) краткие исторические справки о фонетических процессах, изменивших звуковую структуру слова. В 1974 году вышла книга З. А. Потихи «Как сделаны слова в русском языке», представляющая собой справочник служебных морфем.

Фрагмент словаря

- **то́пл/ив/о**
топ/и́/ть (то́п/к/а [печей]; *сов. ис/топ/и́/ть*)
то́пл/ив/н/ый (то́пл/ив/о)
то́п/ну/ть (*несов. то́п/а/ть*)
топограф/и́ческ/ий (топо́граф)
топогра́ф/и/я (от *греч. topos* — местность + *graphō* — пишу)
то́пол/ев/ый (• то́поль)
топони́м/ик/а
топоним/и́ческ/ий (топо́ним; *греч. topos* — местность + *онума* — имя)
топор/и́щ/е [огромный топор]
топо́рищ/е [рукоятка топора]
топо́р/н/ый (• топо́р)
то́п/от (*ср. то́п/а/ть*)
топт/а́/ни/е (*ср. топт/а́/ть*)
торг/ов/а́/ть (торг)
торг/о́в/ец
торг/о́вл/я
торг/о́в/ый
торгпреди́ств/о (от *торг(овое) пред(ставитель)ство*)
торже́ств/енн/ый (*историч. от торг; на торговых площадях в прошлом было празднично и торжественно*)
- торжеств/о́
- торжеств/ов/а́/ть
тормоз/и́/ть (• то́рмоз; *греч. tormos* — *букв. 'отверстие для вставки гвоздя, задерживающего вращение колеса'*; *сов. за/тормоз/и́/ть*)
тормоз/н/о́й (*ср. тормо́ж/е́ни/е; черед. з—ж*)
- тороп/и́/ть/ся (*сов. по/тороп/и́/ть/ся*)
тороп/ли́в/ость
- тороп/ли́в/ый

Словообразовательные словари А. Н. Тихонова

В 1978 году был издан «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова. Это первый собственно словообразовательный словарь, наиболее известный и широко распространенный. Слова в нем сгруппированы по гнездам, в каждом гнезде обозначено исходное слово, показаны словообразовательные цепочки и ступени словообразования. Гнезда расположены в алфавитном порядке исходных слов. Приложение содержит алфавитный указатель производных слов, представленных в гнездах (около 25 000 слов). Впоследствии школьный словарь А. Н. Тихонова

многократно переиздавался с изменениями и дополнениями, на его основе издано немало учебных словообразовательных словарей, составленных другими авторами.

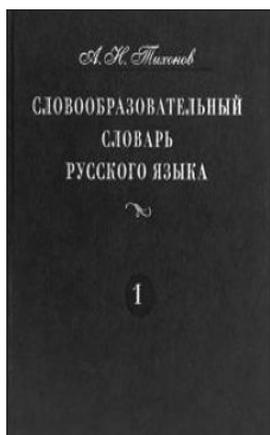
Пример словарной статьи

	тэшить-ся →		на-тэшиться
			по-тэшиться
	на-тэшить		потеш-á-ть
			потéx(a) (черед. ш—х) →
тэш[и]ть →	по-тэшить →		→ потéш-н(ый) (черед. ш—х) →
			→ потéшн-о
			потéш-ник → потéш-ниц-а
	у-тэшить →		утеш-á-ть
			утеш-éни[j-э]
			утéx(a) (черед. ш—х) →
			→ утéш-н-ый (черед. ш—х) →
			не-утéшный
			без-утéш-н-ый (черед. ш—х)
			утешí-тель → утешíтель-ниц-а
			утешí-тельн(ый) →
			утешíтельн-о → не-утешíтельно ¹
			утешíтельн-ость → не-утешíтельность ¹
			→ не-утешíтельн(ый) →
			→ неутешíтельн-о ²
			→ неутешíтельн-ость ²

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

Словарь гнездового типа, он содержит более 145 000 слов, 12 621 гнездо. Это первое фундаментальное лексикографическое описание словообразовательной системы русского языка. Структура словаря определяется различием синхронии и диахронии: в каждое из гнезд объединены слова, сохраняющие живые смысловые связи. Словарным материалам предшествует большая теоретическая часть «Основные понятия русского словообразования». Словарь переиздавался в 1985, 1990, 1992 (стереотипно), в 2003 (со значительными изменениями и дополнениями) и в 2008 годах.

В 3-е издание (2003 г.) внесены существенные изменения, уточнения и дополнения. Скорректировано представление структуры некоторых гнезд и словообразовательной структуры некоторых производных слов. Для изучения деривационных процессов особенно важно то, что список слов, не образующих гнезд, уменьшился на 528 слов, так как у этих слов появились производные (например, у слов *вождь*, *супермен*, *шоу*) и, соответственно, в системе русского языка увеличилось количество словообразовательных гнезд. Список слов, которые образовали новые гнезда, помещен после списка одиночных слов. Кроме того, в 3-м издании

появился список непроеизводных слов с указанием количества образованных от них производных, что демонстрирует словообразовательный потенциал каждого непроеизводного слова. Подсчеты словообразовательного потенциала частей речи приведены в таблице.

Фрагмент словаря (3-е издание)

255. **вихо́р**
вихор-**о́к**
| вихор**о́ч-ек**
| вихорк-**о́м**, нареч.
вихо́р-**чик**

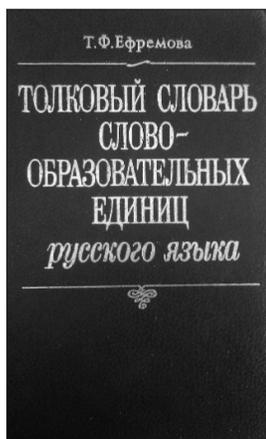
вихр-**áст**-ый
 вихр-**я́ст**-ый
 вихр-**евáт**-ый
 вихр-**о́м**, *нареч.*
 вихо́р-**и**-ть
 | вихо́рить-**ся**
вз-вихр-**и́**-ть
 | взвихри́ть-**ся** I взвихри́ться II *см.* вихрь
за-вихр-**и́**-ть
 завихри́ть-**ся** I завихри́ться II *см.* вихрь

256. **вихрь**, ви́хорь
 вихор-**ёк**
 ви́хр-**ем**, *нареч.*
 вихр-**ев**-о́й
 | центробе́жн-**о**-вихрево́й *см.* центр, бежать
 вихр-**и́**-ть
 вихри́ть-**ся**
 | **вз**-ви́хри́ться II I взвихри́ться I *см.* вихор
 | **за**-ви́хри́ться II I завихри́ться I *см.* вихор
вз-ви́хрить
 | взви́хри́ть-**ся** II 2
за-ви́хрить
 зави́хри́ть-**ся** II 2
 завихр-**эни́**-е [завихрение]

257. **ви́шн(я)**
 ви́шен-**к**-а
 ви́шен'-**ј**-е [вишенье]
 ви́шен-**ник**
 виш-**ня́к** [виш(н)-**няк**]
 вишн-**ёв**(ый)
 | вишнёв-**к**(а)
 | вишнёвоч-**к**-а
 грязн-**о**-вишнёво́й *см.* грязь
 те́мн-**о**-вишнёво́й *см.* тьма I
 ви́шен-**н**-ый
 лавр-**о**-ви́шн(я) *см.* лавр
 лаврови́шн-**ев**-ый

258. **включи́ть** *ср.* выключить, отключить и др.
 вклю́чи́ть-**ся**
 | вклю́ч-**а́**-ться I
 вклю́ч-**а́**-ть
 | вклю́ча́ть-**ся** 2
 | вклю́ча́-**тель**
 | вклю́ча́-**я**, *предлог*
 вклю́ч-**эни́**-е [включение]
 вклю́чи́-**тельн/о**

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

Словарь подробно описывает около 1900 словообразовательных единиц, участвующих в деривации существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Заглавиями словарных статей являются не слова, а морфемы (в том числе составные), циркумфиксы и связанные аффиксы. Приводятся сведения о вариантах морфем, о регулярности и продуктивности словообразовательных типов (с лексическими примерами), о комбинаторных свойствах единиц, о морфонологических явлениях при деривации. Обозначается синонимия и омонимия словообразовательных единиц, дается многоаспектный анализ мотивирующих основ, с которыми

взаимодействуют словообразовательные единицы. Материал систематизирован в двух приложениях, одно из них ориентировано на изучение русского языка как иностранного.

Пример словарной статьи

-ЛИВ-

См. **-2.ив-**, а также **-тлив-**

Регулярная и очень продуктивная словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением склонности к тому, что названо мотивирующим словом:

1) склонный к какому-либо действию, названному мотивирующим словом, например: *бережливый, ворчливый, говорливый, догадливый, заботливый, пугливый, хвастливый*;

2) склонный к чему-либо, характеризующийся наличием в большой степени, в избытке чего-либо, названного мотивирующим словом, например: *дождливый, завистливый, слезливый, совестливый, сонливый, талантливый, уродливый*.

В качестве мотивирующих слов в первом случае используются либо глаголы (например: *бодать — бодливый, кичиться — кичливый*), либо имена существительные отглагольного происхождения (например: *непоседа — непоседливый, удушье — удушливый*); во втором случае — имена существительные предметного значения (например: *жадность — жадостливый, счастье — счастливый*). В отдельных случаях затруднительно точно установить, что является мотивирующим словом: глагол или имя существительное, например: *стыдливый* (ср. *стыдиться, стыд*), *крикливый* (ср. *кричать, крик*).

Присоединяется как к непроизводной основе мотивирующих слов (что наиболее характерно), так и к основе производной, оканчивающей-

ся суффиксами *-зн'*-, *-к-*, *-ост'*-, *-ч-*, например: *боязливый*, *драчливый*, *жалостливый*, *удачливый*. Перед суффиксом наблюдаются:

1. Чередования: а) заднеязычных согласных с соответствующими шипящими, например: *выюга* — *выюжливый*, *пройдóха* — *пройдóшливый*, *берёчь*, *берегу́* — *бережливый*, *насмехáться* — *насмéшливый*; исключение составляют случаи, когда мотивирующая основа оканчивается сочетанием согласных, последняя из которых заднеязычная, например: *визг* — *визгливый*, *тоска* — *тоскливый*; б) [p]—[p'] : *игра́*, *игра́ть* — *игри́вый*; в) [т]—[ч] : *ребя́та* — *ребячливый*; г) [и]—[о] : *прожирáть* — *прожорливый*.

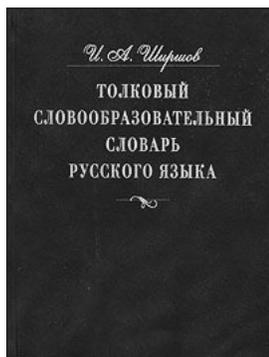
2. Отсутствие финалей: а) *-и́-*: *учáстие* — *учáстливый*; б) *-й-*: *счáстье* — *счастливый*; в) *-к-/ок-*: *кокéтка* — *кокéтливый*; г) *-н'* : *боя́знь* — *боязливый*; д) *-ива-*: *увёрты́ваться* — *увёртливый*; е) конечной гласной инфинитивной мотивирующей основы, например: *суе́титься* — *суетливый*, *хлопо́тать* — *хлопотливый*; исключение: *молча́ть* — *молчали́вый*, *терпе́ть* — *терпели́вый*.

Словообразующий суффикс может быть как ударным, так и безударным. В именах прилагательных, образованных от глагольных или отглагольных основ, при односложной мотивирующей основе ударение обычно падает на суффикс. При двусложной мотивирующей основе место ударения определяется местом ударения в мотивирующем слове: *говори́ть* — *говорли́вый*, *пони́ять* — *понятли́вый*. При трехсложной мотивирующей основе ударение падает на тот же слог основы, что и в соответствующем отглагольном имени существительном. В именах прилагательных, мотивированных именами существительными с предметным значением, ударение падает на суффикс, если мотивирующая основа односложна (например: *слеза́* — *слезли́вый*, но *выю́га* — *выюжли́вый*), и ударение падает на корень, если мотивирующая основа двух- или трехсложна (например: *непосе́да* — *непосе́дливый*, однако *при́хоть* — *прихотли́вый*, *по́хоть* — *похотли́вый*).

Ср. **-2.ист-**: *изворóтливый* — *изворóтистый*

-2.н¹-: *чванли́вый* — *чва́нный*

Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

Словарь И. А. Ширшова содержит около 37 000 слов, более 2000 словообразовательных гнезд, алфавитный указатель. В словарных статьях приводятся сведения не только по современному функционированию слова в словообразовательной системе, но и по его словообразовательной истории. Все слова сопровождаются толкованиями, соответствующими не только лексическому значению, но и словообразовательной структуре слова. Дается акцентологическая, грамматическая, стилистическая информа-

ция о словах. Ко всем словам приводятся контексты, в том числе цитаты из русской литературной классики. Словообразовательные гнезда расположены по алфавиту исходных слов. Каждое гнездо содержит словарные статьи двух типов: описание вершины гнезда и описание производных слов. Кроме того, в словаре учтены все типы мотивации производных и производящих языковых единиц (прямая, переносная, метафорическая и т. д.), полимотивация и поликоррелятивность, даны сведения о деривации синтаксической, модификационной, грамматической и лексической, указаны типы синхронной производности (ядерный, промежуточный, периферийный).

Пример словарной статьи

ДОРО́ГА, *-и, ж.* 1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы. *Шоссе́йная д.* 2. Место для прохода, проезда. *Встать на дороге. Дать дорогу кому-л.* 3. Путешествие, поездка. *Утомительная д.* 4. *перен.* Образ действия, направление деятельности. *Труд — д. к знанию.*

БЕЗДОРО́ЖНЫЙ, *-ая, -ое.* [дорог(а) → без-дорож-н-ый]. Не имеющий проезжих дорог (в 1 знач.). *Бездорожное захолустье.*

БЕЗДОРО́ЖЬЕ, *-я, ср.* [бездорож(н-ый) → бездорож-ж-е и дорог(а) → без-дорож-ж-е]. 1. Состояние по прил. бездорожный; отсутствие дорог. *Российское б.* 2. Распутица, плохое состояние грунтовых дорог. *Осеннее б.*

ДОРО́ГОЙ, *нареч.* [дорог(а) → дорог-ой]. Во время дороги (в 3 знач.) поездки. *Поговорим д.*

ДОРО́ЖЕНЬКА, *-и, ж.* (*народно-поэтич.*). [дорог(а) → дорож-еньк-а]. Ласк. к дорога (в 1 знач.). *По слободке д. бежит.*

ДОРО́ЖКА, *-и, ж.* [дорог(а) → дорож-к-а]. 1. Уменьш. к дорога (в 1 знач.). *Узкая д. вилась по долине.* 2. Узкая дорога в садах, парках; тропинка. *Расчистить дорожки в парке. Лесная д.* 3. Узкий длинный ковер. *Ковровая д.* 4. Специально устроенная дистанция. *Беговая д. Водная д.* 5. Узкое углубление. *Магнитофонная д.*

ДОРО́ЖНИК, *-а, м.* [дорожн(ый) → дорожн-ик и дорог(а) → дорож-ник]. Специалист по дорожному (в 1 знач.) строительству, по строительству и эксплуатации дорог (в 1 знач.). *Инженер-д.*

ДОРО́ЖНЫЙ, *-ая, -ое.* [дорог(а) → дорож-н-ый]. 1. Относящийся к дороге (в 1 знач.). *Д. знак. Дорожное строительство.* 2. Относящийся к дороге (в 3 знач.). *Д. костюм. Дорожные впечатления.*

ПОДОРО́ЖНАЯ, *-ой, ж.* [подорожн(ый), *-ая, -ое* → подорож-ная]. Подорожный (в 3 знач.) документ. *Подписать подорожную.*

ПОДОРО́ЖНИК, *-а, м.* [подорожн(ый) → подорожн-ик]. 1. Подорожная (в 1 знач.) трава. *Листья подорожника.* 2. Подорожная (во 2 знач.) птица. *Стая подорожников.* 3. Подорожные (в 3 знач.) пирожки. *Напечь подорожников.*

ПОДОРÓЖНЫЙ, -ая, -ое. [дорог(а) → по-дорож-н-ый]. 1. Расположенный у дороги (в 1 знач.). *П. столб.* 2. Обитающий при дороге (в 1 знач.). *Подорожная птичка.* 3. Предназначенный для дороги (в 3 знач.). *Подорожная еда.*

ПРИДОРÓЖНЫЙ, -ая, -ое. [дорог(а) → при-дорож-н-ый]. Расположенный при дороге. *П. столб. П. куст.*

Тихонов А. Н., Беркович Т. Л. Все трудности русского словообразования. М., 2010.

Словарь А. Н. Тихонова и Т. Л. Беркович описывает около 10 000 производных полимотивированных и, соответственно, полиструктурных слов. Словарь показывает, от каких производящих единиц языка и какими словообразовательными средствами создаются в языке такие полимотивированные слова, как *операбельный* (и от *операция*, и от *оперировать*), *обессилеть* (и от *бессильный*, и от *бессилеть*, и от *сила*), какова структура производящих единиц языка и производных слов при их альтернативной мотивации, в случаях полисемии и омонимии слов приводится их толкование. Словарным материалам предшествует теоретическая статья

А. Н. Тихонова «Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке», в конце словаря приводится библиография его работ о полимотивации.

Фрагмент словаря

коротковáто

коротк-овáт(ый) → коротковáт-о 1
кóрóтк-о → коротк-овáт-о 2

коротковолновíк

коротк-о-во́лн-ов(ый) → коротковолнов-íк 1
кóрóтк(ий) |
волн(á) | → коротк-о-волн-ов/íк 2
(водяной вал) |

кóрочка

кóр-к(а) → кóроч-к-а 1
кор(á) → кóр-очк-а 2

корректíв

корре́кц(-и́-а) [коррекция] → коррект-íв 1
корректи́ровать → коррект-íв 2

корчевáлка

корчевá-ль/(н-ый) → корчевáл-к-а 1 [корчеваль(ная машина)-к-а]
 корчевáть → корчевá-л/к-а 2

корыстолюбец

корыст-о-люб(-ив-ый) → корыстолюб-ец 1
 коры́сть |
 любить | → корыст-о-люб-ец 2

корьере́зчик

кор'j-е-рэз(-к-а) [корьерезка] → корьере́з-чик 1
 кор' -j(ó) [корьё] |
 ре́з-чик | → кор'j-е-рэзчик 2

ко́сенько

ко́с-еньк(ий) → ко́сеньк-о 1
 ко́с-о → ко́с-еньк-о 2

ко́силка

ко́сй-ль/(н-ый) → ко́сйл-к-а 1 [косиль(ная машина)-к-а]
 кос-й́-ть → ко́сй-л/к-а 2
 (среза́ть косой)

косметологический

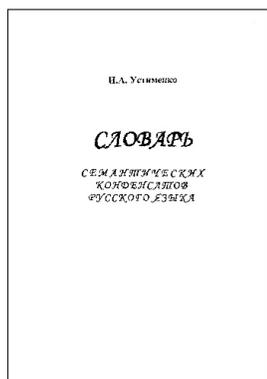
космет-о-ло́г(и-я) [косметологи-а] → косметолог-й́ческ-ий 1
 косметоло́г → косметолог-й́ческ-ий 2

космографический

косм-о-граф(и-я) [космографи-а] → космограф-й́ческ-ий 1
 космогра́ф → космограф-й́ческ-ий 2

Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка: лексико-словообразовательный. Воронеж; Белгород 2004.

Словарь содержит около 2500 слов, образованных от словосочетаний. Конденсатами считаются производные слова, сохраняющие

семантический объем исходного сочетания, но использующие при деривации только один его компонент. В словарь включены слова разных способов образования (например: *неотложка, гримерная, подследственный, безнал, нестандарт*). В словарных статьях имеются грамматические и стилистические пометы, контексты употребления из литературы и словарей с указанием источников. Приводятся схемы словообразовательной структуры конденсатов, даются указания на морфонологические явления. Отмечаются случаи неединственной мотивации.

Фрагмент словаря

ЛЮБЕРЫ, -ов, *мн.* (*ед.* *любер*, -а, *м.*). *Разг.* Члены люберецкой группировки. // Молодежные группировки, возникшие в 80-е гг., культивирующие агрессивность, насилие, жесткую дисциплину и усиленную физическую подготовку. *Место наиболее многочисленной тусовки любителей — парк им. Горького.* *АиФ*, 1992, 27. *ТСРЯК*: 366.

Член люберецкой группировки — [(любер' /р-/-ецк-/) + -ø-] + -□, *черед.*, *усеч.*

ЛЮМИНЕСЦЕНТ, -а, *м.* Люминесцентная лампа. Мы стоим у окна универмага, цветные пятна неона и люминесцента падают с улицы на воск манекенов. В. Швейцер. *Диалог с прошлым*, 1966: 146.

Люминесцентная лампа — [(люминесцент- /н-/) + -ø-] + -□, *усеч.*

ЛЯГУШАТНИК¹, -а, *м.* *Разг.* «Лягушинный бассейн». Мелкий бассейн для купания детей. // Мелкое место реки или бассейна, отведенное для купанья детей; небольшой мелкий бассейн. *В большом огражденном участке реки — «лягушатнике» — вода кипела от бахтавшихся детских тел.* М. Васин. *День отдыха.* (Сиб. Огни, 1966, 1). «Речку» эту сделали педагоги специализированной детской спортивной школы Ленгорно. Своими силами они оборудовали небольшой бассейн — «лягушатник» и пригласили школьников младшего возраста

та учиться плавать. *Лен. Правда*, 11.12.1966. *НСЗ-60*: 261.

Трансформация.

ЛЯГУШАТНИК², -а, *м.* *Разг.* Лягушинный водоём. Водоём, населенный лягушками. // Водоём, обычно пересыхающий летом и населенный лягушками. — *Ты знаешь при низинках котловины? Те, в которых вода до середины лета держится. А в мокрый год и совсем не высыхает. — Да ты никак о лягушатниках толкуешь? — изумился Иван.* В. Курочкин, *Наденька из Апалева.* *НСЗ-60*: 261.

Лягушинный водоём — [(лягуш- /ин-/) + /-ат-/-ник-] + -□, *усеч.*, *наращ.*

Водоём, населенный лягушками — [(лягуш- /к-/) + /-ат-/-ник-] + -□, *усеч.*, *наращ.*

ЛЯГУШАТНИК³, -а, *м.* *Разг.* *Проф.* Ловец лягушек. // Тот, кто занимается ловлей лягушек и других земноводных. *Вторая часть названия — «производственным» аргументирована промысловым... отловом лягушек. Дело в том, что правление кооперировало лягушатников-одиночек, которые ловили земноводных и продавали мединститутам для учебно-экспериментальных целей. Вот этим коммерческим делом и занят 3—4 месяца в году заведующий торгово-производственным отделом.* *Известия*, 13.01.1965. *НСЗ-60*: 261—262.

Ловец лягушек — [(лягуш- /к-/) + /-ат-/-ник-] + -□, *усеч.*, *наращ.*

Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь, 2003. 286 с.

Объектом лексикографического описания являются сложные имена существительные, образованные от глаголов лексико-семантической группы физического действия. Описывается 1600 сложных имен существительных, входящих в 91 словообразовательное гнездо. В словарь включены композиты разных словообразовательных ти-

пов и способов образования, например, *мухоловка, санпропускник, ничегонеделание*. Отмечаются расхождения между формальной и семантической мотивированностью, полимотивация производных. Во все словарные статьи включены разнообразные пометы и контексты употребления, некоторые статьи содержат морфонологические, этимологические, энциклопедические и другие сведения.

Пример словарной статьи

82. ТОЧИТЬ:

САМОТОЧКА, ЧЕРВОТОЧИНА, КАМНЕТОЧЦЫ, ДРЕВОТОЧЦЫ, ТОЧИЛО: ЭЛЕКТРОТОЧИЛО.

ТОЧИТЬ, точу́, то́чишь; *несов., перех.*

1. Делать острой режущую или колющую часть чего-л. (оружия, инструмента) путем трения обо что-л. *Точить топор. Точить пилу. 2. Делать дыры в чем-л.; грызть, поедая, повреждать что-л. (о насекомых, животных). *Мышь точит стену. Жук точит кору дерева.

САМОТО́ЧК/А, -и, *ж.*

/// Сам + -о- + то́ч(ить) + -к- + -а; точит (в 1 знач.) сама ///

Разг. Токарный или токарно-винторезный станок с самоходным суппортом. *Павлик подошел ближе и, притронувшись к станку, робко спросил: — *Самоточка?* Мастер быстро посмотрел на него и засмеялся: — Верно! *Самоточка!* [Горбатов, Мое поколение]. Человек двадцать из старого железа водосточные трубы гнули. На хороших *самоточках* точили всякую дрянь [Ляшко, Доменная печь].

ЧЕРВОТО́ЧИН/А, -ы, *ж.*

/// Червь |в' — в| + -о- + то́ч(ить) + -ин- + -а; точит (во 2 знач.) червь ///

1. Отверстие в чем-л., проточенное червями (личинками насекомых). *Трава была пронзительная, торцы поленицы черные, а кожа на ней белая с *червоточиной*, березовая, и завитками отставала [Анчаров, Самшитовый лес]. Кому не доставало огорчений червивое яблоко? «Творец» этих *червоточин* — чаще всего яблонная плодожорка [Злотин, Насекомые — друзья и враги человека]. 2. Повреждение чего-л., порча червями (личинками насекомых). Синоним: червобой. *Наименее всех других эта древесина поддается *червоточине*. Но что самое интересное, осина обладает свойством очень долго не гнить в воде [Солоухин, Третья охота]. Вниз летела превратившаяся в труху черная солома и остатки обрешетки, изъеденной *червоточиной* [Крутилин, Липяги]. 3. *Перен., метаф.* ^Какой-л. изъян в ком-л. или в чем-л. ^ *Все вроде шло хорошо у солдата, но его нет-нет и прорывало,

и тогда он высказывал горькие и дерзкие мысли: душевная *червоточина* досаждала Куликову [Лезгинцев, Человек с гор]. И от каждого витиеватого словца ^собеседника^, произнесенного с каким-то выкрутасом, так и тянуло затхлостью, *червоточиной*... [Кассиль, Ранний восход].

КАМНЕТО́ЦЦ/Ы, -ццев, *мн.* (ед. КАМНЕТО́ЧЕЦ, -чца, *м.*)

///Камень |е — Ø| + -е- + тоц(ить) + -ец-; точить (во 2 знач.) камни \\\

Двустворчатые моллюски, имеющие раковину, покрытую на переднем конце острыми зубчиками и приспособленную к сверлению ходов в камнях. *Большой интерес представляют *камнеточцы* и *древоточцы* из группы лишенных связей моллюсков... Это формы, приспособившиеся к обитанию в ходах, проточенных ими в скалах, известняках, плотных породах или в дереве [ЖЖ. — Т. 2. — С. 151]. Это страшнейший враг моряков — так называемый корабельный червь. Он способен превратить в труху самое крепкое дерево. Тут же с мирным видом сидели моллюски-*камнеточцы*. Эти пострашнее тореда — они разрушают бетонные портовые сооружения! [Сажин, Капитан Кирибев].

ДРЕВОТО́ЦЦ/Ы, -ццев, *мн.* (ед. ДРЕВОТО́ЧЕЦ, -чца, *м.*)

///Дерев(о) |д' — д|, |ере — ре| + -о- + тоц(ить) + -ец-;

1) точить (во 2 знач.) деревья \\\

Название ночных бабочек, гусеницы которых питаются древесиной. *Оголенная тайга становится рассадником *древоточцев*, гниет и распадается [Чивилихин, Светлое око Сибири]. «Периодические несчастья — ураган, нашествие *древоточцев*, повышение грунтовых вод — приостанавливали эту безмолвную, почти неукротимую гонку к солнцу, вечную гонку живых соков земли!» [Леонов, Русский лес].

2) точить (во 2 знач.) дерево \\\

^Двустворчатый моллюск, ^повреждающий деревянные суда и деревянные части портовых сооружений. *Никто из экипажа не догадывается, что внутри деревянного корпуса завелся *древоточец*, неприметный для глаза прозрачный червь. Из года в год ведет он свою разрушительную работу, пропуская сквозь себя тонны перемолотой древесины [М. Колесников, Ищу свою высоту]. Одни моллюски сверлят камень, другие — дерево, попавшее в морскую воду. *Древоточцы* еще и питаются деревом, которые они сверлят и поедают в то же время [Н. Тарасов, Море живет].

ТОЧИ́Л/О, -а, *ср.*

///Точи(ть) (в 1 знач.) + -д- + -о \\\

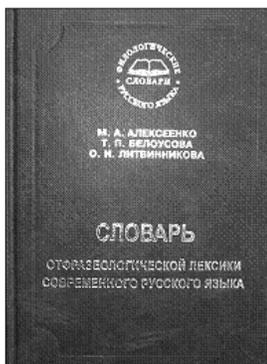
Точильный камень, а также станок для точки режущих инструментов.

ЭЛЕКТРОТО́ЧИЛ/О, -а, *ср.*

///Электр(ический) |р' — р| + -о- + точило; электрическое точило \\\

Электрический станок для точки режущих инструментов. *Моторист Светлолобов, сидя на ведре, застеленном стеганкой, точил на *электроточиле* зубья пилы [Лавров, Синий колодец]. Марфин бледнел, уходил в кормовой отсек и там долго и тщательно вострил на *электроточиле* топорик для разделки мяса [Черкашин, Одинокое плавание].

**Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь
отфразеологической лексики современного русского языка.
М., 2003.**

В словаре совмещаются функции толкового, словообразовательного и фразеологического словарей. Он содержит словарные статьи, показывающие образование слов от различных фразеологических единиц. Учитываются разные способы образования слов, разные словообразовательные типы и модели (например, *междусобойчик*, *велосипедоизобретательство*, *подкаблучник*, *жареное*, *заякориться*, *бумагомарака*). В словарь включены не только общеупотребительные слова, но и индивидуально-авторские, не зафиксированные другими словарями. Словарные статьи содержат не только структурно-словообразовательную информацию, но и грамматическую, а также экспрессивно-стилистическую и функциональную характеристику слов, их толкование и иллюстрации.

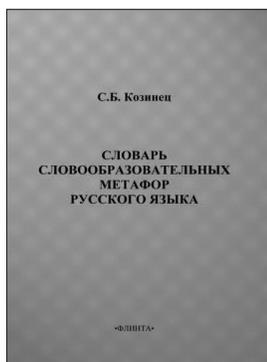
Пример словарной статьи

ТАРАБА́РСКИЙ, -ая, -ое. Разг. Бессмысленный и непонятный. *Проводя московского посланника, Манефа [игуменя расколничьего скита] принялась за перевод тарабарского письма Дрябиных. Мельников-Печерский, В лесах. За хороший язык можно было бы прощать жалкое содержание тогда, когда главною потребностью нашей литературы было выучиться писать не тарабарским языком. Чернышевский, Об искренности в политике. ♦ ТАРАБА́РСКАЯ [китайская] ГРАМОТА.* Нечто бессмысленное, совершенно непонятное. — *Monsier Балахнов, я этих дел не знаю; покупать именья, продавать их, — все это для меня, постоянного городского жителя, тарабарская грамота!* Григорович, Проселочные дороги. *Фрески Микель-Анджело в Сикстинской капелле тоже перестали быть для меня тарабарской грамотой.* Чайковский, Письмо А. И. Чайковскому от 12 января 1880 г. <РАЗВОДИТЬ ТАРЫ-БАРЫ <растабары>. — См. тарабарить.>

- тар-а-бар-ск(ий) и тарабар-ск(ий)

**Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского
языка. Саратов, 2011.**

В словарь включены производные слова, переносное значение которых возникает при словообразовании или наследуется от производящей базы. Словарные статьи, расположенные по алфавиту и частично-гнездовым способом, если заголовочное слово

имеет производные, содержат грамматическую, стилистическую и функциональную характеристику слов, толкование, контексты употребления. Если современная мотивированность слова не совпадает с исторической, дается ссылка на исходное значение слова. Даются примеры буквализации словообразовательной метафоры из художественной литературы и публицистики.

Фрагмент словаря

ЗМЕЕВЫЙ, -á, *м.* (← *змея* 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног'). 1. Труба (трубка), изогнутая в виде длинных плоских петель или спирали <как змея>, предназначенная для теплообменных процессов. *Кроме установки змеевика, нашему маэстро пришлось еще заниматься утеплением труб в стену в ванной комнате.* И. Курьянова, Хороший слесарь — несбывшаяся мечта // «Богатей», 10.07.2003. — *Затем ежедневно снег забрасывали в этот бункер, откуда он попадал в специальную бочку со змеевиком, где циркулировала горячая вода.* Ю. Сенкевич, Путешествие длиною в жизнь. 2. Плотная горная порода зеленого цвета, с пятнами. *И даже, применяя соответствующие пигменты, симитировать природные камни: малахит, змеевик, мрамор или гранит.* Н. Овчарова, Для воздушного замка // «Homes & Gardens», 30.04.2004. 3. Травянистое растение семейства гречишных, с толстым, змеевидно изогнутым корневищем. *Змеевик имеет мощную корнеотпрысковую систему.* Репортер, 23.07.2006. **Змеевичок.** *Уменьш.* к змеевик. Сюда аппаратик со змеевичком — помирать не надо. Е. Парнов, Третий глаз Шивы.

[► Из фр. *serpentin* < *serpent* 'змея'].

ЗМЕЙСТЫЙ, -ая, -ое. (← *змея* 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног'). 1. Напоминающий движущуюся змею. *По точной трубе, пробираясь, сбегала / Змейстая струйка на вал городской.* Я. Полонский, Струйка. — *Навстречу машине бежала и бежала позёмка дымными змейстыми струями.* Б. Екимов, Пиночет. — *Курганы в степи — как переспелые арбузы — в змейстых трещинах.* Ф. Раскольников, Статьи о русской литературе. — *Яйцо работало как огнетушитель, заливая огонь черной змейстой пеной.* Л. Петрушевская, Город света. 2. Пёстрый. *Она была всё в том же голубом с искорками платье, но теперь оно мне показалось каким-то змейстым.* Ф. Искандер, Сандро из Чегема. 3. Коварный, злобный. *Главного героя Жоржа играет Андрей Панин, из-за змейстой улыбочки режиссеры любят его в злодеи назначать.* К. Пульсон, Книги // «Парадокс», 01.05.2004. — *Чиновник в последние годы гораздо змейстее и злее, чем когда-то.* А. Яковлев, Омут памяти.

ЗМЕЙТЬСЯ, змеится; *несов.* (← *змея* 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног'). 1. Тянуться извилистой линией; виться,

извиваться <напоминая змею>. *Ветры змеились снежными жгутами и бросались к ее ногам.* Т. Толстая, Ночь. — *На асфальте в чёрной слякоти змеились шланги.* Д. Рубина, Синдикат. // Продолжаться длиться. *И хотя в Йере никто их не считал «трудными», эта репутация змеилась за ними ещё с тех пор, когда они прожили полгода в русском доме в Жуан-ле-Пен.* В. Крейд, Георгий Иванов в Йере. 2. Блуждать, скользить (обычно об улыбке). *Доктору казалось, что в лесу обитает Бог, а по полю змеится насмешливая улыбка дьявола.* Б. Пастернак, Доктор Живаго.

» **Букв.** *Бандиты пугают, трусишки боятся, удавы вздыхают и всюду змеятся.* Д. Герасимова, Удавы.

Перцова Н. **Словарь неологизмов Велимира Хлебникова.** Wien; Moskau, 1995.

В словарь Н. Н. Перцовой включено 6130 единиц. Он состоит из трех разделов: 1) словарные статьи на морфологически интерпретируемые слова; 2) словарные статьи на элементы «Звездного языка» Хлебникова (буквы и слоги); 3) словарные статьи на заумные, «звукописные», звукоподражательные слова — такие, которые ориентированы более на эмоциональное восприятие, чем на понимание. В первом разделе даны возможные варианты словарного вида — разночтения в изданиях и рукописях. В ряде случаев приводится предположительный вид слова.

Часть первого раздела — гнездовой словарь неологизмов, ранее расположенных в алфавитном порядке. Во втором разделе словарные статьи содержат указания на возможный смысл звука или слога, его ассоциативные зрительные образы. В третьем разделе даются краткие пояснения того, что может означать та или иная звуковая последовательность, например, пение птицы, шум грозы, язык мифического персонажа. В словаре учитываются и сопровождаются специальными пометами многочисленные переходные случаи, затрудняющие классификацию и интерпретацию.

Фрагмент словаря

лесич /1/ [SS 385] {RV 57; ВГ 76} С-мо МС: лес ✧ *Зорици, небичи, лесичи, водичи / сплетались водились кружились водились / Зорянки водянки леснянки землянки / кружились водились свивались в кружесток*

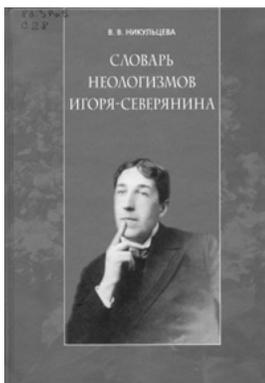
лесног /2/ [SS 381; НХ-VII 7] {RV 154} С-м МС: лесной АС: чертог ✧ (см. *снежог*)

леснянка /2/ [SS 385] {RV 57—58} С-жо МС: лес ✧ (см. *лесич*)

- лета** /2/ [V 253] С-мн МС: летать АС: бега ✧ *Самые игры летания следует обозначить «лета» (бега).*
- летава** /2/ [II 187; V 253...; RV 206; ДП-82 167] {RV 23...; ВГ 125} С-ж МС: летать АС: летава (мо) 'гуляка' [Даль]; держава ✧ *Слово «летава» может употребляться в смысле эскадра. «Летава Японии». Две летавы встретились готовые к бою. (см. также летава, немрава, шумеса)*
- летавель** /2/ [III 341] {ВГ 125} С-мо/ж МС: летать АС: журавель / свирель ✧ *Летавель могучей виданой, / Этой безвестной и странной, / Крылом белоснежные махари, / Полета усталого знахари, / Сияны веянами дахари.*
- летавица** /2/ [V 253] {ВГ 125} С-жо [слово встречается у А. Ремизова (наблюдение А. Е. Парниса)] МС: летать АС: красавица ✧ *Для женщин удобно сказать «летавица» (красавица, плясавица).*
- летавный** /2/ [V 254] П МС: летать АС: державный ✧ (см. *летутный*)
- летай** /1?:o/2/ [V 253] С-мо МС: летать АС: ходатай / лентяй ✧ (см. *летатель*)
- леталище** /2/ [V 254, 254] С-с МС: летать АС: рублище ✧ <...> *леталище* — костюм летока.
- летало** /2/ [V 254, 254] {ВГ 135} С-мо МС: летать ✧ *«Летало» — авиатор — известный за границей летало Гюйо.*
- леталь** /2/ [SS 392] {RV 108; ВГ 136} С-ж МС: летать ✧ *Зналь / Бежалъ / Леталь / Цветаль / Писаль*

Никульцева В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М., 2008.

Словарь составлен на основе публикаций и рукописей поэта. Неологизмы Игоря-Северянина даются в сравнении с подобными неологизмами других поэтов и с узуальными словами. В словарных статьях содержится информация об акцентологических вариантах неологизмов, грамматические и стилистические пометы, толкование, цитаты с указанием названия, года создания текста и отсылочных шифров книг и рукописей. Приводятся толкования других исследователей при расхождении с представленным толкованием или для уточнения. Отмечаются системные связи лексики (синонимия, омонимия, антонимия, паронимия). Неологизмы рассматриваются на уровне синхронии и на уровне диахронии. Указываются способ образования неологизмов и их производящая база, язык-источник мотивирующего слова, если неологизм произведен на базе заимствованных морфем. В 10 приложениях представлены словарь суффиксаль-

ных неологизмов, таблицы частотности неологизмов разных частей речи и сводная таблица частотности неологизмов в деривационном аспекте, частотность употребления семантических групп, объединяющих неологизмы разных частей речи, изменения в семантике и значении постоянно употребляемых неологизмов Игоря-Северянина, сопоставление идентичных неологизмов Игоря-Северянина и В. Маяковского.

Фрагмент словаря

КАЙЗЭРКИ, -рок, *мн., сущ.* Печень с изображением кайзера, императора Германии. *Захрустели пухлые кайзэрки, / Задымился ароматный чай...* («В предгрозье. Этюд», 1910; ГК, с. 87).
Суф. ← кайзер.

КАМАМБЕРНО, *нар.* 1. *Шутл.* Как сыр сорта «камамбер», остро. *И королева, камамберно / Глумясь над крестником из Берна, / Глаз практикует на орле* («Баллада III», 1916; М, с. 33). 2. *Ирон.* Изысканно, утончённо. *Кузмин изломан чрезмерно, / Напыщен и отвратно-прян. / Рокфорно, а не камамберно, / Жеманно-спецно обуян* («Пять поэтов», 1918; С, с. 144).
Суф. ← [камамбёрный*] ← камамбер.

КАМЕННО-ЖЕЛЁЗНЫЙ, -ого, *прил.* Производимый железными предметами и обрушивающимися камнями. *Я чуть не отдал жизнь в твоих горах, / Когда, под грохот каменно-железный, / Наш поезд, нёсшийся на всех парах, / Низринулся, — из-за обвала — в безду* («В долине Неретвы», 1931; А 2, с. 23).
Осн/слож. ← каменный + железный.

КАНВИТЬ, -йт, *несов., гл.* Вышивать что-л. по канве. *И лицом / Играя робко, но кокетно, / Она узор любви канвит, / Смеётся взрывчато-ракетно, / Приняв задорно-скромный вид* (РОЧ, 1923, ч. II, с. 49).
Суф. ← канва.

КАНОНИК, -а, *м., сущ.* *Пренебр.* Поэт, пишущий по канонам стихосложения; классик, формалист; противоп. *новатор.* *Пускай критический каноник / Меня не тянет в свой закон, — / Ведь, я лирический ироник: / Ирония — вот мой канон* («Двусмысленная слава», 1918; С, с. 74).
Суф. ← канон.
Ср. МАС: Каноник «католический соборный священник».

КАНЬ, *звукоподр.* Звуки плеска. *Над ним лунал вуалевый эольчик / И, камешки кидая в воду: «кань», / Чуть шептал устами, как коральчик...* («Издательство», 1911; АШ, с. 50 = «Издательство. Новосонет»; КГ, с. 8).
Непроизв. // сокр. ← кануть «капнуть».

КАПЛИТЬ, -ит, *несов., гл.* Падать каплями; медленно равномерно стучать. *...Тени из ула / Шарахались, и рукомойник, / Заброшенный на чердаке, / Педалил, каплил: то покойник, / Смывая пятна на руке / Кровавые, сто-нал...* (РОЧ, 1923, ч. II, с. 47).
Суф. ← капля.

КАПРИЗОВО, нар. Капризно. Ты, лебедь белая, голубка сизая, / Поёшь капризово / У барда ног («Балтика. Балтийская поэза», 1913; VR, с. 40).

Суф. ← [капризовый*] ← каприз.

КАРА́БКА, -и, ж., суц. Уменьш.-ласк. Существо, которое карабкается, скребётся. Раз Алаеа, кошки лапка, / Смолёвка малая, карабка, / Сев на колени короля / (Ах, эта далека земля!) <, > / Отцовским присказкам внимала, / Ягнёнка на руках держала / И нежно курочек кормила, / И рыбок ласково манила («Сказка об Алаеа», 1925; ПФ, с. 11).

Суф. ← карабкаться.

Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья): В 2 т. / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983.

В словарь включена как диалектная, так и общеупотребительная лексика — в тех случаях, когда в записях диалектной речи представлен словообразовательный контекст. Словарные статьи содержат мотивированное заглавное слово, грамматические пометы, толкование значения, включающее мотивирующую базу, зафиксированные лексические мотиваторы (ЛМ) и структурные мотиваторы (СМ), частотные характеристики и обширные текстовые иллюстрации. Особое внимание обращено на актуализацию мотивационных связей заглавного слова в разговорной речи. В словаре найдено отражение и народная этимология.

Фрагмент словаря

УРОСЛИВЫЙ, ая, ое. Такой, который «уросит» (см.).

ЛМ: **урос** 'каприз, упрямство' (4) и — **уросить** 'капризничать, упрямиться' (4), **зауросить** (1).

СМ: **шулудивый** 'такой, который балуется' (1).

— Уросливый — спасу нет! Лошадь уросит, ребенок тоже (Шег. Труб.). Один такой уросливый, стал уже уросить (Колп. Инк.). Когда плачет, ничё с ним сделать нельзя — это уросливый. Он никакие уговоры не понимает. Уросит, ломается туда сюда, может и не болеет, а всё равно плачет (В.-Кет. Б. Яр). Шулудивый ребенок может быть. Баловный значит. А уросливый — это плачет, плачет. Ну, урос. Ребенок плачущий, вот и урос называется по-нашему, по-здешнему (Колп. Тиск.).

УСАТКА, и, ж. Сорт пшеницы с длинной остью («усами»).

ЛМ: **усы** 'ость' (3).

СМ: **куба́нка** (2); **белоко́лоска** (1); **красноко́лоска** (1) — названия сортов пшеницы.

— Усатка — пшеница раньше была, на ней усы большие были (Мар. М. Ант.). Называлась пшеница усатка [...] Растет так же, только усы (Мар. М. Ант.). Были кубанки. А усатка — сорт пшеницы, у ней усы больши... Красноколомка была очень примолотная, белоколоска очень падала, кубанка не любила нашу землю (Том. Верш.).

УСАЧ, а, м. Тот, кто имеет большие усы.

ЛМ: **усы** (7) и — **усатый** (2).

СМ: **бородач** ‘тот, кто имеет длинную бороду’ (1).

— А усачом зовут того, у кого большие усы (Колп. Тиск.). Усач — это у которого усы большие вырастут [...], у нас есть усачи. Длинные вот усы такие отросят, вот и называют их усач (Кем. Ягун.). Бороду брить не будешь, вот и бородач. У тебя маленька борода. Гриша большебородый, длина [бороды] до пупа. Усач — бороды нет, усы есть, вот тебе и усач (В.-Кет. Б. Яр).

Мотивационный словарь сибирского говора: В 2 т. / Сост. О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. Томск, 2009.

Словарь составлен на материале говора села Вершинино Томского района Томской области. В словарные статьи включены грамматические пометы заглавных слов, толкование значения, мотивирующие слова (лексические мотиваторы), слова аналогичной структуры (структурные мотиваторы), диалектные контексты, в которых содержится мотивация слов. Диалектные цитаты приводятся в орфографической записи с сохранением некоторых фонетических и грамматических особенностей речи. Фонетические и грамматические варианты даются в пре-

делах одной словарной статьи, если их лексические и структурные мотиваторы одинаковы, и в разных словарных статьях, если их мотиваторы не совпадают.

Примеры словарных статей¹

КАРТОВНИЦА, ж. Посуда для приготовления блюд из картофеля.

ЛМ: **картовь**, **картошка** ‘огородный овощ’.

СМ: заварница, морковница, сельница, творожница — названия посуды.

— *Картовница у меня сковородка — жарить картошку, мясо. // Есть тарелка для картови — картовница, и творожница есть тоже: в ней творог держут. Заваривают чай в заварнице у нас. // Маслѐнка, картовница, про-*

¹ Примеры приводятся по статье: Блинова О. И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 1(5). Филология.

тивень. *Картовица, морковница — всё есть. // Изделают ну, картовицу сделают, ладошка маленька, больша — противень... Сельницы — муку сеяли. Деревянна сельница.*

ЛЪНЯНОЙ. Сделанный из льна.

ЛМ: лѐн ‘травянистое растение’.

СМ: конопляный ‘сделанный из конопли’.

— *Лѐн — росток длинный, вот така одна былка, от корня... Льяно семя есь. Из его делают масло льяно. // Посеют лѐн да и смолят, и масло льяное делают из него. // Раньше масло было льяно да подсолнешно, да конопляно.*

МАСЛЕННИКИ, мн., ед. **МАСЛѐНОК**.

ЛМ: масло и — масный ‘как бы покрытый слоем масла’.

СМ: белянки, бычки, волнушки, опѐнки, рыжики — названия грибов.

— *Масленник жѐлтый, на ём — как масло на корочке. // Белы грибы, маслѐнки, маслены они. // А маслят — так грядями. Вот такой грибочек, их почистишь — он масный, жѐлтый. // Ох, раньше маслят было — лопатой гребл! <...> Грибов возили: масленники, бычки, опѐнки, маслята, черниги много.*

ПЕСНЯ, ж. Словесно-музыкальное произведение для пения; то, что поют.

ЛМ: петь и — запеть, запевать, перепеть, спеть.

СМ: басня ‘краткое иносказательное стихотворение’.

— *Едем туда [на поля], песни поём, едем оттуда — опеть песни. // Песни запоём — боже спаси! Нас как-то в каталажку посадили за песни. А её одной заставили песни петь. Старинну песню. Вот она пела «Из-под камня, камня сего». Одну песню спела. // Песни да басни всё пишут и пишут, не перестают.*

РЯБИНА, ж. Дерево с пѐстрой («рябой») окраской осенних листьев.

ЛМ: рябой (рябый).

СМ: калина ‘дерево’.

— *Рябина может быть [называется] от листа: лист рябый. // Рябина? Кто его знает [почему так называют]. Вроде от листа, что рябый. // Деревья у нас растут: боярка, рябина, калина, берѐза.*

Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций.
М., 2007.

Словарь был впервые издан в Германии в 2001 году. В него включены слова, самостоятельно сконструированные детьми преимущественно от 3 до 8 лет, если эти слова не совпадают с общеупотребительными. Словарные статьи содержат контекст употребления с указанием имени и возраста ребенка; толкования, сформулированные так, чтобы выявить связь лексической единицы с ее словообразовательным значением; эквивалентные узуальные слова. Отсутствие эквивалентов в словаре указывает на

лакуны общеупотребительного языка. В статьи включены словообразовательные справки, а в некоторых случаях — краткий лингвистический комментарий.

Фрагмент словаря

УДАЧНИК Тот, кому сопутствует удача. / — *Я Дональд Дак! Я удачник! Всегдачник!* (Алёша Ш.; 5,3)

Удача + -ник; ср. ключ — ключник.

УДВИНУТЬСЯ То же, что отодвинуться. / — *Сейчас я удвинусь.* (Надя Ж.; 3,4)

У- + двину(ть)ся; ср. лететь — улететь.

УЛЕТАЙЧИК То же, что одуванчик. / — *Мама, улетайчик* (об одуванчике). (Саша К.; 3,6)

Улетать (улетай, повел. накл.) + -чик; ср. летать — лётчик.

УЛОВИТЬ Сов. к ловить; то же, что поймать. / — *Уловить кошку.*

У- + лови(ть); ср. жалить — ужалить.

УЛОЖАТЬ Несов. к уложить; то же, что укладывать. / — *Мы зверей уложаем спать.* (Саша Ч.; 3,8)

Уложить + -а/я(ть); ср. бросить — бросать.

УЛОЖИВАТЬ Несов. к уложить; то же, что укладывать. / — *Я уложиваю своих людей (кукол) спать.* (Элда; 2,5)

Уложить + -ива/ыва(ть); ср. налить — наливать.

УРОДИТЬ Делать уродливым; то же, что уродовать. / (Не нравится мамина прическа) — *Не уродь себя!* (Вика Р.; 7)

Урод + -и(ть); по аналогии с калека — калечить.

УРОНИТЬСЯ То же, что упасть. / (Отец убрал боковую решетку кровати) — *А я не уронюсь отсюда?* (Марина С.; 2,3)

Урони(ть) + -ся; ср. мыть — мыться.

УРОНЯТЬ Несов. к уронить; то же, что ронять. / — *Это ты уронила книгу? — Ничего я не уроняла!* (Вика Р.; 7)

Уронить + -а/я(ть); ср. бросить — бросать.

УСЛОНИТЬ Совершить действие, свойственное слону. / — *Бармалея собака Ава укусила, конь лягнул, кошка оцарапала, крокодил проглотил, а слон услонил.* (Лёня К.; 2,5)

У- + слон + -и(ть); ср. порядок — упорядочить.

УСМЕЯТЬ Рассмешить до изнеможения. / — *Он меня усмеял совсем.* (Таня И.; 4)

У- + смея(ть)ся. Словообразование по окказиональной модели с помощью депостфиксации.

УСТАНОВЛЕНИЕ То, что установлено; то же, что установка. / — *На аквариуме есть специальное установление для кислорода и всего.* (Вика Р.; 9)

Установить (в → вл) + -ениј(е); ср. петь — пение.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО МОРФЕМИКЕ

- Богданов С. И.* Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
- Панов М. В.* О степенях членимости // Развитие современного русского языка. Словообразование, членимость. М., 1975.
- Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой и др. М.: Наука, 1980.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО МОРФЕМИКЕ

- Арутюнова Н. Д.* О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
- Бондарко А. В.* Формообразование, словоизменение и вопросы морфологических категорий // Вопросы языкознания. М., 1974.
- Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
- Виноградов В. А., Крылов С. А., Поливанова А. К.* Морфема // ЛЭС. М., 1990.
- Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные труды. М., 1959.
- Герд А. С.* Структурные типы слов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского языка. Вып. 77. ЛГУ, 1973.
- Земская Е. А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Касевич В. Б.* О разных способах членения слова // Морфемика: Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц / Под ред. С. И. Богданова, А. С. Герда. СПб., 1997. С. 107—116.
- Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Кубрякова Е. С.* О типах морфологической членимости слов, квазиморфах и маркерах // Вопросы языкознания. 1970. № 2.
- Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. Предисловие. М., 1986.
- Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Маслов Ю. С.* О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Учёные записки ЛГУ. 1961. № 301. Сер. филол. наук. Вып. 60. С. 140—52.

- Оливериус З.* Морфемы русского языка. Частотный словарь. Прага, 1976.
- Рацибурская Л. В.* Словарь уникальных морфем русского языка. М., 2009.
- Реформатский А. А.* О членности слова // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членность слова. М., 1975.
- Смирницкий А. И.* Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1948. Вып. 5. С. 21—26.
- Тихонов А. Н.* Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002.
- Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды. Т. I. М., 1956.
- Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 2012.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой и др. М.: Наука, 1980. С. 138—140.
- Тихонов А. Н.* Основные понятия русского словообразования // Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. М., 2003. С. 24—57.
- Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

- Араева Л. А.* Словообразовательный тип. М., 2009.
- Блинова О. И.* Мотивология и ее аспекты. М.: Красандр, 2010.
- Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155—165.
- Виноградова В. Н.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 2011.
- Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419—442.
- Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2009.
- Кубрякова Е. С., Соболева П. А.* О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 5—23.
- Лопатин В. В.* Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. М., 2007.
- Моисеев А. И.* Основные вопросы словообразования в современном русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Мусатов В. Н.* Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование. М., 2010.
- Намитокова Р. Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону, 1986.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Н. Новгород, 1994.
- Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. М., 2010.

- Огольцева Е. В.* Образное значение в системе отсубстантивной деривации. Структурно-семантический аспект. М., 2006.
- Петрухина Е. В.* Словообразование в университетском курсе русского языка: дискуссионные вопросы // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 416—431.
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка: Учебное пособие. М., 2011.
- Сахарный Л. В.* Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.
- Тихонов А. Н.* Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002.
- Улуханов И. С.* Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 3—16.
- Улуханов И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
- Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Ширшов И. А.* Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1981.
- Ширшов И. А.* Теоретические проблемы гнездования. М., 1999.
- Янценецкая М. Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

МОРФЕМИКА

Раздел 1	
Морфемика как наука	5
Базовые понятия: система, структура, функция в языке, языковые единицы и языковые уровни	6
Понятие морфемы	8
Сложные вопросы морфемной интерпретации	11
Виды морфем	13
Корни и аффиксы	—
Типы аффиксов	14
Раздел 2	
Структура русского слова	16
Структура слова и форма	18
Структура слова и этапы морфемного членения	20
Раздел 3	
Формообразование как этап морфемного членения	23
Формообразование и словоизменение	—
Основные принципы формообразовательного анализа	30
Средства слово- и формообразования	32
Раздел 4	
Формообразование в современном русском языке	36
Главные особенности формообразования существительных	—
Дополнительные средства образования форм числа и падежа существительных	42
Дополнительные средства образования форм числа существительных ...	42
Дополнительные средства образования форм падежа существительных ...	46
Главные особенности формообразования глагола	48
Соотношения основ и формообразовательные классы глагола	50
Образование парциальных основ глагола	53
Аффиксы глагольных формативов	57
Дополнительные средства образования форм глаголов	63

Главные особенности формообразования прилагательных, местоимений-существительных, количественных и собирательных простых числительных	65
Формообразование прилагательных	66
Формообразование местоимений-существительных	69
Формообразование количественных и собирательных числительных	74
Раздел 5	
Словообразовательный анализ как этап морфемного членения	75
Особенности словообразовательной структуры основных частей речи и местоимений-существительных	79
Особенности словообразовательной структуры существительных	—
Особенности словообразовательной структуры прилагательных	82
Особенности словообразовательной структуры глаголов	85
Особенности словообразовательной структуры наречий	88
Особенности словообразовательной структуры местоимений-существительных	89
Раздел 6	
Собственно морфемное членение	91
Производность и членимость	—
Структурная аналогия как этап морфемного членения	95

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Раздел 1	
Предмет словообразования как науки	98
Номинация первичная и вторичная	—
Типы вторичной номинации	99
Словообразование как наука и как уровень языка	100
Связь словообразования с другими уровнями языка	102
Словообразование и лексикология	—
Словообразование и морфология	103
Словообразование и синтаксис	104
Словообразование и фонетика	—
Функции словообразования	105
Проблема синхронии и диахронии в изучении словообразования	107
Раздел 2	
Производное слово	109
Типы языковой мотивации	112
Направленность производности	117
Расхождение между формальной и смысловой производностью	—
Словообразовательное значение	118
Фразеологичность семантики производного слова	120

Раздел 3

Способы словообразования	121
Морфологические (аффиксальные) способы словообразования	122
Суффиксальный способ	123
Префиксальный способ	124
Постфиксальный способ	125
Префиксально-суффиксальный способ	126
Префиксально-постфиксальный способ	127
Суффиксально-постфиксальный способ	128
Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ	—
Сложение	—
а) Чистое сложение	—
б) Образование сложносоставных слов	130
Обратное словообразование	130
Неморфологические (неаффиксальные) способы словообразования	131
Аббревиация	131
Усечение	132
Лексико-синтаксический способ	133
Морфолого-синтаксический способ	134
Лексико-семантический способ	135

Раздел 4

Словообразовательная система	137
Словообразовательная пара	—
Словообразовательная цепочка	138
Словообразовательный тип	140
Разновидности словообразовательных типов по соотношению производного и производящего	142
Словообразовательная модель	145
Морфонологические модели в рамках словообразовательного типа	146
Словообразовательное гнездо	147
Словообразовательная парадигма	150
Словообразовательная категория	154

Раздел 5

Историческое словообразование	155
Исторические изменения морфемной структуры производного слова	156
Опрощение	156
Усложнение	157
Переразложение	158
Наложение морфем	159
Метатеза	160
Декорреляция	—

Способы словообразования с диахронической точки зрения	161
Лексикализация	162
Грамматикализация	163
Дезтимологизация	164
Резтимологизация	166
Раздел 6	
Неология	167
Проблемы терминологии	168
Критерий новизны	169
Понятия «неологизм», «окказиональное слово» и «потенциальное слово»	—
Узуальная неология	172
Неузуальная неология	173
Причины авторского словообразования	—
Способы неузуального словообразования	174
а) Обратное словообразование (редеривация)	—
б) Гибридное словообразование (контаминация, междусловное наложение, телескопное словообразование, скорнение, слова-бумажники, слова-кентавры)	175
в) Субституция (замещение фрагментов слова)	176
г) Лексикализация морфем и других фрагментов слова (эмансипация, автономизация, высвобождение морфем)	—
д) Метатеза	177
е) Палиндром	179
ж) Гендиадис (отзвук, повторы-отзвучия, эхо-конструкции, «фокус-покус»-прием)	—
з) Тмезис	180
и) Креация	181
к) Трансформация грамматических форм	—
Словообразовательная системность в поэтических экспериментах	182
а) Словообразовательный контекст	—
б) Актуализация словообразовательных типов	183
в) Актуализация системности в словообразовательные гнездах	185
Раздел 7	
Словообразовательная стилистика	186
Стилистически маркированные словообразовательные средства	187
а) Функционально-стилевая принадлежность словообразовательных формантов	—
б) Стилистически окрашенные словообразовательные модели	193
в) Словообразовательные архаизмы	195
Образный потенциал словообразования	197
а) Сравнение	—
б) Метафора	198
в) Оксюморон	199

Стилистика словообразования в художественной литературе	200
а) Словообразовательная стилистика в речевой характеристике персонажей	—
б) Словообразование как объект пародирования	201
в) Словообразование в языковой игре	203

Раздел 8

Словообразовательный анализ	205
Отличие словообразовательного анализа от морфемного и формообразовательного	—
Принципы словообразовательного анализа	206
Образцы анализа	207

МОРФЕМНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СЛОВАРИ 219

Краткий список морфемных словарей русского языка	—
Краткий список словообразовательных словарей русского языка (XX — начало XXI в.)	220
Сведения об основных морфемных словарях	223
Сведения об основных словообразовательных словарях	226
Рекомендуемая литература по морфемике	248
Дополнительная литература по морфемике	—
Рекомендуемая литература по словообразованию	250
Дополнительная литература по словообразованию	—

Учебное издание

Зубова Людмила Владимировна
Меньшикова Юлия Владимировна

МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

*Учебник
для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Корректор *Н. М. Казимирчик*
Технический редактор *А. Г. Хуторовская*
Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 06.10.2014.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 100 экз. Заказ №

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.